

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издаётся под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

2

МАРТ-АПРЕЛЬ

"НАУКА"
МОСКВА – 2009

СОДЕРЖАНИЕ

А.А. Кибринк (Москва). Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов ...	3
А.А. Ростовцев - Попель (Санкт-Петербург/Франкфурт-на-Майне). Типология демонстративов: средние дейктики	22
Н.М. Зайка (Санкт-Петербург). Валентностная и персональная вариативность баскского глагола с дативным актантом, связанная с морфологическими запретами и редкими формами	35
А.Б. Шлиинский (Москва). Рефлексивные маркеры в языках с сериальными конструкциями (на материале эве и акан)	45
Д.И. Идятов (Антверпен). Частичная антиморфологизация: пример из глагольной морфологии языка тура	66
В.Ф. Выдрин (Санкт-Петербург). Превербы в языке дан-гуэта.....	75
Ж. Багана, Е.В. Хапилина (Белгород). Основные черты языковой политики стран франкофонной «черной» Африки в постколониальный период	85
Л.Л. Касаткин (Москва). О природе фонемы.....	92
Лю Юнхун (Ухань). Сопоставление языков: концепция, подходы и методы	103
О.А. Анищенко (Кокшетау). Эволюция обозначения молодежной речи: от технического языка до жаргона	108

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

М.И. Исаев (Москва). Крупнейший представитель русской филологической науки конца XIX в. и начала XX в. академик Вс.Ф. Миллер (к 160-летию со дня рождения ученого) .	117
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

С.А. Минор (Москва). <i>E. Stark, E. Leiss, W. Abraham (eds.). Nominal determination: Typology, context constraints, and historical emergence</i>	124
Д.В. Сичинава (Москва). <i>The Munda languages / G.D.S. Anderson (ed.); G.D.S. Anderson. The Munda verb: Typological perspectives</i>	129
Е.И. Якушкина (Москва). <i>Е.Л. Березович. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования.....</i>	140
А.Е. Кузнецов (Москва). <i>А.Л. Верлинский. Античные учения о возникновении языка</i>	144

Хроникальные заметки

М.М. Макарцев (Москва). XVI конференция по балканistique и югославистике	148
О.М. Урюпина, О.Ю. Шеманева (Москва). Шестая международная конференция по языковым ресурсам и их оценкам (Language Resources and Evaluation Conference – LREC) ...	152
Б.Л. Иомдин (Москва). Международная конференция «Диалог-2008»	155

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

*В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин,
В.А. Виноградов (зам. главного редактора), Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков,
В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский,
Ю.Н. Караполов, А.Е. Кибринк (зам. главного редактора), М.М. Маковский, А.М. Молдован,
Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плунгян (отв. секретарь), Е.В. Рахилина*

Зав. отделами: *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*

Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,

Редакция журнала «Вопросы языкознания»

Тел. (495) 637-25-16

© Российская академия наук, 2009 г.

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2009 г.

© 2009 г. А.А. КИБРИК

МОДУС, ЖАНР И ДРУГИЕ ПАРАМЕТРЫ КЛАССИФИКАЦИИ ДИСКУРСОВ*

Дискурсивный анализ представляет собой особый уровневый раздел лингвистики, наряду с фонетикой, морфологией и синтаксисом. Предметом этого раздела являются языковые составляющие потенциально неограниченного объема – целые дискурсы. Одна из основных задач дискурсивного анализа – определить параметры классификации дискурсов, то есть построить таксономию типов дискурса. В статье рассматриваются важнейшие параметры такой таксономии, в том числе различие по модусу (устный/письменный), по жанру, по функциональному стилю. Будучи принципиально независимыми, различные классификационные параметры тем не менее обнаруживают определенные вторичные связи – так, устный модус типично ассоциирован с одними функциональными стилями, письменный – с другими. Типы дискурсов, выделяемые по разным классификационным параметрам, обладают определенными лексико-грамматическими характеристиками, и этим обусловлена связь между дискурсивным анализом и более традиционными уровнями разделами лингвистики.

1. ВВЕДЕНИЕ

В истории современной лингвистики наблюдается постепенное увеличение размера языковых составляющих, оказывающихся в фокусе интереса исследователей. Нетрудно заметить, что в течение большей части XX в. основные интересы лингвистов постепенно смешались – сначала с фонологией на морфологию, затем на синтаксис. В последние десятилетия стало ясно, что синтаксические составляющие – это далеко не максимальные языковые единицы, которые подлежат научному изучению. Возник уровневый раздел лингвистики, исследующий целые дискурсы – **анализ дискурса**, или **дискурсивный анализ**. По-видимому, можно утверждать, что увеличение составляющих, находящихся в центре внимания, – это главная тенденция современной лингвистики. Одна из ранних работ, где данная тенденция была заявлена уже в заголовке [Фигуровский 1948], была опубликована 60 лет назад. Но, как известно, научные идеи не всегда быстро пробивают себе дорогу.

Процесс переноса интереса с синтаксиса на дискурс еще далеко не завершен и не отрефлексирован, но представляется, что это необратимый процесс. Все большее число лингвистов разделяет мнение, что исключение единиц «больших, чем предложение» из сферы науки о языке отнюдь не идет на пользу. А если такие единицы начинают рассматриваться как респектабельный объект научного анализа, то недалеко и до осознания простого факта: дискурс – это единственный заведомо реальный лингвистический объект. Люди разговаривают между собой дискурсами, а не предложениями и тем более не морфемами или фонемами. Это отличает дискурс от других языковых единиц, которые представляют собой научные конструкты, плоды того или иного анализа, а раз так, то и трудно достичь согласия относительно их состава и природы. Поэтому естественное построение лингвистики как науки и следовало бы начинать с исследования дискурса, а лишь с учетом этого уровня исследовать более мелкие единицы, полученные в результате аналитических процедур.

* Данное исследование поддержано грантом РГНФ №08-04-00165а, а также грантом Фонда содействия отечественной науке. Автор благодарен обоим фондам за поддержку.

2. ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Понятие «дискурс» понимается ниже как единство двух сущностей – процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т.е. текста. Благодаря такому двуединству, дискурс можно изучать и как разворачивающийся во времени процесс, и как структурный объект. «Дискурс» – это максимально широкий термин, включающий все формы использования языка.

Подобно другим лингвистическим дисциплинам (а также вообще эмпирическим наукам), дискурсивный анализ сосредотачивает внимание на нескольких основных вопросах: (а) какими бывают исследуемые явления? (б) какова структура этих явлений? (в) как эти явления связаны с явлениями из смежных областей? В соответствии с этими вопросами, дискурсивный анализ как дисциплина состоит из трех основных разделов [Кибрик 2003]:

- типология (таксономия, классификация) дискурсов – какие разновидности дискурсов встречаются и какие классификационные параметры могут использоваться для их типологизации;
- структура дискурса – из каких компонентов строится дискурс;
- как дискурсивные явления связаны с другими языковыми явлениями.

Два последних раздела разработаны в дискурсивном анализе более подробно. Так, довольно много известно о **структуре дискурса**. Различаются два основных уровня дискурсивной структуры – глобальная и локальная. Глобальная структура – это структура наиболее крупных составляющих дискурса, например, если речь идет о газетной статье – абзацев. Локальная структура – это структура, состоящая из минимальных единиц, которые имеет смысл относить к собственно дискурсивным. В настоящее время широко распространена точка зрения, что минимальной дискурсивной единицей является предикация (клауза); см., например [Кибрик, Подлесская 2006]. Глобальная и локальная структура не разделены жестко, напротив, они могут быть представлены как два полярных уровня единой иерархической структуры дискурса. Одна из наиболее продвинутых концепций иерархической структуры дискурса, позволяющая единым образом описать глобальную и локальную структуру, – теория риторической структуры У. Манна и С. Томпсон [Mann, Thompson 1988].

Весьма развиты также исследования, фокусирующиеся на **связи дискурсивных явлений и более «мелких» уровнях языка**. Многие морфосинтаксические, лексические и фонетические явления могут быть поняты лишь с учетом лежащих в их основе дискурсивных факторов. Например, семантические типы обстоятельственных придаточных – это фактически частные случаи риторических отношений (таких, как цель, причина, условие, время, контраст и др.), которые могут связывать дискурсивные единицы разного объема. В ряде языков выбор между финитным и нефинитным оформлением предиката является дискурсивно мотивированным (см. [Кибрик 2008]). Явление лексического референциального выбора (полная именная группа vs. анафорическое местоимение) можно описать, лишь апеллируя к дискурсивным факторам – таким, как расстояние до антецедента в числе предикаций, наличие/отсутствие дискурсивных границ между данной точкой дискурса и антецедентом и т.д. Многие просодические явления (выделительные акценты, тоны в акцентах, темп и т.д.) являются полностью дискурсивно мотивированными. О связи грамматики и дискурса см. [Плунгян 2008].

Значительно слабее разработан в дискурсивном анализе первый из трех упомянутых выше разделов, связанный с **таксономией дискурса**. В ряде недавних обобщающих трудов по дискурсивному анализу (например [van Dijk (ed.) 1997; Schiffrin et al. 2001]) эта проблематика представлена весьма пунктирно. В целом, в области таксономии дискурса решающего прорыва пока не произошло. Это не удивительно – формы дискурса столь же разнообразны, как и формы самой человеческой жизни. Расклассифицировать все разновидности дискурса на типы – крайне сложная задача. Кроме того, в литературе о типах дискурса царит крайний разнобой, разные авторы предлагают совершенно несоотносимые подходы. Цель настоящей работы – попытаться

выявить наиболее важные параметры классификации дискурсов и обсудить взаимодействие между ними.

3. МОДУС

Самое крупное противопоставление между типами дискурса – это противопоставление по **модусу**¹, или каналу передачи информации. Исходным, базовым модусом является **устный**, основанный на звуковом взаимодействии между говорящим и адресатом. Говорящий порождает звуковой сигнал при помощи своего артикуляторного аппарата, а адресат его воспринимает как акустический при помощи слуха. Возможно, имеет смысл выделять **жестовый** модус, основанный на визуальном взаимодействии между говорящим и адресатом. Жесты, сопровождающие обычную устную речь, настолько тесно интегрированы со звуковой речью, что отделить их в особый модус вряд ли возможно. Однако существует совершенно иной тип использования жестов – жестовые языки глухих. В них визуальный канал, очевидно, является единственным, поэтому при таком способе взаимодействия говорить об устном модусе было бы довольно странно, учитывая этимологию слова «устный».

С самого начала существования языка, по-видимому, существует и **мысленный** модус, при котором человек создает внутренний дискурс, непосредственно недоступный никому другому. Тем самым, человек пользуется языком, не оставляя при этом никаких перцептивно доступных следов языковой деятельности. В этом случае язык также используется коммуникативно, но одно и то же лицо является и говорящим, и адресатом. В силу отсутствия наблюдаемых следов мысленный дискурс исследован гораздо меньше, чем устный и письменный. Это явление традиционно изучается не столько в лингвистике, сколько в психологии, начиная со знаменитой монографии Л.С. Выготского [Выготский 1934]. Вероятно, в будущем исследования устного и мысленного дискурса должны объединиться, поскольку два эти модуса неразрывно связаны между собой и не могли бы существовать один без другого.

Гораздо больше известно о соотношении между устным модусом и **письменным**. Письменный модус, основанный на зрительном сигнале, возник в истории вида Homo sapiens относительно недавно, около 5000 лет назад. Хотя письменный язык изучать безусловно удобнее, элементарная логика требует признать его вторичность и производность. Совершенно очевидно, что устный модус – это исходная, фундаментальная и более простая форма существования языка, а письменный дискурс является производным от устного и представляет собой более позднюю, вторичную разновидность языка – и в онтогенезе, и в филогенезе. Большинство человеческих языков и по сей день являются бесписьменными, то есть существуют только в устной форме.

Очевидная, казалась бы, идея о приоритете устной формы языка с трудом пробивала себе дорогу в лингвистике. В ходе развития европейской цивилизации (и некоторых других цивилизаций) письменная форма языка приобрела экстраординарную культурную роль. Многие культуры были фактически созданы вокруг тех или иных сакральных письменных текстов – достаточно упомянуть роль Библии в культуре евреев и позже европейских народов. Это обеспечило письменной форме языка высокий престиж и создало обычно неэксплицируемое, но популярное убеждение, что письменный язык – истинный, «чистый», «правильный», освобожденный от всяких случайностей, собственно единственная форма языка, заслуживающая просвещенного внимания ученых, а устный язык – всего лишь «испорченная» версия этого правильного языка. Эта точка зрения из обыденного сознания была унаследована многими поколениями лингвистов. После того как некоторые лингвисты признали (в XIX в.) приоритет устного языка, в течение большей части XX в. не осознавалось то обстоятельство,

¹ Автор отдает себе отчет в том, что этот термин очень неоднозначен в современной лингвистике, и не настаивает на нем.

что письменный язык и транскрипция устного языка – не одно и то же. Удивительным образом и сейчас многие лингвисты не осознают ни приоритета устного языка, ни того факта, что письменный язык не тождествен языку вообще. Равноправие или приоритет письменного языка редко отстаивается в эксплицитной форме, гораздо чаще можно встретиться с имплицитной практикой, в соответствии с которой лингвисты обращают внимание только на письменную форму языка и полагают, что, изучая письменные предложения, они изучают язык вообще.

Мнение о большей ценности письменного языка просачивается и в научную литературу, даже в ту, которая фокусируется на устной речи. Так, коллектив под руководством Е.А. Земской, который имеет очень большие заслуги в области документации устного русского языка и привлечения внимания к этой форме русского языка, в своих публикациях явно исходит из предпосылки, что «кодифицированный литературный язык» – это основная, так сказать немаркированная, форма русского языка, а русская разговорная речь – некоторое отклонение от этого идеала.

Реальное сопоставление устного и письменного дискурса как альтернативных форм существования языка началось лишь в 1970-е гг. В частности, это касается уже упомянутого проекта по изучению русской разговорной речи под руководством Е.А. Земской – весьма пионерского для своего времени (см., например [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981]). Для традиционной русистики характерно подавляющее преобладание интереса к письменному языку. Ср. [Русскую грамматику 1980], которая основана на иллюстративном материале, почти исключительно взятом из художественной литературы. Группа Земской указала на объект, который этими описаниями совершенно не охватывается. Основной вывод, к которому пришли авторы, состоит в том, что русский язык представляет собой две различные системы: кодифицированный литературный язык и разговорная речь. На русском материале Е.А. Земская и ее соавторы открыли и описали многие особенности разговорной речи – такие, как ее творческий характер (в том числе в словообразовании) и одновременно клишированность, связь с конситуацией, активное использование просодии и жестов. Впервые были описаны многие принципиально важные явления устного русского языка – например, тенденция к помещению рематических компонентов в начало синтагмы. Есть и ряд других работ об устной русской речи – так, О.А. Лаптева [Лаптева 1976] указала на дискретность устной речи, ее порождение в виде последовательности сегментов, а также на неприменимость стандартного понятия предложения к устной речи.

Различие в канале передачи информации имеет принципиально важные последствия для процессов устного и письменного дискурса. Эти последствия были исследованы У. Чейфом в работе [Chafe 1982], в которой он сопоставил два корпуса дискурсов – устных и письменных. Первое из двух главных последствий связано с разным **временным режимом** речи и письма. При устном дискурсе порождение и понимание происходят синхронизированно, а при письменном – нет. При этом **скорость письма** (рукописного) более чем в 10 раз ниже скорости устной речи, а скорость чтения несколько выше скорости устной речи. В результате в устном дискурсе имеет место явление **фрагментации**: речь порождается толчками, порциями, квантами – так называемыми просодическими единицами, которые типично отделены друг от друга паузами, имеют признаки просодической завершенности и автономности (единий интонационный контур, наличие одного главного акцента, темповый и громкостный паттерны) и типично совпадают с простыми предикациями, или клаузами (*clause*). При письменном же дискурсе происходит **интеграция** предикаций в сложные предложения и прочие синтаксические конструкции и объединения. Так, в корпусе, исследованном У. Чейфом, в устном дискурсе частота номинализаций составила 4,8 на тысячу слов, в письменном – 55,5. Этот количественный эффект связан с тем, что для письменного дискурса очень характерно описание событий не в виде глагольных предикаций, а в виде отглагольных именных групп, и такие события тем самым интегрируются в состав других событий. Еще один показатель – частота серий предложных групп (типа *пошел в воскресенье в зоопарк с детьми* или англ. *the question of the nature of referential forms*

‘вопрос о природе референциальных форм’): для устного дискурса частота таких серий составила 1,8 на тысячу слов, а для письменного – 16,2. Обнаруженные Чейфом синтаксические явления, имеющие очень разные частоты в устном и письменном дискурсе, подытожены в Таблице 1. Все эти явления являются частными реализациями оппозиции фрагментация vs. интеграция.

Таблица 1

Проявления оппозиции фрагментация vs. интеграция, согласно [Chafe 1982]
(встречаемость на тысячу слов)

	Номинализации	Причастия	Атрибутивные прилагательные	Сочинение	Серии предложных групп	Дополнительные придаточные	Относительные придаточные
Устная речь: фрагментация	4,8	8,3	33,5	5,8	1,8	8,9	9,7
Письмо: интеграция	55,5	35,6	134,9	23,8	16,2	19,2	15,8

Второе принципиальное последствие, вытекающее из различия устного и письменного модусов – это наличие/отсутствие **контакта** между говорящим и адресатом во времени и пространстве: при письменном дискурсе такого контакта типично нет (поэтому люди и прибегают к письму). В результате при устном дискурсе имеет место **вовлеченность** (*involvement*) говорящего и адресата в ситуацию, что отражается в употреблении местоимений 1 и 2 лица, в указаниях на мыслительные процессы и эмоции говорящего и адресата, в использовании жестов и других невербальных средств и т.д. При письменном же дискурсе, напротив, происходит **отстраненность** (*detachment*) говорящего и адресата от описываемой в дискурсе информации, что, в частности, выражается в более частом употреблении пассивного залога. Например, при описании научного эксперимента автор статьи скорее напишет фразу *Это явление наблюдалось только один раз*, а при устном описании того же эксперимента с большей вероятностью может сказать *Я наблюдал это явление только один раз*. В корпусе Чейфа частоты пассивных конструкций (на тысячу слов) составили для устного и письменного дискурса 5 и 25,4 соответственно, а частоты местоимений 1-го лица, напротив, 61,5 и 4,6 соответственно. Качественные характеристики таких различий приведены в Таблице 2.

Таблица 2

Проявления оппозиции вовлеченность vs. отстраненность, согласно [Chafe 1982]
(встречаемость на тысячу слов)

	Пассив	1-е лицо	Маркеры ментальных процессов говорящего	Маркеры отслеживания информационного потока	Эмфатические частицы
Устная речь: вовлеченность	5	61,5	7,5	23,6	12,6
Письмо: отстраненность	25,4	4,6	0	0	0,4

Следует отметить, что в работе [Chafe 1982] автор сравнивает два корпуса дискурсов, которые различаются не только с точки зрения модуса (устный/письменный), но

и по другим параметрам – жанру, регистру и формальности (см. ниже). Для максимальной контрастности Чейф использует формальный письменный дискурс (научную прозу) и неформальный устный дискурс (бытовой диалог). Так как различия по модусу и другим параметрам «склеены» в работе Чейфа, то нет уверенности, что полученные им результаты связаны именно с различием по модусу. Для большей чистоты результатов, если мы хотим определить именно влияние модуса на форму дискурса, следует использовать дискурсы, различающиеся ровно по этому параметру, см раздел 8.

Вопрос о том, является ли письменный язык отдельной системой или представляет собой «настройку» языка на другой канал сообщения, может быть изучен на материале младописьменных языков. Действительно, языки с длительной письменной традицией, такие как английский или русский, имели возможность выработать частично автономную подсистему, используемую при письме. Если это так, то учащиеся писать должны фактически изучать новую языковую систему по сравнению с устным языком, которым они уже владеют.

Исследование, специально направленное на вопрос о том, как устроен письменный дискурс на младописьменном языке, было проведено на материале языка навахо (Юго-запад США, атабаскская языковая семья). Один и тот же рассказ был записан от одной и той же рассказчицы в устной и в письменной форме. Первоначально был записан устный вариант, затем он был затранскрибирован и переведен. Через некоторое время рассказчица, обладающая полной грамотностью на родном языке (достаточно редкое явление среди индейцев навахо), написала тот же самый рассказ. После этого можно было сравнить два варианта, различающиеся только модусом. Все остальные переменные – жанр, регистр, автор и даже содержание – были зафиксированы. Результаты сопоставления оказались следующие:

- письменный вариант содержит в полтора раза меньше предикаций, чем устный;
- предложения письменного варианта длиннее, чем в устном варианте: 2,2 предикации в среднем против 1,9;
- предикации письменного дискурса содержат существенно больше именных групп (ИГ), предикации устного дискурса содержат существенно больше частиц (см. Таблицу 3);
- в письменном дискурсе существенно чаще встречаются многие типы зависимых предикаций (см. Таблицу 4).

Таблица 3

**Частоты типов слов в устном и письменном вариантах рассказа
(количество употреблений, в среднем приходящееся на сто предикаций)**

	ИМЕННЫЕ ГРУППЫ	ЧАСТИЦЫ						
		Указат.	Неопредел.	Коннекторы	Эпистем.	Восклик.	Идео-фоны	В целом
Устный	31	11	4	44	31	1	2	204
Письменный	46	4	2	28	11	0	0	143

Таблица 4

**Частоты морфосинтаксических явлений в устном и письменном вариантах рассказа
(количество употреблений, в среднем приходящееся на сто предикаций)**

	Дополнительные придаточные	Относительные придаточные	Зависимая предикация после главной
Устный	2	2	4
Письменный	5	7	1

Ср. следующие два отрывка из устного (1а) и письменного (б) вариантов, передающие одно и то же пропозициональное содержание:

(1)

- a. 'éí shíj ch'ééh kóńjiil'íjh
то вероятно понапрасну она.толкала.сго
'Она [=орлица] толкала его [=яйцо] понапрасну'
b. 'áadóó 'atsáh-áá 'ayéezhii t'bóó si'án-éé ch'ééh yéédilch'i'
потом орлица-эта яйцо просто оно.лежит-Рел понапрасну она.трогала.сго
'Потом эта орлица понапрасну трогала яйцо, которое лежало без движения'

Особые элементы, которые есть в устном варианте (1а), – это указательное местоимение и эпистемическая частица. Явления, имеющиеся в письменном варианте, но отсутствующие в устном, – это эксплицитные ИГ, указывающие на актанты (в противоположность анафорической доступности, имеющей место в устном варианте), использование относительного придаточного, входящего как актант в главную предикацию.

Очевидно, мы наблюдаем, что младописьменный язык, который не мог «успеть» выработать специальные конвенции для письменного модуса, немедленно развивает те же особенности, что и языки с длительной письменной традицией. Это более сложный синтаксис, использование более тяжелых предикаций, большее количество зависимых предикаций, и, с другой стороны, исчезновение различных прагматических маркеров – дейктических, эпистемических и т.д. Следовательно, письменный модус является в первую очередь результатом аккомодации немаркированного устного языка к специфике письменной ситуации использования. Это не значит, конечно, что язык с длительной письменной традицией не может на протяжении столетий вырабатывать какие-то конвенции, которые резко отличают его от устного языка. Но конвенции эти наверняка не случайны: они первоначально возникают под влиянием особенностей режима передачи сообщения, создаваемого письмом. Семена всех явлений, наблюдавшихся в письменном дискурсе, присутствуют в устной речи, но часто лишь в зачаточном виде.

Несколько тысячелетий назад письменная форма языка возникла как способ преодолеть расстояние между говорящим и адресатом – расстояние как пространственное, так и временное. Такое преодоление стало возможно лишь при помощи особого технологического изобретения – создания физического носителя информации: глиняной дощечки, папируса, специально обработанной бересты и т.д. Дальнейшее развитие технологии привело к появлению более сложного репертуара форм языка и дискурса – таких, как печатный дискурс, телеграмма, телефонный разговор, радиопередача, общение при помощи пейджера и автоответчика, наконец, переписка по электронной почте. Все эти разновидности дискурса – **субмодусы** – выделяются на основе типа носителя информации и имеют свои особенности. Один из таких субмодусов в последнее время приобрел экстраординарную роль и иногда рассматривается как особый модус, наравне с устным и письменным. Это **электронный модус**. Общение по электронной почте представляет особый интерес как феномен, возникший 15–20 лет назад, получивший за это время огромное распространение и представляющий собой нечто среднее между устным и письменным дискурсом. Подобно письменному дискурсу, электронный модус использует графический способ фиксации информации, но подобно устному дискурсу он отличается мимолетностью и неформальностью. Еще более чистым примером соединения особенностей устного и письменного дискурса является общение в режиме Talk (или Chat), при котором собеседники «разговаривают» через компьютер: на одной половине экрана участник диалога пишет свой текст, а на другой половине может видеть побуквенно появляющийся текст своего собеседника. Исследование особенностей электронной коммуникации является одной из активных областей современного дискурсивного анализа (см., напр. [Baron 2000]).

4. ЖАНР

Ортогональным по отношению к модусу является различие по жанру – так, возможен как устный, так и письменный рассказ. После знаменитой работы М.М. Бахтина (1953) понятие жанра применяется не только к формам литературных текстов, но и к формам любых текстов и дискурсов. Бахтин отметил, что знание жанров дискурса – важный компонент языковой компетенции человека: «Мы говорим разнообразными жанрами, не подозревая об их существовании <...> Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык <...> Научиться говорить – значит научиться строить высказывания <...> Если бы речевых жанров не существовало <...> речевое общение было бы почти невозможно» [Бахтин 1986: 448–449]. В настоящее время понятие жанра используется в дискурсивном анализе достаточно широко. Обсуждение проблематики жанров в лингвистической литературе часто носит перечислительный характер. Так, в работе [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 12] был приведен следующий список жанров устной речи: 1) интервью 2) дискуссия, тематический разговор 3) разговор 4) доклад 5) репортаж 6) рассказ. (Впрочем, авторы не употребляют термин «жанр», а говорят о «видах» устной речи.) Очевидно, что этот список неполон и в него не входят такие жанры, как проповедь, политическое выступление, тост, присяга и т.д. Вообще проблематика жанров – самый неизученный вопрос в дискурсивном анализе. Консенсуса в отношении принципов выделения жанров пока, по-видимому, нет. Можно говорить о нескольких альтернативных способах выделения жанров.

Первый из таких способов можно назвать **экстралингвистическим**. Он был предложен одним из наиболее известных современных специалистов по жанру – британско-американским лингвистом Дж. Суэйлсом. По определению Суэйлса [Swales 1990] жанры – это принадлежность дискурсивных сообществ. По выражению Суэйлса, сообщества *владеют* жанрами. Дискурсы одного жанра имеют общий набор коммуникативных целей, признаваемых дискурсивным сообществом. Действительно, знание таких жанров, как научный доклад или научная статья, является необходимым условием создания дискурса соответствующего жанра. Научиться создавать дискурс определенного жанра – значит войти в соответствующее дискурсивное сообщество. Такое экстралингвистическое определение жанра, по-видимому, правильно отражает суть дела. Проблема, однако, состоит в том, что оно плохо формализуемо и ничего не дает для понимания языковой природы жанра.

С лингвистической точки зрения, центральный вопрос теории жанров состоит в том, можно ли определить тот или иной жанр в терминах языковой структуры. О некоторых жанрах известно, что они обладают достаточно устойчивыми характеристиками. Существует два основных типа таких характеристик, которые лингвисты пытаются использовать для определения жанров. Во-первых, это композиция, или **жанровая схема**. Подход, основанный на понятии жанровой схемы, можно назвать **структурным**. Жанровая схема, соответствующая жанру X, – это последовательность компонентов, которые присутствуют в дискурсе жанра X. Например, жанровая схема рассказа, согласно очень известному исследованию [Labov 1972], состоит из шести компонентов: резюме – ориентация – усложняющееся действие – оценка – результат/развязка – кода. У. Чейф [Chafe 1994] предложил чуть более простую схему рассказа из пяти компонентов: ориентация – завязка – кульминация – развязка – кода. Существует много частных исследований жанровых схем, иногда очень конкретных. Так, в исследовании [Kong 1998] были показаны мелкие, но культурно значимые различия между схемами делового письма (на английском языке), используемыми разными группами бизнесменов Гонконга британского и китайского происхождения. Коротко говоря, британцы с самого начала формулируют деловое предложение, а у китайцев этот пункт запрятан в глубину письма и следует за изложением истории вопроса и другой фоновой информацией. С лингвистической точки зрения, проблема с такого рода определениями жанров состоит в том, что остается непонятным: как на основе

жанровой схемы сделать какие-либо предсказания относительно языковой формы дискурса, представляющего данный жанр. Поэтому жанровые схемы являются важным научным обобщением, но между ними и языковой структурой не хватает некоего соединяющего звена. Вопрос о том, что может быть таким соединяющим звеном, рассматривается ниже.

Другой подход к лингвистической идентификации жанров, иногда использовавшийся лингвистами, основан на формальных – **лексико-грамматических** – характеристиках соответствующих дискурсов. Известно, например, что жанр рассказа обладает некоторыми языковыми особенностями: рассказ содержит каркас из упорядоченных во времени событий, которые описываются однотипными грамматическими формами (например, глаголами в прошедшем времени) и соединяются связующими элементами (типа коннектора *потом*). Американский лингвист Д. Байбер задался вопросом: можно ли приписать жанрам как культурным концептам устойчивые языковые характеристики? В масштабном исследовании [Biber 1989] он описал жанрово разнообразный корпус, содержащий 481 текст, при помощи 67 эмпирически наблюдаемых и количественно измеримых морфосинтаксических и лексических параметров – таких, как использование форм прошедшего времени, использование причастий, использование личных местоимений и т.п. Эти параметры были затем объединены в 5 групп сходно варьирующих признаков. В таком 5-мерном пространстве все тексты объединились в 8 кластеров, которые Байбер назвал «типами текстов». Оказалось, что эти типы текстов достаточно ограниченно коррелируют с жанрами как с культурно отождествляемыми концептами. Например, большинство текстов, отнесенных к жанру «личный телефонный разговор», попали в тот тип текста (один из восьми), который Байбер обозначил как «близкое межличностное взаимодействие». Но это большинство составляет всего лишь 62%, т.е. степень корреляции невысока. Основной вывод Байбера относительно языковых характеристик жанров носит отрицательный характер: фактически жанры оказываются лингвистически нерелевантной классификацией. В чем же состоит причина лексико-грамматической неоднородности жанров?

По всей видимости, причина отрицательного результата Байбера состоит в следующем. Устойчивыми морфосинтаксическими и лексическими характеристиками обладают не целые дискурсы, а **типы изложения**, или **типы пассажей**, т.е. фрагменты дискурса. Обычно (см. например [Longacre 1992; Graesser, Goodman 1985]) выделяются следующие типы пассажей:

- **повествовательный (нарративный);**
- **описательный (дескриптивный);**
- **объяснительный (экспозиторный);**
- **инструктивный;**
- **убеждающий (аргументативный).**

Эта классификация является предварительной и требует дальнейшего изучения, но годится как рабочий вариант. О некоторых из этих типов пассажей известно, что они имеют типичные языковые характеристики. Так, повествование требует сказуемых в виде динамических глаголов совершенного вида в прошедшем времени, включает большое число местоимений 3-го лица; описание содержит много именных и стативных предикций; объяснительное изложение включает большое число маркеров обобщения – кванторы общности, родовые ИГ, стативные глаголы; инструктивные пассажи обязательно включают императивы; наконец, убеждение включает маркеры необходимости и других модальных значений.

Дискурс каждого жанра является неоднородным с точки зрения встречающихся в нем типов пассажей. Рассмотрим в качестве примера начало рассказа А. Аверченко «Мужчины».

(2)

Кто жил в меблированных комнатах средней руки, тот хорошо знает, что прислуга никогда не имеет привычки докладывать предварительно о посетителях. Как бы ни был неприятен гость или гостья, простодушная прислуга никогда не спросит вас: расположены ли вы к приему этих людей.

Однажды вечером я был дома, в своей одинокой комнате, и занимался тем, что лежал на диване, стараясь делать как можно меньше движений. Я человек прилежный, энергичный, и это занятие меня николько не утомляло.

По пустому коридору раздались гулкие шаги, шелест женских юбок, и чьи-то рука неожиданно громко постучала в мою дверь.

Машинально я сказал:

– Войдите!

Это была немолодая женщина, скромно одетая, с траурным крепом на шляпе.

Я вскочил с дивана, сделал по направлению к посетительнице три шага и удивленно спросил:

– Чем могу быть вам полезным?

Она внимательно всмотрелась в мое лицо.

– Вот он какой... – пробормотала она.

– Таким я его себе почему-то и представляла. Красив. Красив даже до сих пор. Хотя прошло уже около шести лет.

– Я вас не знаю, сударыня, – удивленно сказал я.

Она печально улыбнулась.

– И я вас, сударь, тоже не знаю. А вот привелось встретиться. И придется вести еще длинный разговор.

– Садитесь, пожалуйста. Я очень удивлен. Кто вы?

Дама в трауре поднялась со стула, на который только что опустилась, и, держась за его спинку, с грустной торжественностью сказала: <...>

Объяснительный пассаж:
показатели обобщения

Описательный пассаж:
стативные предикаты

Повествовательный пассаж:
динамические предикаты в
форме прош. времени сов. вида

Как показывает этот пример, пассажи действительно характеризуются лексико-грамматической гомогенностью. Однако из этого следует тот факт, что жанры, наоборот, не могут обладать такой гомогенностью. Как было отмечено, дискурс определенного жанра содержит разные типы пассажей и, следовательно, лексико-грамматические модели в нем «перемешаны». Этим, в первую очередь, и объясняется отрицательный результат исследования Байбера.

Лингвистическое определение жанров, а в перспективе и классификация жанров, вероятно, должны строиться на основе первоначального детального исследования типов пассажей. В работе [Kibrik 2002] была сделана попытка определить некоторые типы пассажей на основе риторических отношений [Mann, Thompson 1988]. Так, повествовательный пассаж обязательно должен иметь отношение «последовательность» в верхнем ярусе своей риторической структуры.

Таким образом, жанровые схемы можно рассматривать как конфигурации типов пассажей. Тогда, возможно, и жанры в целом могут получить лингвистическое определение. Надо, однако, иметь в виду, что исчерпывающее исследование жанров дискурса – это очень отдаленная перспектива. Единственная, насколько мне известно, исчисляющая классификация типов изложения и, отчасти, жанров была предложена Р. Лонгакром в книге [Longacre 1983].

5. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ

Независимым от модуса и жанра является третье противопоставление – по **функциональному стилю** (ф-стилю). Ф-стили определяются на основе сфер человеческой деятельности. Одна из популярных классификаций ф-стилей представлена в книге [Солганик 2003]:

- бытовой;
- научный;
- официальный;
- публицистический;
- художественный.

Эта классификация очевидно исполнена, и нетрудно назвать целый ряд ф-стилей, не вписывающихся в данный перечень, например, юридический, политический, коммерческий, криминальный, религиозный... Представляется, однако, что типовые ф-стили являются вполне реальными, т.е. можно выделить некий прототип дискурсов научного характера. Но при этом нельзя не признать, что это именно прототип, а не инвариант. Ф-стили весьма вариативны, помимо стилей существуют субстили, и, в конечном счете стилистически может быть охарактеризована отдельная личность («Человек – это стиль») и даже отдельный образец дискурса.

Ф-стили часто смешиваются с жанрами, но это совершенно разные явления. Один и тот же жанр может быть представлен в разных ф-стилях, например рассказ может быть художественным, публицистическим, бытовым и т.д. И наоборот, один и тот же ф-стиль может быть представлен в разных жанрах – например, научный ф-стиль характерен для статьи, доклада, хроники конференции и т.д. Кроме того, ф-стили, в отличие от жанров, не обладают жесткими схемами, они легче поддаются смешению –ср. распространенное внедрение элементов криминального ф-стиля в бытовой, публицистический, даже официальный (*мочить в сортире*) дискурс.

Широко известно, что ф-стили характеризуются лексическими особенностями – это отражается даже в пометах, используемых в словарях. Наиболее очевидные классы лексических единиц, чувствительных к ф-стилю, – это жаргонизмы и термины. Однако следует заметить, что ф-стили могут обладать и грамматическими характеристиками – например, официальный и научный ф-стили отличаются склонностью к номинализации. Именно это обыгрывается Г. Остером в его иронических детских книгах: например, в книге «Визкультура», представляющей собой пародию на сборник физкультурных упражнений, на одном развороте встречаются заголовки «Дача сдачи», «Унос из-под носа» и «Вздрагивания от неожиданности». Комический эффект возникает в результате того, что автор образует канцелярские или наукообразные номинализации от фразеологизмов, относящихся совсем к другому ф-стилю – бытовому.

Вообще игра с ф-стилями – неисчерпаемый ресурс для юмора и иронии. Ср.:

(3)

– Атмосферные явления в последнее время были несколько неблагоприятными, – сказала Сова.

– Что, что?

– Дождик был, – пояснила Сова.

– Да, сказал Кристофер Робин, – был.

– Уровень паводка достиг небывалой высоты.

– Кто?

– Я говорю – воды кругом много, – пояснила Сова.

– Да, – согласился Кристофер Робин, – очень много.

– Однако перспективы быстро улучшаются. Прогноз показывает...

(А.А. Милн. Винни-Пух и все-все-все. Пересказ Б. Заходера. М., 1989: 112.)

В этом примере комический эффект основан на том факте, что один из участников диалога (Сова) пытается неуместно навязать собеседнику (квази)научный ф-стиль, признаками которого являются многочисленные термины, сложный синтаксис, номинализации. Собеседник же (Кристофер Робин) категорически отказывается этот ф-стиль понимать, и в результате Сове приходится «переводить» каждое свое высказывание на бытовой ф-стиль.

Ф-стилям посвящена очень большая литература, обзор которой здесь не представляется возможным; своеобразный критический обзор истории отечественной функциональной стилистики см. в работе [Долинин 2004].

6. ФОРМАЛЬНОСТЬ

По-видимому, отдельным от ф-стиля является градуальное противопоставление по формальности. Формальность – еще один таксономический параметр, противопоставляющий целые дискурсы. Различие по формальности основано на характере социальных отношений между говорящим и адресатом. Это противопоставление, которое С.В. Кодзасов назвал «свой/чужой» [Кодзасов 2002]. Соответствующий класс явлений граничит с тем, что часто изучается под рубрикой «принцип вежливости» или «категория вежливости» [Brown, Levinson 1987; Scollon, Scollon 2001; Бергельсон 2005]. Пример языкового явления, реализующего различия по формальности, – это фонетическая редукция. Как известно, высокая степень редукции возможна лишь при неформальных, свойских отношениях между говорящим и адресатом. Другой пример – это ритуальные выражения. Существуют такие формы письменного прощания, как *с наилучшими пожеланиями, всего хорошего, счастливо, целую*. В этом списке они расположены по убыванию формальности и, наоборот, нарастанию свойственности.

Различие по формальности не совпадает с различием по ф-стилю. Так, мы можем общаться с незнакомыми людьми в бытовом ф-стиле, но при этом очень формально. И напротив, научный ф-стиль может сочетаться с очень неформальным характером, например, в постоянно действующем научном семинаре.

7. АССОЦИАЦИИ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ СПОСОБАМИ КЛАССИФИКАЦИИ ДИСКУРСОВ

Все четыре основания, по которым могут классифицироваться целые дискурсы, являются независимыми друг от друга. Они независимы, поскольку:

- с логической точки зрения определяются независимо;
- пересекают друг друга;
- имеют разные рефлексы в виде комплексов типичных языковых характеристик.

Последнее утверждение верно в общем случае. Однако некоторым из типов, выделяемых по этим трем параметрам, соответствуют сходные комплексы языковых ха-

рактеристик. Выше обсуждались типичные лексико-грамматические характеристики письменного модуса, обобщенные У. Чейфом при помощи понятий «интеграция» и «отстраненность». Тот же или очень близкий набор характеристик типичен для некоторых ф-стилей – особенно официального и научного. Когда письменный модус соединяется с одним из этих ф-стилей, возникает «эффект резонанса» – рельефность и частотность соответствующих характеристик удваиваются. Это явление хорошо иллюстрируется количественными данными из работы [Сиротинина и др. 2003: 5 и сл.]. В Таблице 5 приведены частоты прилагательных, существительных, субстантивных местоимений и частиц в четырех выборках дискурсов: устная разговорная (= бытовая) речь (УРР), письменная разговорная речь (ПРР), устная научная речь (УНР) и письменная научная речь (ПНР). Высокая встречаемость прилагательных и существительных – это признаки, относящиеся к кластеру характеристик письменного модуса и научного ф-стиля, а частотность местоимений и частиц – к кластеру характеристик устного модуса и бытового ф-стиля. Если двигаться от УРР и заменить один из признаков (либо модус, либо ф-стиль), мы получаем сопоставимые количественные эффекты – см. сравнительно близкие значения для ПРР и УНР. Это как раз и показывает, что признаки «модус» и «ф-стиль» в данном случае реализуются сходным образом. А если мы отходим от исходной точки по обоим признакам, то получаем усиленный эффект –ср. количественные показатели для ПНР, максимально контрастно отличающиеся от УРР.

Таблица 5

**Проявления интеграции и отстраненности в четырех классах дискурсов,
согласно [Сиротинина и др. 2003]²**

	Прилага- тельные	Существо- тельные	Субстан- тивные местоиме- ния	Частицы
Устная разговорная речь (УРР)	39	142	118	131
Письменная разговорная речь (ПРР)	62	213	90	78
Устная научная речь (УНР)	114	295	37	78
Письменная научная речь (ПНР)	152	374	17	27

Таким образом, по частотам всех классов слов мы видим, что влияние модуса и ф-стиля однотипно. При этом ф-стиль на самом деле действует сильнее, чем модус. В двух оппозициях «устный vs. письменный модус» и «бытовой vs. научный ф-стиль» левые и правые члены попарно ассоциированы.

В работе [Сиротинина и др. 2003: 179] содержатся количественные данные о сравнительной синтаксической сложности устной и письменной речи, причем устная речь разграничивается на разговорную и научную. Авторы высчитывают коэффициент сложности, который представляет собой отношение количества сложных предложений к общему числу предложений в подкорпусе. Для ПНР, УНР и УРР коэффициенты получились 0,49, 0,39 и 0,26. Очевидно, и здесь фактор «научный ф-стиль» действует так же, как фактор «письмо».

² Сравнивать приведенные числа можно только относительно друг друга, так как точный смысл этих частот в цитируемой работе не указан (возможно, это количество употреблений на 1 000 словоупотреблений в тексте?). Общий объем всех исследованных корпусов – 152 000 словоупотреблений, но как это количество разбивается по подкорпусам, в работе не сообщается.

Эффекты, связанные с усиленным проявлением характеристик письменного модуля в письменном научном дискурсе, замечены на материале не только русского, но и английского языка – это отмечалось выше в связи со статьей [Chafe 1982] об английском языке. Однако степень такого усиленного проявления может быть различной. Об этом свидетельствует исследование Дж. Николс [Nichols 1988], которое стало побочным продуктом ее работы по переводу с русского на английский труда [Гамкрелидзе, Иванов 1984]. Николс, в частности, отметила крайне высокую, по английским стандартам, плотность номинализаций в русском письменном научном тексте. Она приводит следующий типичный пример предложения из русского оригинала:

- (4) [Объяснение [фонемных соответствий между языками] [формальной общностью их происхождения из [определенной исходной языковой системы]]] предполагает [необходимость реконструкции ее [с целью изучения возникновения и путей преобразования [исторически засвидетельствованных родственных языковых систем]]]. [Гамкрелидзе, Иванов Вяч. 1984: lxxx].

В примере подчеркнуты случаи номинализаций, а в квадратные скобки заключены некоторые примеры тяжелых ИГ, насчитывающих от 4 до 15 слов. Дж. Николс приводит буквальный и свободный переводы этого предложения [Nichols 1988: 403]:

- (5)
- Буквальный перевод
(An) explanation of phoneme correspondences between languages by means of (the) commonality of their descent from an original linguistic system assumes (the) necessity of (a) reconstruction of it [the original system] with the goal of (a) study of the rise and paths of transformation of historically attested cognate linguistic systems.
 - Свободный перевод
If phonetic correspondences between languages are to be explained as due to a common descent from an original system, then that system must be reconstructed in order that the origin of the attested cognate languages and the changes undergone by them may be studied.

Буквальный перевод в (5а) совершенно невозможен, с точки зрения носителя английского языка. В предпочтительном свободном переводе вместо 8 номинализаций исходного предложения Дж. Николс предлагает вариант, содержащий лишь 3 номинализации. При этом, естественно, увеличивается количество финитных глаголов и уменьшается число и объем именных групп. Представляется, что в описании Николс несколько преувеличена разница между грамматическими системами русского и английского языков, приводящая к такому контрасту. Дело тут скорее в «стиле письма», который тесно связан с культурными и социальными условиями. Впрочем, сама Николс отмечает, что «русский текст – это не столько коммуникативный контракт между пишущим и читающим, сколько утверждение об объективной истине или положении дел» [Nichols 1988: 402]. При изменении установки такого рода наверняка сразу меняются и грамматические характеристики текста.

8. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОДУСОВ: ПРИМЕР КОНТРОЛИРУЕМОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ

Сказанное отнюдь не означает, что различные способы классификации дискурсов следует смешивать между собой. Вовсе напротив, факт ассоциации и сходного выражения отдельных признаковых классов дискурса обязывает исследователей стараться максимально изолировать переменные. Исследование [Chafe 1982], цитированное выше, в этом смысле склеивает два признака – модус и ф-стиль: У. Чейф использовал два максимально контрастных класса дискурсов – бытовые диалоги и научные статьи.

Если想要 более точно установить лексико-грамматические эффекты различия по модусу, необходимо, чтобы два исследуемых класса дискурсов различались ровно по этому признаку.

Автор настоящей статьи провел пилотное исследование такого типа на основании корпуса рассказов, собранных несколько лет назад студенткой ОТиПЛа филологического факультета МГУ Е. Чувилиной. Она просила своих знакомых рассказывать истории из жизни, эти истории записывались на пленку и потом расшифровывались. Через некоторое время тех же людей попросили написать эти истории. Так образовался корпус рассказов, каждый из которых был представлен в двух вариантах – устном и письменном. В каждой паре рассказов совпадает все, кроме модуса.

Приведу два коротких примера из одной пары рассказов. Автор рассказывает о том, как, будучи студентом в советские времена, он предпринял первую попытку заняться коммерцией. Работая в летнем студенческом отряде проводником на железной дороге, он начал предлагать пассажирам вагона водку и кубинский ром. Таким образом он компенсировал своим пассажирам советский дефицит спиртного. Эта деятельность, разумеется, была уголовно наказуема, поскольку вся торговля была монополией государства.

Вот фрагмент из письменного рассказа:

- (6) Торговал я недолго, надо сказать. Сразу вслед за первым покупателем в вагон вошли сотрудники линейного отделения милиции <...>

А вот как выглядит соответствующий фрагмент устного рассказа:

- (7) довольно быстро
ээ вместе с ээ буквально эээ первым покупателем
в вагон ввалилась милиция

Еще одна иллюстрация из письменного текста:

- (8) Также было взято пять бутылок вещдока и одна банка консервированного зеленого горошка <...>

В устном варианте:

- (9) в вагоне был собран весь тот ром который оставался
по-моему бутылок пять
ээ также велено было вещественно уничтожить то что могло считаться закусью
это была банка зеленого горошка
вот,

Содержание фрагментов в каждой паре одинаково, но они отличаются друг от друга во многих отношениях. В устном дискурсе мы наблюдаем порождение речи в виде квантов, просодических единиц, которые совпадают с предикациями в прототипическом случае, но не всегда. Просодическая группа может быть меньше предикации – так, в примере (7) одна предикация разбита на три просодические группы. Некоторые просодические группы больше предикации – ср. первую строку в примере (9). В письменном варианте дискурс также состоит из предикаций, но эти предикации значительно сложнее по своей структуре. Они включают большее число слов, в том числе больше предикатных слов – это означает, что в одну предикацию в письменном дискурсе упаковывается больше пропозициональной информации. В результате общее число предикаций в письменном дискурсе заметно меньше. Меньше и число предложений, в то время как среднее предложение заметно сложнее по своей внутренней структуре.

Сопоставление двух идентичных по содержанию фрагментов устного и письменного рассказов позволило сделать следующие количественные выводы:

Таблица 6

Сопоставительные частоты языковых явлений в устных и письменных русских рассказах

	Устный дискурс	Письменный дискурс
Среднее число слов на предикацию	6,9	9,4
Среднее число предикатных слов на предикацию	1,2	1,7
Число предикаций (финитных и деепричастных)	45	27
Число предложений	18	9

Далее, для письменного дискурса характерны тяжелые ИГ, состоящие из большого числа слов (*сотрудники линейного отделения милиции, одна банка консервированного зеленого горошка*) – ср. значительно более простые ИГ в устном рассказе (*милиция, банка зеленого горошка*). Кроме того, в письменном дискурсе значительно чаще встречается сочинение ИГ, ср. пример (8).

С точки зрения лексического состава, в устном дискурсе часто встречаются дискурсивные маркеры типа *вот* (см. последнюю строку в примере (9)), которые полностью отсутствуют в письменных рассказах. Далее, устные и письменные рассказы различаются с точки зрения параметра, который можно назвать «авторитетность изложения»: для письменного варианта характерны маркеры точности (*сразу, пять бутылок, одна банка*), для устного, напротив, маркеры приблизительности (*довольно быстро, по-моему бутылок пять*). В этой связи можно упомянуть идею, высказанную в работе [Nottick 2003], о том, что использование указаний на забывание, неуверенность (а затем внезапное прояснение памяти) не подрывает достоверность рассказа, а наоборот придает ему аутентичность. Рассказчики вызывают образы из прошлого и включают в рассказ комментарии о ясности этих образов. Благодаря таким комментариям рассказ производит впечатление подлинности.

Между устными и письменными рассказами есть также лексические и грамматические различия, которые обычно связываются не с противопоставлением по модусу, а с противопоставлением ф-стилей. Так, в устном варианте используются «разговорные» слова и выражения, типичные для бытового ф-стиля (*закусь, ввалиться*), «разговорные» конструкции (*весь тот ром, вместе с буквально...*). Напротив, в письменном варианте употребляется много канцелярских выражений и конструкций, характерных для официального ф-стиля: термины (*линейный отряд милиции, вещдок*), служебные слова (*вслед за*). Такое употребление, очевидно, является ироническим, но это не отменяет сам факт: в письменном дискурсе говорящий склонен смещаться от бытового к официальному ф-стилю. Сама ситуация письма индуцирует некоторый сдвиг ф-стиля. Напротив, устный модус ассоциируется с бытовым ф-стилем. Так, в устных реализациях научного ф-стиля (докладе, лекции) выше вероятность встретить признаки бытового ф-стиля, чем в письменных (статье, монографии).

Таким образом, между противопоставлением по модусу и противопоставлением ф-стилей есть некоторые вторичные связи: устный модус ассоциирован с одними ф-стилями, письменный с другими. Тем не менее, два эти противопоставления фундаментально различны и им в общем случае соответствуют разные наборы лексико-грамматических характеристик.

9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, для понимания разнообразия дискурса необходимо учитывать не менее четырех параметров – модус, жанр, функциональный стиль и формальность. Все они независимы друг от друга и дают невероятно сложную комбинаторику различных возможностей. Различные типы дискурсов, выделяемых на разных основаниях, в западной лингвистике иногда именуются регистрами (*register*; см., например, [Biber 1989]). Представляется, что комбинаторика типов дискурса должна быть подробно исследована, с этим в значительной мере и связан дальнейший прогресс дискурсивного анализа как научной дисциплины. Такое исследование имеет по крайней мере три аспекта. Во-первых, важно исследовать дискурсивное разнообразие как таковое. Изучение разнообразия и его классификация – необходимый компонент научного анализа той или иной предметной области. Прогресс биологии был бы невозможен без порядка, наведенного в классификации живых организмов К. Линнеем.

Во-вторых, только через призму значимых классификационных признаков, различающих типы дискурса, можно объяснить все богатство лексических и грамматических выборов, производимых говорящим или пишущим человеком (а в случае устной речи – также особенности сегментной фонетики и просодии). Как было показано выше, такие выборы очень часто зависят от модуса, жанра и типа изложения, ф-стиля и степени формальности. Только перемножение всех этих переменных может объяснить фактическое разнообразие «локальных» языковых явлений, наблюдавшихся в естественном дискурсе.

В-третьих, с классификацией дискурсов связана задача построения общей теории дискурса. Типы дискурса настолько разнообразны, что все существующие на сегодняшний день модели дискурса обычно хорошо применимы лишь к какому-то из этих типов (устному или письменному, конкретному жанру и т.д.). Практически все актуальные проблемы дискурсивного анализа решаются по-разному для разных типов дискурса. Никакой универсальной теории дискурса пока не существует, дискурсивный анализ является крайне мозаичной дисциплиной. Это положение дел в будущем может быть изменено лишь при условии создания адекватной и всеобъемлющей классификации типов дискурсов.

Вполне вероятно, что некоторые важные параметры классификации дискурсов выше не были упомянуты. В работах [Золотова и др. 1998; Златоустова 2006; Кривнова 2006] приводятся факты разнообразия дискурса, которые не могут быть полностью охвачены классификационными параметрами, рассмотренными здесь. Заслуживает специального обсуждения вопрос о том, как с этими параметрами соотносится оппозиция так называемых речевого и нарративного режимов [Бенвенист 1974; Падучева 1996]. Наконец, выше почти не затрагивался вопрос о типах художественного дискурса – вопрос, которому, конечно, было посвящено гораздо больше внимания филологов, чем почему дискурсивному разнообразию. В терминах, предложенных в данной статье, проблематика типов художественного дискурса находится на пересечении двух таксономий: по ф-стилю (художественный стиль) и по жанрам (набор жанров, встречающихся в художественной литературе). Тем самым, с логической точки зрения проблематика литературоведения оказывается частью более широкой области – дискурсивного анализа.

В завершение хочется выразить надежду, что набор важнейших параметров классификации дискурсов в будущем будет установлен с достаточной степенью точности и соответствующий раздел дискурсивного анализа получит необходимое развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин 1953/1986 – М.М. Бахтин. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М., 1986.

- Бенвенист 1974 – Э. Бенвенист. Отношения времени во французском глаголе // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бергельсон 2005 – М.Б. Бергельсон. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2005.
- Выготский 1934 – Л.С. Выготский. Мышление и речь. М., 1934.
- Гамкрелидзе, Иванов Вяч. 1984 – Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Долинин 2004 – К.А. Долинин. Социалистический реализм в лингвистике (к истории функциональной стилистики в СССР) // Теоретические проблемы языкоznания: К 140-летию кафедры общего языкоznания С.-Петербургского гос. ун-та. СПб., 2004.
- Земская, Китайгородская, Ширяев 1981 – Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Златоустова 2005 – Л.В. Златоустова. Изменение моделей русского фонетического слова в квазиспонтанных текстах ораторского функционального стиля // Труды междунар. конф. «Функциональные стили звучащей речи». М., 2005.
- Золотова и др. 1998 – Г.А. Золотова, Н.К. Онисенко, М.Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Кибрик 2003 – А.А. Кибрик. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2003.
- Кибрик 2008 – А.А. Кибрик. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка) // В.А. Плунгян, В.Ю. Гусев, А.Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М., 2008.
- Кибрик, Подлесская 2006 – А.А. Кибрик, В.И. Подлесская. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // В.Д. Соловьев (ред.). Когнитивные исследования: Сб. науч. тр. Вып. 1. М., 2006.
- Кодзасов 2002 – С.В. Кодзасов. Категория «свой/чужой»: семантика и фонетика // Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы докл. междунар. конф. М., 2002.
- Кривнова 2005 – О.Ф. Кривнова. Научная речь как объект и материал фонетического исследования // Труды междунар. конф. «Функциональные стили звучащей речи». М., 2005.
- Лаптева 1976 – О.А. Лаптева. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. М., 1996.
- Плунгян 2008 – В.А. Плунгян. Предисловие: дискурс и грамматика // В.А. Плунгян, В.Ю. Гусев, А.Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М., 2008.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. М., 1980.
- Сиротинина и др. 2003 – О.Б. Сиротинина, Э.А. Столярова, Н.И. Кузнецова, М.А. Кормилицина, В.А. Богданова, Э.М. Ножкина. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. М., 2003.
- Солганик 2003 – Г.Я. Солганик. Стилистика текста. М., 2003.
- Фигуровский 1948 – И.А. Фигуровский. От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста // РЯШ. 1948. № 3.
- Baron 2000 – N. Baron. Alphabet to email: How written English evolved and where it's heading. London, 2000.
- Biber 1989 – D. Biber. A typology of English texts // Linguistics. 27. 1989.
- Brown, Levinson 1987 – P. Brown, S.C. Levinson. Politeness : Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
- Chafe 1982 – W. Chafe. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // D. Tannen (ed.). Spoken and written language: Exploring orality and literacy. Norwood, 1982.
- Chafe 1994 – W. Chafe. Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago, 1994.
- Graesser, Goodman 1985 – A.C. Graesser, Sh.M. Goodman. Implicit knowledge, question answering, and the representation of expository text // B.K. Britton, J.B. Black (eds.). Understanding expository text: A theoretical and practical handbook for analyzing explanatory text. Hillsdale, 1985.
- Kibrik 2002 – А.А. Кибрик. Discourse genre, genre schemata, and rhetorical relations // Paper presented at the 6th Conference on conceptual structure, discourse and language. Rice University, Houston, Texas, October 11–14, 2002.
- Kong 1998 – K. Kong. Are simple business request letters really simple? A comparison of Chinese and English business request letters // Text. 18. 1998.

- Labov 1972 – *W. Labov*. *Language in the Inner City: Studies in the Black English vernacular*. Philadelphia, 1972.
- Longacre 1983 – *R. Longacre*. *The grammar of discourse*. New York, 1983.
- Longacre 1992 – *R. Longacre*. The discourse strategy of an appeals letter // W. Mann, S.A. Thompson (eds.). *Discourse description*. Amsterdam, 1992.
- Mann, Thompson 1988 – *W. Mann, S.A. Thompson*. Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization // *Text*. 8. 1988.
- Nichols 1988 – *J. Nichols*. Nominalization and assertion in scientific Russian prose // J. Haiman, S.A. Thompson (eds.). *Clause combining in language and discourse*. Amsterdam, 1988.
- Norrick 2003 – *N. Norrick*. Remembering and forgetfulness in conversational narrative // *Discourse Processes*. V. 36.1. 2003.
- Scollon, Scollon 2001 – *R. Scollon, S.B.K. Scollon*. *Intercultural communication: A discourse approach*. Malden (Mass.), 2001.
- Schiffrin et al. 2001 – *D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton*. *The handbook of discourse analysis*. Malden (Mass.), 2001.
- Swales 1990 – *J. Swales*. *Genre analysis: English in academic and research settings*. Cambridge, 1990.
- van Dijk (ed.) 1997 – *T.A. van Dijk* (ed.). *Discourse as structure and process. Discourse studies // A multidisciplinary introduction*. V. 1, 2. London; Thousand Oaks; New Delhi, 1997.

© 2009 г. А. А. РОСТОВЦЕВ-ПОПЕЛЬ

ТИПОЛОГИЯ ДЕМОНСТРАТИВОВ: СРЕДНИЕ ДЕЙКТИКИ

В статье рассматриваются принципы организации трехчастных дейктических систем, и предлагается новое, более емкое определение центрального компонента таких систем – среднего дейктика.

0. ВВЕДЕНИЕ

Демонстративы представляют собой компактную группу дейктических слов, основной функцией которых в языке является указание¹. В русскоязычной традиции их принято называть указательными местоимениями, прилагательными и наречиями. Такие слова, как *этот* – *тот*, *здесь* – *там* и некоторые другие, входят в лексический фонд, по-видимому, любого естественного языка. Являясь ядерным компонентом пространственного дейксиса, демонстративы также употребляются при анафоре и катафоре и, таким образом, обеспечивают связность дискурса, причем в особой степени это касается тех языков, в которых отсутствуют самостоятельные личные местоимения третьего лица. Демонстративам посвящена обширная литература, однако в большинстве работ внимание уделяется либо их синтаксическим и прагматическим свойствам [Hauenschild 1982; Himmelmann 1996; Diessel 1999a; Zeevat 1999; Hayashi, Joon 2006], либо их этимологии [Frajzyngier 1996; Klein-Andreu 1996]. Между тем, практически не исследованной остается их первичная, собственно пространственная семантика (счастливые исключения – статьи [Janssen 2002; Enfield 2003]), а те работы, в которых она была рассмотрена, как правило, охватывают неоправданно широкий языковой материал, что зачастую совмещается с некритичным подходом к сведениям, полученным из различных грамматических очерков, и не всегда обоснованными заключениями общетипологического характера [Imai 2003; Da Milano 2005].

Настоящее исследование посвящено рассмотрению пространственной семантики трехчастных систем демонстративов нескольких «популярных» в специальной литературе индоевропейских и неиндоевропейских языков, а также анализу теоретических положений, лежащих в основе типологии систем демонстративов в языках мира. Кроме того, в работе предпринимается попытка выявления более точного значения таких терминов, как «ближний», « дальний» и «средний дейктик».

Статья включает в себя три раздела: в первом приводятся общие сведения о системах демонстративов в естественных языках, во втором рассматриваются принципы деления систем на лично- и дистантно-ориентированные и критика подобного подхода, в третьем разделе излагаются результаты эксперимента, в ходе которого был выявлен ряд диагностических контекстов, демонстрирующих различия в функционировании систем, а также предложено отличное от общепринятого определение одного из компонентов системы – среднего дейктика.

¹ Существует точка зрения, согласно которой ни собственно указательные слова, ни указание в целом не позволяют идентифицировать референт и лишь задают общее направление поиска [De Mulder 1996: 30–36, 43–44]. Объем и задачи настоящего исследования не предполагают обсуждения данного видения предмета.

1.1. Общие сведения о демонстративах

Основными параметрами вариативности демонстративов в естественных языках являются степень насыщенности системы и количество дистантно противопоставленных элементов. Под насыщенностью в данном случае понимаются частеречный инвентарь, задействованный в выражении семантики указания, а также набор схожих по значению компонентов². Дистантное противопоставление элементов системы традиционно является основным типологическим параметром при изучении демонстративов, и, согласно данным, которые приводит Х. Диessel, более половины языков обнаруживают бинарную оппозицию (54,4%), подобную, например, русской (*этот – тот*); порядка трети исследованных языков имеют тернарную оппозицию (37,4%), в то время как четыре дейктика и более были зафиксированы лишь в незначительном количестве языков (5,1%), а отсутствие дейктического противопоставления, то есть наличие в системе лишь одного компонента-носителя семантики удаленности, представляет собой еще более редкое явление (2,9%) [Diessel 2005].

Вопрос о том, насколько надежны подобного рода статистические данные, остается открытым: основным источником информации по конкретным языкам служат самые разнообразные грамматические очерки, в которых, как правило, разбор демонстративов умещается в лучшем случае на двух-трех страницах, а анализ системы едва ли можно назвать исчерпывающим; например, хорошо известно, что в русском языке представлена двухчастная дейктическая система: *этот – тот*. Между тем, анафорическое употребление слов *этот* и *тот* не менее, если не более частотно по сравнению с собственно дейктическим. В то же время при конкретном пространственном указании используется трехчастная система *вот этот – вот тот – вон тот*. Наконец, при указании на единичный удаленный объект может употребляться дейктик *вон этот*, который нельзя поставить в ряд с тремя упомянутыми выше элементами (его употребление может быть также вызвано желанием выделить единичный объект из массы идентичных ему объектов, не противопоставленных дистантно). Сказанное во все не означает, что, по моему мнению, русская система состоит из трех или же одного компонента; напротив, возможны случаи наложения одной дейктической подсистемы на другую (ср. *Да не эта книжка, а вот эта... и еще вон та!*), что многократно усложняет общую картину. Пафос данного пассажа сводится к тому, что при написании грамматических очерков – а именно они являются основным источником фактических данных при типологических исследованиях, претендующих на широкий охват языков, – подобного рода труднообъяснимые случаи упоминаются крайне редко, хотя без учета таких данных выводы относительно организации той или иной системы могут оказаться неверными.

Таким образом, двух- и трехчастные системы встречаются в подавляющем большинстве естественных языков, и наиболее существенным различием между ними является наличие или отсутствие среднего компонента, или, иначе, среднего дейктика. Такое несходство может быть обнаружено в том числе и в родственных языках – ярким примером служит материал картвельских языков.

1.2. Картвельские данные

В литературном грузинском представлена трехчастная система демонстративов, а в трех других – сванском, мегрельском и лазском – имеется лишь по два дистантно про-

² В частности, имеется в виду набор элементов, которые включает в себя система, – указательные местоимения ('этот' – 'тот') и прилагательные ('такой, как я' – 'такой, как он'), наречия места ('здесь' – 'там') и образа действия ('так, как я' – 'так, как он') и пр., количество которых варьирует по языкам. Например, в грузинском языке есть три указательных прилагательных со значением 'такой' (*aseti, am[da]gwari, atmairi*); в мегрельском их четыре (*tecal, tener, terer, težgi[r]a*), в то время как в русском представлено лишь одно.

тивопоставленных дейктика³. Носители мегрельского и сванского языков обычно владеют грузинским как вторым родным. Это позволило мне провести эксперимент по переводу целого ряда грузинских высказываний, содержащих демонстративы, на мегрельский и сванский языки. В результате оказалось, что грузинские близние и дальние дейктики в обоих случаях переводились однозначно (т.е., например, груз. *es* ‘этот’ > мегр. *tēna* ‘этот’, сван. *ali* ‘этот’; груз. *ik* ‘там’ > мегр. *tek* ‘там’, сван. *ečeši* ‘там’ и т.д.), в то время как перевод средних дейктиков выявил определенные колебания – при относительном равенстве количества близких и дальних дейктиков в мегрельских переводах сванские тексты показали практически полное отсутствие дальних дейктиков в схожих контекстах. Особого внимания заслуживают случаи, в которых демонстратив указывает на объект, событие или место, которые находятся вне поля зрения говорящего, ср. примеры (1), (2).

(1) ‘Ты вчера много выпил. Больше **так** себя не веди’.

груз. *gušin bewri dalie. egre* (M⁴) *aγar moikse.*

мегр. *goγa brel ūwi. anc' teš* (D) *wamikcua.*

сван. *lat masärt laxuš. amži* (P) *deme žemärk.*

(2) ‘Я с **этим** твоим приятелем завтра свяжусь’.

груз. *mag* (M) *šens axlobels xwal dawuk' awširdebi.*

мегр. *ti* (D) *sk'an možgires č'ume dewek' awširebuk.*

сван. *ali* (P) *isgu natis mxär xwec'deni.*

По всей видимости, подобные расхождения обусловлены тем, что в пограничных контекстах, каковыми для носителей мегрельского и сванского языков являются случаи употребления грузинских средних дейктиков, выбор междуальным и близним дейктиками осуществляется в пользу нейтрального, иными словами, немаркированного компонента системы, в данном случае – дальнего дейктика в мегрельском языке и близнего дейктика – в сванском.

Анализ картвельских данных позволяет сформулировать следующее положение: две системы демонстративов, организованных на базе одной и той же дистантной оппозиции (в данном случае – бинарной), могут различаться в использовании дейктиков, несмотря на такие факторы, как близкое генетическое родство языков, продолжительный контакт и большое количество билингвов. Как будет показано ниже на материале испанского и португальского языков, данное положение верно и для трехчастных систем.

2.1. Традиционная типология и ее критика

Системы демонстративов, объединяющие три дистантно противопоставленных компонента, включают в себя близний, средний и дальний дейктики. Обычно их

³ Данное положение требует следующей оговорки: практически все мегрельские демонстративы имеют параллельные эмфатические формы, ср. *tēna* ‘этот’ – *a-tēna* ‘вот этот’, *tīna* ‘тот’ – *e-tīna* ‘вон тот’, *tak* ‘здесь’ – *a-tak* ‘вот здесь’, *tek* ‘там’ – *e-tek* ‘вон там’ и пр. При этом если элемент *a-* по значению сопоставим с русской указательной частицей *вот*, то семантика элемента *e-* не вполне очевидна: даже в рамках одного диалекта мегрельского языка, самурзакано-зугдидского, существуют определенные колебания. Так, в зугдидском говоре при различении двух удаленных объектов дейктик *e-tīna* используется при указании на объект, находящийся ближе, в то время как *tīna* – для указания на более удаленный; в гальском говоре дело обстоит прямо противоположным образом.

⁴ Здесь и далее используются следующие сокращения: Р – для близких дейктиков, М – для средних дейктиков и Д – для дальних дейктиков.

определяют следующим образом: (I) ближний дейктик указывает на референт, находящийся рядом с говорящим, (II) дальний дейктик указывает на референт, находящийся на некотором расстоянии от говорящего; средний дейктик может использоваться при референции (IIIa) к объекту, расположенному в сфере адресата, или (IIIb) к объекту, находящемуся от говорящего дальше, чем объект, определяемый ближним дейктиком, но ближе, чем другой объект, определяемый дальним дейктиком (средняя позиция) [Diessel 1999b: 36, 39]⁵. Из определения (IIIb), в частности, следует, что средний дейктик является своего рода зависимым элементом, фигурирующим лишь в тех контекстах, где уже употреблены ближний и дальний дейктики, что, как будет показано ниже, неверно. Между тем, выбор между определениями (IIIa) и (IIIb) лежит в основе типологического разграничения лично- и дистантно-ориентированных систем: для первых (например, японской) принципиальна соотнесенность дейктика с лицом (первым, т.е. говорящим, вторым, т.е. адресатом, и третьим, т.е. ислокутором), тогда как для вторых (например, испанской) важна относительная дистанция между дейктическим центром и референтом. Впервые данное положение было сформулировано в статьях Ч. Филлмора [Fillmore 1982: 47–50], С. Андерсона и Э. Кинана [Anderson, Keenan 1985: 282–286] и впоследствии принято в работах Х. Дисселя [Diessel 1999b: 39–43; 2005]. Несмотря на широкое применение этого подхода при описании демонстративов в конкретных языках, в целом ряде более поздних исследований он подвергался критике, в частности, в связи с тем, что оппозиция лично- и дистантно-ориентированных систем не вполне адекватно объясняет различия в употреблении демонстративов в естественных языках, слишком проста и не отражает реального положения дел [Meira 2003; Jungbluth 2003; Imai 2003].

Несостоятельность подхода Андерсона-Кинана-Дисселя также обусловлена тем, что, по крайней мере, применительно к изучению дистантно-ориентированных систем не был учтен фактор взаиморасположения говорящего, адресата и референта (референтов). Приводимые примеры, как правило, иллюстрировали ситуацию, в которой позиция адресата была непринципиальна (он находился рядом с говорящим и, таким образом, две опорные дейктические точки были совмещены). Тем не менее, до сегодняшнего дня не было предложено никакой альтернативной теории, которая бы обладала очевидной объяснительной силой, и большая часть критики была либо недостаточно аргументирована, либо затрагивала лишь частные вопросы рассматриваемой тематики.

2.2. Коммуникативная диада: взаимодействие говорящего с адресатом

В уже упомянутых работах С. Мейры и К. Юнгблут, опиравшихся на данные тирийо, бразильского португальского и испанского языков, был представлен новый подход к рассмотрению демонстративов. В частности, К. Юнгблут предложила новую методику описания дейктиков в рамках коммуникативной диады, рассмотрев на материале испанского языка стратегии указания в зависимости от взаиморасположения говорящего, адресата и референта; последний, таким образом, может находиться во внутреннем или внешнем пространстве коммуникации; другой, не менее важный параметр, используемый в работе, – нахождение референта в поле зрения локуторов или вне его. Принимая точку зрения К. Юнгблут относительно правомерности такого анализа (впоследствии он был также применен в работе [Da Milano 2005]), следует, однако, заметить, что некоторые доводы, приводимые автором против подхода Андерсона-Кинана-Дисселя, не вполне состоятельны. Так, пример *‘Te gusta este radio?’* ‘Тебе нравится это радио?’⁶ (подразумевается радио, находящееся ря-

⁵ Как правило, в грамматических очерках определение (IIIb) не приводится.

⁶ Слово *radio* в испанском языке женского рода, в связи с чем не вполне ясно, почему в тексте статьи дважды фигурирует форма мужского рода *este*, а не женского – *esta*.

дом с адресатом), в котором используется близний (*este*), а не средний дейктик (*ese*), должен продемонстрировать отсутствие личной ориентации в испанской системе [Jungbluth 2003: 16]. Мои многократные консультации с носителями испанского языка показали, что употребление близнего дейктика в подобной ситуации подразумевает вопрос о музыке или передаче, транслируемой по радио и потому рассматриваемой в рамках общего пространства участников коммуникации, тогда как сам радиоприемник, находящийся рядом с адресатом, должен кодироваться словом *ese* (в данном случае – ж. р. *esa*); если же расстояние между говорящим и адресатом сравнительно невелико, употребление формы *este* (ж. р. – *esta*) для референции к сфере адресата возможно лишь при отсутствии другого идентичного объекта, находящегося рядом с говорящим. Таким образом, выбор демонстратива в описанном контексте определяется фактором маркированности среднего дейктика и немаркированности близнего⁷. С другой стороны, автор приводит следующий довод в пользу того, что испанская система не является дистантно-ориентированной: «Две объективно равные дистанции могут быть концептуализованы неодинаково. Говорящий характеризует области, находящиеся перед участниками коммуникации и позади них, по-разному... Объекты, расположенные позади, не видны и субъективно представляются более удаленными по сравнению с теми, которые находятся перед говорящим» [Там же: 17]. Совершенно очевидно, что чувствительность дейктиков к видимости референта едва ли непосредственно зависит от того, является ли конкретная система дистантно-ориентированной или нет. В данном случае можно говорить, вероятно, о двух различных параметрах системы, которые могут быть взаимосвязаны, но не подразумеваются один другой.

3.1. Метод исследования

В рамках настоящего исследования был использован метод, предложенный в работе К. Юнгблут. В целях выявления внутренних характеристик системы была увеличена степень подробности данного анализа. Рассматриваемые ниже данные были получены в ходе следующего эксперимента: испытуемым предлагалось дополнить высказывания, которые подразумевали указание и в которых был пропущен дейктик (указательное местоимение в атрибутивной функции). Количество референтов варьировало от одного до трех, они могли находиться между участниками коммуникации (я участвовал в эксперименте в роли адресата), т.е. во внутреннем пространстве, а также за спиной у одного из них или их обоих, т.е. во внешнем пространстве коммуникации. Пограничным случаем являлась ситуация, в которой референт находился в поле зрения обоих локуторов, однако адресат не видел говорящего, стоя к нему спиной.

Во избежание случайного повтора в употреблении дейктиков эксперимент предполагал следующее условие: расстояние между референтами, если их было два или три, всегда превышало их ширину и высоту, по крайней мере, в несколько раз; в противном случае носители могли использовать один и тот же дейктик для указания на референты, находящиеся на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга.

В эксперименте принимали участие носители языков, в которых представлены трехчастная (японский, испанский, португальский, армянский и грузинский) и двухчастная системы (мегрельский, сванский и английский)⁸; инвентарь указательных местоимений рассмотренных языков иллюстрируется в табл. 1.

⁷ Представленный в работе С.Р. Мердановой и О.В. Федоровой анализ схожих дейктических контекстов в агульском языке мог бы быть более последовательным, если бы были рассмотрены ситуации не только с одним референтом [Мерданова, Федорова 2002: 224–225], поскольку дефиниции компонентов системы, опирающиеся на анализ только таких контекстов, едва ли можно признать корректными.

⁸ Наибольшее количество информантов, семнадцать, удалось опросить по грузинскому языку: наименьшее, пять, – по английскому. Количество информантов-носителей прочих представленных в выборке языков колебалось в этих пределах.

Язык	ДЕЙКТИКИ		
	БЛИЖНИЙ (Р)	СРЕДНИЙ (М)	ДАЛЬНИЙ (Д)
яп.	kore	sore	are
исп. ⁹	este, esta, esto	esc, esa, eso	aquel, aquella, aquello
порт.	este, esta, isto	esse, essa, isso	aquele, aquela, aquilo
арм.	ajs	ajd	ajn
груз.	es	eg	is
мегр.	te, tena		ti, tina
сван.	ali/ale		ēzi
англ.	this		that

3.2. Диагностические контексты

В ходе эксперимента был выявлен целый ряд контекстов, наиболее ярко отражающих различия в организации рассмотренных дейктических систем и, в частности, в использовании средних дейктиков. В целом, их употребление типично для референции к сфере адресата – например, если говорящий указывает на объект, находящийся рядом с собеседником; как показано в табл. 2 (здесь и далее говорящий помечен литерой S, адресат – литерой A), наличие или отсутствие в поле зрения локуторов другого референта, который находится рядом с говорящим, при рассмотрении трехчастных систем дает основания для выявления немаркированного компонента: в испанском и португальском языке таковым является ближний дейктик, в армянском – средний; японские и грузинские информанты употребляли в данном контексте как средние, так и близкие дейктики, в связи с чем определение элемента, использующегося в данном контексте по умолчанию, не представляется возможным. Данные мегрельского и сванского языков, в которых средних дейктиков нет, показывают, что в отсутствии другого референта, находящегося рядом с говорящим, указание на сферу адресата может производиться как за счет близкого, так и за счет дальнего дейктика, причем в спонтанной речи носители значительно чаще используют именно ближний, который, по-видимому, является в данном контексте немаркированным компонентом системы¹⁰.

⁹ Указательные местоимения в испанском и португальском языках различают формы мужского, женского и среднего рода (последняя не употребляется атрибутивно). Для мегрельского языка через запятую приводятся усеченная и полная формы местоимения, первая из которых употребляется только атрибутивно. Сванское местоимение *ali/ale* ‘этот’ представлено двумя формами, отражающими диалектные различия (в эксперименте принимали участие носители нижнебалльского и лентехского диалектов).

¹⁰ В этой связи следует также отметить, что, по крайней мере, в мегрельском языке мы имеем дело с недейктическим употреблением указательного местоимения (*a)te* ‘этот’: так, при переводе изолированных предложений носители практически не используют его, однако в связном дискурсе оно крайне частотно и, по-видимому, выполняет функции определенного артикля (неопределенным артиклем служит числительное *artı* ‘один’), ср. пример: *cirak keči: ta temxirua artı k'očkə... xemc'ipeš bošik te ambe guriš xološa kimiždo te ʒyabis xe kotxi. mole?on te cira ?udeša, tuš dida do tutmas kimeragad, keči ate ʒyabiš ambe do te ʒyabc'k'uma gwirgwiniš gedguta tok'onia ic'*. ‘Девушка сказала ему: меня, мол, похитил какой-то человек... Царевич принял близко к сердцу историю этой девушки и попросил руки этой девушки. Отвез эту девушку домой, обратился к своим родителям, рассказал им историю этой девушки и сказал, хочу, мол, обвенчаться с этой девушкой’.

Таблица 2

Язык	РЕФЕРЕНТ 2	РЕФЕРЕНТ 2
яп.	M	P/M
исп.	M	P (M)
порт.	M	P (M)
арм.	M	M
груз.	M	P/M
мегр.	D	P (D)
сван.	D	P (D)
англ.	D	D

3.3. Лично- и дистантио-ориентированные системы

Противопоставление лично- и дистантио-ориентированных систем, существование которого в естественных языках, как уже было сказано выше, неоднократно подвергалось сомнению, действительно выявляется при сравнении двух контекстов, в которых задействованы три референта; в табл. 3 схематически представлены ситуации, в которых референты находятся перед локуторами и между ними.

Таблица 3

РЕФЕРЕНТЫ	РЕФЕРЕНТЫ
Язык	1 2 3 1 2 3
яп.	P M/D M P M D
исп.	P M D P M D
порт.	P M M P D D
арм.	P D M P D D
груз.	P D M P D D
мегр.	P D D P D D
сван.	P D D P D D
англ.	P D D P D D

В ситуации, когда референты находятся перед говорящим и адресатом (правый контекст; далее он будет называться нейтральным дейктическим контекстом), указание на первый и третий референты во всех рассмотренных языках производится, соответственно, за счет близких и дальних дейктиков. Различия между языками проявляются при указании на средний референт, занимающий вторую позицию: в испанском и, как правило, в японском употребляется средний дейктик, в то время как в португальском, армянском и грузинском – дальний. Таким образом, трем последним не свойственно использование всех трех дейктиков для указания на дистантий контраст между референтами в контекстах, когда позиция адресата совпадает с позицией говорящего, и система работает как двухчастная. С другой стороны, если референты находятся между участниками коммуникации (левый контекст), то указание на даль-

ний от говорящего референт, в данном случае включаемый в сферу адресата, может производиться за счет среднего дейктика – так работают все рассмотренные системы, кроме испанской¹¹. С другой стороны, указание на второй референт может производиться как за счет среднего, так и за счет дальнего дейктика. Средний дейктик употребляется в испанском, японском и португальском языках, в то время как армянская и грузинская системы требуют употребления дальнего дейктика. Если сравнить этот контекст с другим, проиллюстрированным выше, в табл. 2, то окажется, что включаемый в середину дополнительный средний референт кодируется отлично от дальнего референта в армянском и грузинском языках – т.е. он противопоставлен ближнему референту в рамках бинарной оппозиции, поскольку включается говорящим в пространство одного из локуторов и за счет дистантного контраста с ближним элементом кодируется третьим имеющимся в системе демонстративом. В португальском и испанском языках второй референт кодируется средним дейктиком по разным причинам. Так, в испанском, если между участниками коммуникации находится более двух референтов, позиция адресата утрачивает значение, и используется нейтральная стратегия (правый контекст), при которой указание на второй референт из трех должно осуществляться за счет среднего дейктика. В португальском языке употребление среднего дейктика применительно ко второму референту связано, во-первых, с необходимостью обозначить дистантный контраст с первым референтом и, во-вторых, с невозможностью использования дальнего дейктика при указании на объект, находящийся во внутреннем пространстве коммуникации (это было подтверждено путем увеличения количества референтов, находящихся между локуторами, и, соответственно, дистанции между ними). Японский язык применительно ко второму референту позволяет использование как среднего, так и дальнего дейктика.

Сравнение левого и правого контекстов, схематически представленных в табл. 3, показало, что носители таких языков, как армянский и грузинский, в выборе демонстративов (в частности, для указания на второй и третий референты) ориентируются на позицию адресата, в то время как испанская система к ней индифферентна, и в выборе дейктика носители опираются на дистантный контраст между референтами (то же самое происходит в рассмотренных языках с двухчастной системой). Таким образом, можно говорить о противопоставлении между лично- и дистантно-ориентированными дейктическими системами¹². Здесь уместно привести критическое замечание Ш. Имаи, который утверждает, что введение такой оппозиции некорректно, поскольку на самом деле «различие [между языками] заключается в том, использует ли язык позицию адресата как вторичную опорную точку (*anchor*) или нет» [Imai 2003: 20]. Как было показано выше при анализе контекста с двумя референтами, находящимися во внутреннем пространстве коммуникации, испанская система является именно дистантно-ориентированной. Тем не менее, она предполагает употребление среднего дейктика применительно к референту, находящемуся рядом с адресатом, и позволяет это даже тогда, когда отсутствует необходимость в дейктическом контрасте (табл. 2).

¹¹ В ходе моей работы с испанскими информантами выяснилось, что в рамках испанского языка можно выделить три типа употребления демонстративов: система первого типа, функционирование которой рассматривается в настоящей статье, характеризуется наиболее широким распространением; вторая система, также трехчастная, принципиально ничем не отличается от португальской (т.е. все, что говорится здесь и далее о португальской системе, в равной степени относится и к этому типу испанской) и используется только коренным населением Мадрида; наконец, третий тип, также получивший широкое распространение, представлен двухчастной системой, в которой задействованы только близкие и дальние дейктики (о схожем явлении в хорватском, см. [Žic Fuchs 1996]).

¹² В связи с этим совершенно неясны соображения, которыми руководствовался Р. Диксон, перечисляя компоненты грузинской системы следующим образом: «рядом с говорящим, на среднем расстоянии от говорящего, далеко от говорящего» [Dixon 2003: 86], что, в сущности, является описанием компонентов дистантно-ориентированной системы.

правый и левый контексты). Иными словами, если количество референтов не превышает двух, то даже в дистанционно-ориентированной системе позиция адресата является второй опорной точкой.

Системы демонстративов в японском и португальском языках не принадлежат ни к первому, ни ко второму типу, занимая промежуточную позицию и обнаруживая свойства, характерные как для лично-, так и для дистанционно-ориентированной моделей. Таким образом, можно говорить об определенной градации признаков, предполагающей существование как полярных, так и промежуточных типов систем.

Рассмотренные контексты позволили выявить следующее свойство лично-ориентированной системы, представляющееся нетривиальным: средний дейктик может указывать на референт, находящийся на большем расстоянии от говорящего, чем другой референт, указание на который производится за счет дальнего дейктика. В дистанционно-ориентированной системе это принципиально невозможно.

3.4. Пространственная анафора и пространственная катафора

Важным параметром, влияющим на выбор демонстратива, является видимость/невидимость референтов участникам коммуникации¹³, например, когда референты находятся за спиной у говорящего и адресата. Опорой для сравнения служит нейтральный дейктический контекст, в котором референты находятся перед говорящим и адресатом, см. табл. 4. Условия эксперимента предполагали, что говорящий уже видел референты и в момент речи отдает себе отчет в том, как они расположены.

Таблица 4

РЕФЕРЕНТЫ				РЕФЕРЕНТЫ			
ЯЗЫК	1	2	3	1	2	3	
яп.	P	M/D	D	P	M	D	
исп.	P (M)	M	D	P	M	D	
порт.	D	D	D	P	D	D	
арм.	P	D	D	P	D	D	
груз.	D (P)	D	D	P	D	D	
мегр.	D	D	D	P	D	D	
сван.	D	D	D	P	D	D	
англ.	D	D	D	P	D	D	

Как показало сравнение двух контекстов, рассмотренные языки обнаружили определенные различия в том, какой параметр – дистанция до референта или его невидимость говорящему – является более важным. Так, португальская система не предполагает использования близких и средних дейктиков, если ни один, ни другой локутор не видят объектов, о которых идет речь. В японском, испанском и армянском языках, напротив, употребление демонстративов в правом контексте практически не отличается от их употребления в левом контексте, с той лишь оговоркой, что, помимо ближнего

¹³ Необходимо отметить, что ни в одном из рассмотренных языков параметр видимости/невидимости референта локуторам не является грамматикализированным, как обстоит дело, например, в западногренландском, квилеуте, квакиутле и некоторых других языках, использующих специальные демонстративы для указания на невидимый референт. подробнее см. [Andrade 1933: 252; Givón 1980: 55; Diessel 1999a: 41–42; Imai 2003: 55].

дейктика, в левом контексте в испанском языке возможен также средний. В этих языках относительная дистанция при дейктическом контрасте является более важным параметром, нежели невидимость референтов. Грузинские данные позволяют говорить об определенных колебаниях в выборе дейктика для первого референта, однако относительная редкость употребления ближнего дейктика в этом контексте сближает их с данными португальского языка. Следует отметить, что использование средних дейктиков в левом контексте для лично-ориентированных систем нехарактерно.

Нахождение референтов во внешнем пространстве коммуникации предполагает ситуации, в которых референты находятся в поле зрения лишь одного из говорящих. В таких случаях можно говорить о пространственной анафоре и пространственной катафоре (внешнее пространство в терминологии К. Юнгблут). Первая предполагает, что референты видны лишь адресату, вторая – что референты видны лишь говорящему, см. табл. 5 и 6.

Таблица 5

РЕФЕРЕНТЫ			
ЯЗЫК	1	2	3
яп.	P	D (M)	D
исп.	M (P)	D	D
порт.	P	D	D
арм.	P	D	D
груз.	D (P)	D	D
мегр.	D (P)	D	D
сван.	P	D	D
англ.	D	D	D

Основным отличием от ситуации, когда референты находятся вне поля зрения обоих локуторов, в данном случае является употребление ближнего дейктика для первого референта в португальском языке и сдвиг в сторону дальних дейктиков в испанском, так что первый референт кодируется чаще средним, нежели ближним дейктиком, а второй – дальним, а не средним.

Таблица 6

РЕФЕРЕНТЫ			
ЯЗЫК	1	2	3
яп.	M	D	D
исп.	M	M	D
порт.	M	D	D
арм.	M	D (M)	D
груз.	M (D)	D	D
мегр.	D	D	D
сван.	D	D	D
англ.	D	D	D

Во всех рассмотренных трехчастных системах пространственная катафора предполагает употребление среднего компонента системы для референции к первому референту, хотя, как показано в табл. 6, в грузинском языке в этом контексте также возможно употребление дальнего дейктика. Испанская система в данном случае использует средний дейктик для второго референта, как это было в нейтральном контексте.

В заключение данного раздела следует отметить, что в рассмотренных двухчастных системах употребление ближнего дейктика для указания на первый референт возможно только при пространственной анафоре, что не очевидно на первый взгляд: двухчастная система должна быть дистантно-, а не лично-ориентированной, однако данные мегрельского и, особенно, сванского языков свидетельствуют в пользу того, что из трех возможных контекстов, в которых референты не видны одному или же обоим локуторам, как нейтральный рассматривается именно тот, в котором референты видны лишь адресату.

3.5. К определению дейктиков

Построение семантической карты демонстративов, которая бы задавала инвариантные контексты употребления дейктиков, принципиально невозможно, поскольку дейктический контраст, основанный, в частности, на дистантном противопоставлении элементов, очень относителен¹⁴. В связи с этим уточнение определений таких терминов, как «ближний дейктик» или «дальний дейктик» едва ли осуществимо. Яркой иллюстрацией тому служит пример с пиалами клубники, приведенный Р. Диксоном (для английского языка) [Dixon 2003: 80]:

Y		а. Мэри: Ты хочешь взять себе эту? [указывая на X]
X		Джон: Нет, я бы предпочел ту. [указывая на Y]
Мэри	б. Мэри: Ты хочешь взять себе эту? [указывая на Y]	Джон: Нет, я бы предпочел эту. [указывая на X]
Джон		

Очевидно, что ближний и дальний дейктики в общем случае должны определяться как слова, указывающие на референты, находящиеся «близко или ближе, чем...» к говорящему и, соответственно, «далеко или дальше, чем...» от говорящего. Приведенный выше пример показывает, насколько важна оговорка «ближе/далее, чем...». Уточнение этих терминов, несомненно, требует особого внимания к проблеме маркированности в сфере дейксиса.

Несколько иначе дело обстоит со средним дейктиком, к употреблению которого сводятся основные различия, существующие между трехчастными системами демонстративов. Как было показано в предыдущих разделах, традиционное представление о том, что средний дейктик употребляется для указания либо на референт, находящийся рядом с адресатом, либо на второй референт из трех в нейтральном дейктическом контексте, не вполне корректно. Ведь в этом случае определение задается для среднего дейктика, функционирующего в лично-ориентированной системе, или для совершенно другого среднего дейктика, который входит в дистантно-ориентированную систему. Как было показано в разделе 3.3, существуют языки, указательные системы в которых объединяют признаки как лично-, так и дистантно-ориентированной моделей, и, таким образом, представляют собой промежуточный тип. Получается, что для каждого такого типа следует давать среднему дейктику новое определение; сколько всего таких типов существует, неизвестно.

¹⁴ Попытку построения подобной семантической карты, которая была предпринята в работе [Da Milano 2005], в силу целого ряда объективных причин удачной назвать нельзя.

Тем не менее, в рамках проведенного эксперимента был выявлен контекст, в котором во всех рассмотренных языках с трехчастной системой демонстративов используется средний дейктик, см. табл. 7. Это контекст пространственной катафоры в более общем виде, нежели он был представлен в разделе 3.4. В данном случае не важно, смотрит адресат на говорящего или на референт, – принципиальна позиция адресата между ними¹⁵. Это положение подтверждают данные других языков, которые используют трехчастную дейктическую систему (корейский, турецкий, финский, баскский, бежтинский и греческий языки)¹⁶.

Таблица 7

Язык	РЕФЕРЕНТ 1	РЕФЕРЕНТ 1
яп.	M	M
исп.	M	M
порт.	M	M
арм.	M	M
груз.	M	M

Таким образом, средний дейктик в общем случае указывает на видимый говорящему референт, находящийся во внешнем пространстве коммуникации; иными словами, если говорящий видит адресата, а также какой-либо объект, находящийся, с точки зрения говорящего, дальше адресата, то референция к такому объекту производится за счет среднего дейктика. Все прочие типы его употребления являются факультативными и могут варьироваться от языка к языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Мерданова, Федорова 2002 – С.Р. Мерданова, О.В. Федорова. Дейктическая система хюкского диалекта агульского языка // В.А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М., 2002.
- Anderson, Keenan 1985 – S.R. Anderson, E.L. Keenan. Deixis // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. V. 3. Cambridge, 1985.
- Andrade 1933 – M.J. Andrade. Quileute // F. Boas (ed.). Handbook of American Indian languages. New York, 1933.
- Da Milano 2005 – F. Da Milano. La deissi spaziale nelli Lingue d'Europa. FrancoAngeli, 2005.
- De Mulder 1996 – W. De Mulder. Demonstratives as locating expressions // M. Pütz, R. Dirven (eds.). The construal of space and thought. Cognitive linguistics research 8. Berlin, 1996.
- Diessel 1999a – H. Diessel. The morphosyntax of demonstratives in synchrony and diachrony // Linguistic typology. V. 3. 1999.
- Diessel 1999b – H. Diessel. Demonstratives: Form, function, and grammaticalization. Amsterdam, 1999.

¹⁵ В случае с катафорой в левом контексте, когда адресат не видит референта, находящегося у него за спиной, некоторые языки также допускают употребление дальнего дейктика.

¹⁶ Кроме того, в ужс упоминавшемся двухчастном типе испанской системы, который утратил средние дейктики, казалось бы, полностью, данный контекст является единственным, где «вспыхивает» местоимение *ese/esa/eso* (M).

- Diessel 2005 – *H. Diessel*. Distance contrasts in demonstratives // M. Dryer, M. Haspelmath, D. Gil, B. Comrie (eds.). *World atlas of language structures*. Oxford, 2005.
- Dixon 2003 – *R.M.W. Dixon*. Demonstratives: A cross-linguistic typology // *Studies in language*. 27. 2003. № 1.
- Enfield 2003 – *N.J. Enfield*. Demonstratives in space and interaction: Data from Lao speakers and implications for semantic analysis // *Language*. 79. 2003. № 1.
- Fillmore 1982 – *C.J. Fillmore*. Towards a descriptive framework for spatial deixis // R.J. Jarvella, W. Klein (eds.). *Speech, place, and action: Studies in deixis and related topics*. Chichester, 1982.
- Frajzyngier 1996 – *Z. Frajzyngier*. On sources of demonstratives and anaphors // B. Fox (ed.). *Studies in anaphora*. Amsterdam, 1996.
- Givón 1980 – *T. Givón*. *Ute reference grammar*. Ignacio, 1980.
- Hauenschild 1982 – *C. Hauenschild*. Demonstrative pronouns in Russian and Czech // J. Weissborn, W. Klein (eds.). *Here and there: Cross-linguistic studies on deixis and demonstration*. Amsterdam, 1982.
- Himmelmann 1996 – *N. Himmelmann*. Demonstratives in narrative discourse: A taxonomy of universal uses // B. Fox (ed.). *Studies in anaphora*. Amsterdam, 1996.
- Janssen 2002 – *T. Janssen*. Deictic principles of pronominalism demonstratives, and tenses // F. Brisard (ed.). *Grounding: The epistemic footing of deixis and reference*. Berlin, 2002.
- Jungbluth 2003 – *K. Jungbluth*. Deictics in the conversational dyad: Findings in Spanish and some cross-linguistic outlines // F. Lenz (ed.). *Deictic conceptualization of space, time and person. Pragmatics and beyond new series*. V. 112. Amsterdam, 2003.
- Imai 2003 – *Sh. Imai*. Spatial deixis. PhD Dissertation. State university of New York at Buffalo, 2003.
- Klein-Andreu 1996 – *F. Klein-Andreu*. Anaphora, deixis, and the evolution of Latin *ille* // B. Fox (ed.). *Studies in anaphora*. Amsterdam, 1996.
- Meira 2003 – *S. Meira*. «Addressee effects» in demonstrative systems: The cases of Tiriyó and Brazilian Portuguese // F. Lenz (ed.). *Deictic conceptualization of space, time and person. Pragmatics and beyond new series*. V. 112. Amsterdam, 2003.
- Zeevat 1999 – *H. Zeevat*. Demonstratives in discourse // *Journal of semantics*. 16. 1999. № 4.
- Žic Fuchs 1996 – *M. Žic Fuchs*. ‘Here’ and ‘There’ in Croatian // M. Pütz, R. Dirven (eds.). *The construal of space and thought. Cognitive linguistics research* 8. Berlin, 1996.

© 2009 г. Н.М. ЗАИКА

ВАЛЕНТНОСТНАЯ И ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ БАСКСКОГО ГЛАГОЛА С ДАТИВНЫМ АКТАНТОМ, СВЯЗАННАЯ С МОРФОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАПРЕТАМИ И РЕДКИМИ ФОРМАМИ

В настоящей работе мы касаемся особенностей согласования баскского полиперсонального глагола с его актантами, обращая особое внимание на то, как данные особенности связаны с субSTITУЦИЕЙ морфологически невозможных и редко встречающихся форм. Мы рассматриваем проблему неполных парадигм и запреты на ряд форм, связанных с каузацией, с семантической точки зрения, объясняя эти особенности прототипической неодушевленностью абсолютивного актанта у трехперсональных глаголов. В статье также выдвигается гипотеза о связи неполных парадигм с нерегулярностями в образовании прошедшего времени глагола.

В полиперсональных языках мира разных семей неполные парадигмы у трехперсональных глаголов являются фреквенталией. Данное явление носит название Person-Case Constraint (лично-падежное ограничение)¹. Ряд исследователей считает такое ограничение абсолютной универсалией, однако, по крайней мере, в некоторых языках известны контрпримеры данного ограничения. Так, в некоторых кавказских языках (адыгейский [Яковлев 1941: 376], убыхский [Paris 1969: 128], грузинский [Vogt 1971: 87–88]² и др.) имеется возможность образовывать трехперсональные глагольные формы с абсолютивным показателем 1 или 2 лица; это, вероятно, связано с тем, что в этих языках показатели агглютинативно присоединяются к корню, тогда как в баскском языке, наряду с присоединением показателей, изменяется корень вспомогательного глагола.

Лично-падежное ограничение в широком смысле ограничивает не только глагольное согласование, но и местоименные клитики при трехвалентных глаголах. Однако это ограничение не касается функционирования неклитических местоимений, поскольку во многих языках широко распространены трехвалентные конструкции с самыми разнообразными комбинациями местоименных актантов (см. русское вполне грамматичное предложение *Они меня ему рекомендовали*).

В отличие от лично-падежного ограничения в трехвалентных глаголах, ограничение сочетаемости двухвалентных глаголов с дативной клитикой или дативным согла-

¹ Ср. определение П. Альбису, исследовавшего это явление на материале баскского: [Albizu 1998: 1] «the Person-Case Constraint [...] is a morphological condition against particular combinations of Dative and Accusative (or Absolutive) agreement markers, attested in a heterogeneous group of languages» (лично-падежное ограничение – это морфологическое условие, при котором запрещаются некоторые комбинации дативных и аккузативных (абсолютивных) согласовательных показателей, засвидетельствованное в разных языковых группах).

² Ср. [Vogt 1971: 87-88] «Mais des expressions comme *sik'vdils momt'aca* ‘il m’arracha à la mort’, où le préfixe objectif *m-* renvoie au régime direct *me* (et le préfixe zéro au régime indirect) sont parfaitement correctes, bien qu’en fait rares» (Но такие выражения, как *sik'vdils momt'aca* ‘он вырвал меня у смерти’, в которых объектный префикс *m-* указывает на прямое управление *me* (и нулевой префикс в косвенном управлении) являются вполне правильными, хотя в действительности и редкими.)

совательным показателем во многих языках мира встречаются гораздо реже и исследовались значительно меньше.

Мы исследуем нерегулярные явления в парадигме полиперсонального глагола на материале баскского литературного языка и его диалектов. Баскский – изолированный эргативный язык, на котором говорят на северо-востоке Испании и юго-западе Франции. Под восточными диалектами мы подразумеваем диалекты, на которых говорят во французской части Страны Басков, под западными – те, на которых говорят в испанской части Страны Басков.

Мы рассматриваем в основном спряжение вспомогательного глагола, поскольку большинство баскских глагольных форм является аналитическими, в отличие от многих других полиперсональных языков. Во вспомогательном глаголе, имеющем более тысячи форм, выражаются согласовательные показатели и время, в главном глаголе – вид (перфектив или имперфектив, причем видовые показатели могут иметь несколько алломорфов), к перфектной основе возможно также присоединение показателя будущего времени.

Видо-временная отнесенность выражается сочетанием времени вспомогательного глагола и аспекта главного глагола; так, например, вспомогательный глагол в настоящем времени с главным глаголом в имперфективной форме имеет значение настоящего времени, вспомогательный глагол в настоящем времени с главным глаголом в перфектной форме – значение прошедшего, вспомогательный глагол в прошедшем времени с главным глаголом в перфектной форме – значение отдаленного прошедшего, вспомогательный глагол в прошедшем времени с главным глаголом в имперфективной форме – значение хабитуального прошедшего и т. п. В баскском языке, ср. [Etchebarne 2002: 114], выделяется пять наклонений: индикатив (8 времен), кондиционалис (8 времен), потенциалис (3 времени), субъюнктив (2 времени) и императив.

Баскский глагол может иметь несколько актантов, выраженных именными группами. При наличии в предложении абсолютивной, эргативной или дативной именной группы, глагол, как правило, согласуется с ними в лице и числе. Абсолютивный показатель обязательно присутствует в личном глаголе, эргативный и дативный показатели могут как присутствовать, так и отсутствовать. Наличие или отсутствие дативного и эргативного показателей в глаголе дает нам четыре логические возможности, причем все они представлены в языке:

эргативный показатель		
дативный показатель	–	+
–	абсолютивное спряжение	эргативно-абсолютивное спряжение
+	абсолютивно-дативное спряжение	трехперсональное спряжение

Рассмотрим примеры абсолютивного (1), абсолютивно-дативного (2), эргативно-абсолютивного (3) и трехперсонального (4) типа спряжения:

- (1) *Kera etorr-i da.*
Петя[ABS] прийти-PRF ABS3SG.PRS
'Петя пришел'.

- (2) *Kera-ri gozoki-a gusta-tzen zai-o.*
Петя-DAT конфета-DEF[ABS.SG] нравиться-IMP [ABS3SG.PRS]ABS/DAT-DAT3SG
'Пете нравится конфета'.

- (3) *Kera-k etxe-a eraiki d-i.*
 Петя-ERG дом-DEF[ABS.SG] построить[PRF] ABS3SG.PRS-ERG/ABS[ERG3SG]
 ‘Петя построил дом’.
- (4) *Kera-k ama-ri gozoki-a eta-n*
 Петя-ERG мама[DEF.SG]-DAT конфета-DEF[ABS.SG] дать-PRF
d-i-o.
 ABS3SG.PRS-3PERS[ABS.SG]-DAT3SG[ERG3SG]
 ‘Петя дал маме конфету’.

Однако не все логически возможные комбинации персональных показателей возможны в глаголе. Так, при трехперсональном глаголе невозможен абсолютивный актант 1 или 2 лица при абсолютно естественном абсолютивном актанте 3 лица, хотя морфологически ничто не препятствует их образованию.

- (5) *Guraso-e-k Kera lagun-e-i erama-n*
 родители-DEF.PL-ERG Петя[ABS] друг-DEF.PL-DAT привезти-PRF
d-i-e-te.
 ABS3PRS-3PERS[ABS.SG]-DAT3PL-ERG3PL
 ‘Родители привезли Петю к друзьям’.
- (6) **Guraso-e-k ni lagun-e-i erama-n*
 родители-DEF.PL-ERG я[ABS] друг-DEF.PL-DAT привезти-PRF
ni-ete/nai³-e-te.
 ABS1SG-3PERS-DAT3PL-ERG3PL
 ‘Родители привезли меня к друзьям’.

Также следует отметить, что в баскском языке ряд глагольных форм абсолютивно-дативного типа спряжения с абсолютивным показателем 1 и 2 лица, хотя являются допустимыми, постепенно исчезают из языка:

- (7) *Mintza-tzen nat-zai-o.*
 говорить-IMP ABS1SG-ABS/DAT-DAT3SG
 ‘Я с ним говорю’.

В старых баскских текстах XVI века неполные парадигмы в трехперсональных глаголах могли заполняться. Примеры трехперсональных глаголов с абсолютивным показателем 1 и 2 лица приводит Р. Лафон [Lafon 1980: 237, 245]. Всего засвидетельствовано около 15 форм. Однако практически все формы такого рода, упоминаемые исследователями, происходят из одного текста Евангелия Иоаннеша Лейсарраги 1571 года. По мнению Р. Траска, эти формы могли быть сконструированы Лейсаррагой для более точного перевода текста [Trask 1997: 220]; они могли быть как исчезающими формами, так и инновациями [Trask 1997: 221].

На возможность образования подобных форм одними носителями языка и невозможность их образования другими носителями в XX веке указывает Р. М. де Аскве [Azkue 1925: 575], при этом можно отметить и их употребление в сослагательном наклонении. Исследователь предполагает, что такие формы существовали в действительности, но впоследствии исчезли. Как бы то ни было, несмотря на потенциальную возможность образования данных форм, они встречались крайне редко.

Исследуя неполные парадигмы в различных языках, лингвисты, как правило, дают описание дистрибуции морфов (клитик), не вдаваясь в семантические предпосылки

³ В качестве вариантов даны возможные алломорфы абсолютивного показателя первого лица единственного числа, присутствующие в других формах вспомогательного глагола.

этого явления. Заметим, что местоимения 1 и 2 лица, употребление которых невозможно из-за лично-падежного ограничения, соответствуют одушевленным именным группам. Редкость употребления 1 и 2 лица абсолютивного (аккузативного) показателя в трехвалентных глаголах в языках мира объясняется тем, что прямой объект прототипически является неодушевленным (ср. в тех разновидностях испанского языка, в которых различаются одушевленная аккузативная клитика 3 лица *le* и неодушевленная *lo* – явление, получившее название «*lefismo*», – существует ограничение на сочетание дативной клитики первого-второго лица *me/te* и одушевленной аккузативной клитики 3 лица *le*: **Te le di* ‘Я тебе его (ANIM) дал’ vs. *Te lo di* ‘Я тебе его(INANIM) дал’ [Otmazabal, Romero 1998: 418]).

Рассмотрим, какое значение могут иметь трехвалентные глаголы с одушевленным объектом. Поскольку большинство трехвалентных глаголов является либо глаголами давания и перемещения (и соответствующими конверсивами), либо глаголами речи, то таких глаголов насчитывается мало.

При глаголах речи абсолютивная именная группа, как правило, обозначает предмет высказывания, то есть прототипически неодушевленный объект. Кроме того, возможен случай, когда сентенциальному актанту в глаголе соответствует абсолютивный показатель. Следовательно, с данной группой глаголов абсолютивный актант 1 или 2 лица практически невозможен. Среди трехперсональных глаголов речи, которые могут использоваться с одушевленным абсолютивным актантом, нам известны лишь глаголы *aipatu* ‘упоминать’ и *gomendatu* ‘рекомендовать’.

При глаголах давания одушевленный абсолютивный актант также затруднителен с семантической точки зрения (что и объясняет крайне редкое употребление данной грамматической формы в тексте), однако не невозможен. Немногочисленными трехвалентными глаголами, допускающими одушевленный абсолютивный актант вообще, и абсолютивный актант 1 и 2 лица в частности, являются глаголы *eratan* ‘привозить’, реже *ekarri* ‘принести’, *erosi* ‘продать’.

Кроме того, редкими баскскими глаголами, допускающими конструкции с одушевленным абсолютивным актантом (естественно, вследствие морфологического ограничения, актантом 3 лица), являются, *aurkeztu* ‘представлять’ *irakutsi* ‘показывать’ и глаголы сопоставления *identifikatu* ‘идентифицировать’, *hobetsi* ‘предпочитать’.

Некоторые из этих глаголов обладают высокой частотностью в словаре (по данным частотного словаря [Maiztasun hiztegia 2004] *eratan* занимает 85 место, *ekarri* – 105 место по частотности среди лексем баскского языка), но их количество в словаре очень мало (около десятка), что и является причиной рассматриваемого ограничения в языке.

Еще одно обоснование лично-падежного ограничения, связанное с низкой встречаемостью в текстах глаголов, предложено в [Haspelmath 2004], однако автор в своем исследовании не обращает внимания на тот факт, что частотность глаголов зависит от вышеуказанных причин, связанных с глагольной семантикой.

В различных языках мира наблюдается следующая закономерность: редко встречающиеся в речи формы либо исчезают, либо происходит их выравнивание по продуктивному типу словоизменения. В баскском языке этот принцип (исчезновение редко-употребляемых форм) последовательно проявляется не только в трехперсональных глаголах, но и в постепенном исчезновении ряда низкочастотных абсолютивно-дативных форм, а также форм косвенных наклонений, содержащих дативный показатель.

Выдвинем гипотезу о том, что неполные парадигмы баскского трехперсонального глагола связаны с нерегулярностями в образовании прошедшего времени, причем трудно определить, являются ли эти нерегулярности причиной, а неполные парадигмы – следствием или наоборот. Одной из предпосылок создания системы с неполными парадигмами являются элементы флексивности в грамматическом строю баскского (большое количество алломорфов, неоднозначность морфологического членения).

В прошедшем времени у баскского трехперсонального личного глагола можно наблюдать некоторые черты аккузативности в тех случаях, когда глагол согласуется с абсолютивной именной группой 3 лица (здесь в очередной раз проявляется то, что аб-

солютивный показатель 3 лица ведет себя отлично от первого и второго). Это выражается в том, что в прошедшем времени у личного глагола наблюдается порядок морфем, который отличается от порядка морфем в настоящем времени, что получило название «ergative displacement» («эрративное смещение»). Так, если в настоящем времени эргативный показатель занимает крайнюю правую позицию в словоформе, то в прошедшем времени – крайнюю левую, при этом проявляется его материальное сходство с абсолютным показателем,ср. *d-i-zi* ‘ABS3SG.PRS-ERG/ABS-ERG2SG’ vs. *zen-i-en* ‘ERG2SG.PST-ERG/ABS-PST’ и *zin-en* ‘ABS2SG.PST-PST’. Поскольку в полиперсональных языках эргативный показатель, как правило, занимает крайнюю правую позицию, можно предположить, что эргативное смещение – вторичное явление в баскском языке.

Показателями прошедшего времени в баскском являются, во-первых, суффикс *-n*, омонимичный относительному показателю, то есть показателю, вводящему относительные придаточные предложения (глаголы в прошедшем времени с относительным показателем омонимичны глаголам в прошедшем времени без этого показателя, тогда как в настоящем времени такая омонимия отсутствует), а также вышеописанный измененный порядок морфем.

Появление абсолютных префиксов в настоящем времени привело бы к появлению форм, крайне схожих с рядом форм прошедшего времени, а в относительных предложениях – к полной омонимии некоторых форм. (ср. *n-i-o-n* ERG1SG-3PERS[ABS3SG]-DAT3SG-PST и **n-i-o-n* ABS1SG-3PERS-DAT3SG[ERG3SG]-REL). Хотя в языках и встречаются омонимичные формы, они чаще возникают из-за совпадений в регулярных парадигмах или в результате упрощения. Исходя из вышесказанного, с большой вероятностью можно предположить, что одновременно существовать эти формы не могли, хотя могли существовать неомонимичные формы, выражающие два этих разных значения.

Рассмотрим, какие стратегии используют носители языка для заполнения неполных парадигм⁴.

Во-первых, в глаголе может отсутствовать дативный показатель при наличии дативного актанта в предложении, в этом случае глагол будет спрягаться по эргативно-абсолютивному типу. Это явление наиболее распространено в восточных диалектах (на территории французской части Басконии), но и в них данная стратегия не является самой частой, поскольку, как правило, в этих диалектах в глаголе дативный показатель отсутствует, если эксплицитно выражен дативный актант, и присутствует, если на поверхностном уровне дативный актант не выражен; причем, в отличие от существительных, местоимения в эргативе, дативе и абсолютиве, за исключением случаев эмфатизации, эксплицитно не выражены. См. пример:

(8) <i>Aita-ri</i>	<i>erama-n</i>	<i>na-i-te.</i>
отец[DEF.SG]-DAT	везти-PRF	ABS1SG-ERG/ABS-ERG3PL
'Они отвезли меня к отцу'.		

Во-вторых, может использоваться контекстуальная вариативность датива и других падежей (благодаря богатой падежной системе, датив в баскском языке в ряде случаев может находиться в отношении вариативности с генитивом, комитативом, дестинативом, мотивативом, аллативом). При трехвалентных глаголах с пациентом в 1 или 2 лице чаще всего вместо датива используется дестинатив при глаголах давания и аллатив при глаголах перемещения, см. пример (10):

(9) <i>Aita-rengana</i>	<i>erama-n</i>	<i>na-i-te.</i>
отец[DEF]-SG.ALL	везти-PRF	ABS1SG-ERG/ABS-ERG3PL
'Они отвезли меня к отцу'.		

⁴ Ср. примеры заполнения неполных парадигм в русском языке: *мечтаний* (вместо родительного падежа множественного числа от *мечтать*), *я сумею победить* (вместо первого лица единственного числа от *победить*).

Дестинатив нередко используется и в других случаях, если необходимо избежать употребления двух дативных именных групп, например, если в предложении присутствуют два адресата, каждый из которых обычно выражается дативом (в баскском языке из-за невозможности согласования глагола с двумя дативами одновременно при личном глаголе два датива, как правило, не употребляются):

- (10) *Aita-k eta ama-k ere gorantzi-a-k*
 отец[DEF.SG]-ERG и мать[DEF.SG]-ERG тоже привет-DEF[ABS]-PL
eta-n di-zki-da-te zu-retzat.
 давать-PRF 3PERS-ABS3PL-DAT1SG-ERG3PL ты-DEST
 ‘Отец и мать тоже передают мне для тебя приветы’ [Mujika 2004: 92].

В настоящем примере местоимение *zi* ‘ты’ вместо датива, которого требует глагол *etan* ‘давать’ стоит в дестинативе.

В текстах дестинативу может соответствовать дативный показатель в глаголе, ср. пример (12), зафиксированный на территории французской части Страны Басков:

- (11) *Egun bat-ez hel-du zay-o⁵* *desgustu*
 день один-DEF.SG.INS прийти-PRF [ABS3SG]ABS/DAT-DAT3SG отвращение
bat bere mutila-intzat.
 один[ABS.SG] его слуга-DEF.DEST.SG
 ‘Однажды он почувствовал отвращение к своему слуге’ [Webster 1873: 127].

Дестинатив также может использоваться и для заполнения неполных парадигм синтетических глаголов, ср. пример из [Mujika 2004: 53], где используется дестинативный адресат вместо более естественного для глагола *eratan* ‘нести’ дативного адресата, поскольку в современном баскском языке исчезает спряжение синтетических глаголов с дативным показателем:

- (12) *Ez d-arama-zu ezer atona-rentzat.*
 не ABS3PRS-нести[ABS.SG]-ERG2SG ничего бабушка[DEF]-DEST.SG
 ‘Ты не несешь ничего бабушке’.

Вариативность валентности и персональности глагола, вызванная невозможностью его согласования с одним из актантов, может быть связана с выражением отношений каузации.

В баскском языке затруднено образование каузативов от глаголов с дативным актантом, то есть абсолютно-дативных и трехперсональных глаголов. Ср. пример (14) из грамматики баскского языка [Euskal gramatika laburta 1993: 217], который авторы цитируют как сомнительный.

- (13) *?Aita-ri iburu-a etan-araz-i*
 отец[DEF.SG]-DAT книга-DEF[ABS.SG] давать-CAUS-PRF
d-i-o-te Joxe-ri.
 ABS3PRS-3PERS[ABS.SG]-DAT3SG-ERG3PL Йоше-DAT
 ‘Они заставили отца дать книгу Йоше/Они заставили Йоше дать книгу отцу’.

То, что не все носители языка признают данное предложение грамматичным, вызвано нежелательностью постановки двух именных групп в одном предложении в од-

⁵ Форма дана в старой орфографии.

ном и том же падеже (дативе или абсолютиве), что связано с глагольным согласованием: вспомогательный глагол, как правило, согласуется с дативной и/или абсолютивной именной группой⁶, а согласование одновременно с двумя дативными или двумя абсолютивными именными группами невозможно по морфологическим причинам. В языках, в которых нет такого ограничения, подобные конструкции являются возможными, ср., пример из немецкого, где каузируемый агенс стоит в аккузативе, при этом в предложении возможен еще один аккузативный актант – пациент, ср.: *Der Diktator ließ die Warter den Diplomaten die Gefangen zu zeigen* ‘Диктатор позволил охранникам показать заключенных дипломатам’ [Draye 1996: 77].

Несмотря на то, что специалисты по грамматике не считают конструкции с двумя абсолютивными актантами совершенно недопустимыми, в текстах отсутствуют каузативы от трехперсональных глаголов *etan* ‘дать’, *esan*, *erran* ‘говорить’ с двумя дативными актантами (ср. корпусы текстов <http://klasikoak.artiarma.com/corpus.htm>, <http://bertia.info>).

Очевидно, для носителей баскского языка существование подобного ограничения редко ведет к коммуникативным неудачам, поскольку в конструкции с каузативами, образованными от самых частотных трехвалентных глаголов *etan* ‘давать’ *esan/erran*⁷ ‘говорить’ – *etanarazi* и *esanarazi/erranarazi* соответственно, – одна и та же именная группа выполняет одновременно роль каузатора и реципиента или адресата, ср. (15):

- (14) – *Zer? Egun oroz ikhusten duzu eta ez dakizu nor den?*

‘Что? Ты видишь его весь день и не знаешь, где он?’

– <i>Ez, ez d-aki-t,</i>	<i>egundaiño eziñ erran-araz-i</i>
нет не ABS3SG-знать-ERG3SG	до.сих.пор не.мочь сказать-CAUS-PRF
<i>d-i-o-t.</i>	

ABS3PRS-3PERS[ABS.SG]-DAT3SG-ERG1SG

‘Нет, не знаю, до сих пор не могу заставить его сказать [мне]’ [Laphitz].

Каузатор в данном примере материально не выражен, но ему соответствует эргативный показатель в глаголе. Этот каузатор одновременно является адресатом, не выраженным ни именной группой, ни согласовательным показателем, но очевидным из контекста.

Помимо отсутствия согласования с одним из дативных актантов, также возможно образование каузативов от синонимических глаголов другого типа спряжения (например, поскольку невозможно образовать каузатив от абсолютивно-дативного глагола *jarraitu* ‘следовать’, носители языка образуют каузатив от синонимичного эргативно-абсолютивного глагола *segitu* – *segiarazi* [Rebuschi 1982: 742]).

Также возможно образование каузативных конструкций с помощью глаголов *bortxatu*, *derrigortu* ‘заставлять’, *eskatu* ‘просить’:

- (15) *Nere lagun-a bortxa-tu d-u-t historia*
мой друг-DEF[ABS.SG] заставить-PRF ABS3SG-ERG/ABS-ERG1SG история

hau bere buraso-e-i konta
этот[ABS.SG] его родитель-DEF.PL-DAT рассказывать

d-ie-za-ie-n.

ABS3SG-3PERS-SUBJ-DAT3PL[ERG3SG]-INDIR

‘Я заставил своего друга рассказать эту историю его родителям’.

⁶ Только в прогрессивных конструкциях при двух именных группах, субъекте и объекте, стоящих в абсолютиве, согласование происходит лишь с субъектом:

Neska liburu-a-k eros-ten ari da
девочка[DEF.ABS.SG] книга-DEF[ABS]-PL покупать-IMP PROG ABS3SG.PRS
'Девочка покупает книги (сейчас)'.

⁷ Глагол *esan* употребляется преимущественно в западных диалектах, *erran* – в восточных.

То, что при трехперсональных глаголах редко встречается одушевленный пациент, может приводить и к другим изменениям в системе. Поскольку набор значений абсолютного показателя во вспомогательном трехперсональном глаголе сильно редуцирован по сравнению с эргативным и дативным показателем (2 и 6 значений соответственно), восточные береговые диалекты избавляются от ряда трехперсональных форм, заменяя их двухперсональными.

Кроме уже указанного отсутствия согласования с дативом, в речи носителей языка ранее употреблялась конструкция, названная П. Лаффитом «береговым солецизмом» (*«le solécisme de la côte»*) [Lafitte 2001: 296], практически исчезнувшая к настоящему времени (в названии присутствует определение «береговой», поскольку данная конструкция была распространена на берегу Бискайского залива). Суть данного явления заключается в том, что трехвалентные глаголы спрягаются по эргативно-абсолютивному типу, причем абсолютивному показателю в глаголе соответствует дативный актант, то есть адресат или реципиент⁸:

- (16) *Ogi-a* *ekharr-i* *na-u-te* (в норме – *didate*).
 хлеб-DEF[ABS.SG] принести-PRF ABS1SG-ERG/ABS-ERG3PL
 ‘Мне принесли хлеб’.

Ср. в тех же диалектах и в литературном языке:

- (17) *Ekharr-i na-u-te.*
 принести-PRF ABS1SG-ERG/ABS-ERG3PL
 ‘Меня принесли’.

При абсолютивном актанте множественного числа, который в текстах встречается реже, чем абсолютивный актант единственного числа, во вспомогательном глаголе появляется один из показателей множественного числа *-zka*:

- (18) *Bi ogi-a-k ekharr-i na-u-zka-te.*
два хлеб-DEF[ABS]-PL принести-PRF ABS1SG-ERG/ABS-PL-ERG3PL
‘Они принесли мне два хлеба’.

В речи одного и того же носителя могут использоваться все три вида конструкций при трехвалентных глаголах⁹:

– согласование с тремя актантами:

- (19) *Galde-tzen d-i-o har-i:*
спрашивать-IMP ABS3PRS-3PERS[ABS.SG]-DAT3SG[ERG3SG] он-DAT
ikhus-i d-u-zu hulako erregeren bi seme?
видеть-PRF ABS3PRS-ERG/ABS-ERG2SG такой король-GENPOSS два сын[ABS]
‘Он у него спрашивает: «Ты видел двух сыновей такого-то короля?»’.

⁸ В примере (16) дативный актант в 1 лице стандартно выражен нулем (как правило, актанты 1 и 2 лица выражаются материально лишь при эмфатизации).

⁹ В качестве примеров мы выбрали разные глаголы, поскольку данная диалектная особенность встречалась преимущественно в устной речи и единственный доступный нам письменный текст, в котором этот оборот фиксируется ([Webster 1873], переписанный затем в [Vinson 1874]), содержит лишь немногим более 60 000 словоформ и записан со слов 19 носителей, таким образом, выбрать из речи одного носителя репрезентативные примеры, в которых бы использовалась одна и та же лексема, представляется невозможным.

– отсутствие согласования с дативным актантом:

(20) <i>Bi</i>	<i>anaya</i>	<i>zaharrena-k</i> [...]	<i>aita-ri</i>	<i>eta-n</i>
два	брат	старший-ERG	отец[DEF.SG]-DAT	дать-PRF
<i>d-u-te</i>			<i>ur-a</i>	<i>eda-te-at</i> ¹⁰ .
ABS3SG-ERG/ABS-ERG3PL			вода-DEF[ABS.SG]	пить-IMP-ALL

‘Два старших брата дали отцу попить воды’

– отсутствие согласования с абсолютивным актантом:

(21) <i>Ez</i>	<i>hind-u-an</i>		<i>erra-n</i>	<i>uz-te-ko</i>
не	ABS1SG.PST-ERG/ABS[ERG3SG]-PST		сказать-PRF	оставить-IMP-GENLOC
<i>hire</i>	<i>anaya-k.</i>			

твой брат[DEF.ABS]-PL
‘Он не сказал тебе оставить твоих братьев’¹¹ [Vinson 1874: 17–18].

Таким образом, в береговых восточных диалектах баскского языка мы рассматриваем одну из самых распространенных глагольных форм *d-u* (ABS3SG-ERG/ABS[ERG3SG]) в трехвалентной конструкции как несогласованную с дативным актантом, что объясняется его более низким по сравнению с другими падежами положением в синтаксической иерархии, а в тех восточных диалектах, где нераспространена эта диалектная особенность, мы рассматриваем ту же самую форму как несогласованную с абсолютивным актантом.

Мы предполагаем, что отсутствие согласования с дативным актантом является более древним, чем соответствие абсолютивного показателя дативному актанту (к тому же, первое явление распространено в той или иной степени на всей территории французской части Страны Басков, тогда как второе – лишь на ее части). Это диалектное явление могло возникнуть под влиянием переосмысления синтаксических связей у трехвалентных глаголов с двумя личными показателями 3 лица (абсолютивное согласование интерпретируется как дативное).

Итак, рассмотрев нерегулярные явления в баскской глагольной морфологии на материале литературного языка и диалектов, мы попытались объяснить возникновение неполных парадигм тем, что в трехперсональных глаголах абсолютивный актант прототипически неодушевлен. Мы также выяснили, каким образом могут заполняться неполные парадигмы, исследовав как падежную вариативность дативного актанта, так и изменение конструкции предложения при каузации. Затем мы проследили связь измененного порядка морфем у баскского вспомогательного глагола в прошедшем времени с существованием в языке неполных парадигм. На материале восточных диалектов языка мы также изучили вариативность глагола с дативным актантом.

СОКРАЩЕНИЯ

1 – первое лицо, 2 – второе лицо, 3 – третье лицо, 3PEPS – трехперсональный тип спряжения, ABS – абсолютив, ABS/DAT – абсолютивно-дативный тип спряжения, ALL – аллатив, CAUS – каузатив, DAT – датив, DEF – определенное склонение, DEST – дестинатив, ERG – эргатив, ERG/ABS – эргативно-абсолютивный тип спряжения, GENLOC – местный генитив, GENPOSS – притяжательный генитив, IMP – имперфективная форма, PL –

¹⁰ -at – диалектный показатель аллатива, употребляемый во французской части Страны Басков.

¹¹ Сентенциальные актанты в баскском языке при глаголах речи заполняют абсолютивную валентность.

множественное число, PRF – перфектная форма, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, SG – единственное число, SUBJ – сослагательное наклонение, REL – относительный показатель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Яковлев 1941 – Н.Ф. Яковлев. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941.
- Albizu 1998 – P. Albizu. Generalized person-case constraint: A case for a syntax-driven inflectional morphology // A. Mendikoetxea, M. Uribe-Etxebarria (eds.). Theoretical issues on the morphology-syntax interface, Supplements of the international journal of Basque linguistics and philology (ASJU, supp. XL). Donostia, 1998.
- Azkue 1923–1925 – R.M. de Azkue. Morfología vasca. Bilbao, 1923–1925.
- Draye 1996 – L. Draye. The case of causee. On the competition between dative and accusative in Dutch *laten* and German *lassen* constructions // W. van Belle, W. van Langendonck (eds.). The Dative. V. II: Theoretical and contrastive studies. Amsterdam, 1996.
- Etchebarne 2002 – M. Etchebarne. Conjuguer le verbe basque (basque unifié). Donostia, 2002.
- Euskal gramatika laburra 1993 – Euskal gramatika laburra : Perlaus bakuna. Bilbo, 1993.
- Haspelmath 2004 – M. Haspelmath. Explaining the ditransitive person-role constraint: a usage-based approach // *Constructions*. 2004. 2.
- Lafitte 2001 – P. Lafitte. Grammaire basque (Navarro-Labourdin littéraire). Donostia, 2001.
- Lafon 1980 – R. Lafon. Le système du verbe basque au XVIe siècle. Zarautz, 1980.
- Maiztasun hiztegia 2004 – Maiztasun hiztegia. Donostia, 2004.
- Ormazabal, Romero 1998 – J. Ormazabal, J. Romero. On the syntactic nature of the *me-lui* and the person-case constraint. *Anuario del Seminario Julio de Urquijo*. 1998. 32.2.
- Paris 1969 – C. Paris. Indices personnels intraverbaux et syntaxe de la phrase minimale dans les langues du Caucase du nord-ouest // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1969. 64 (1).
- Rebuschi 1982 – G. Rebuschi. Structure de l'énoncé en basque. Collection ERA 642. Numéro spécial. 1982.
- Rivero 2004 – M.L. Rivero. Spanish quirky subjects, person restrictions, and the person-case constraint // *Linguistic inquiry*. 2004. 35 (3).
- Trask 1997 – R.L. Trask. The History of Basque. London; New York, 1997.
- Vogt 1971 – H. Vogt. Grammaire de la langue géorgienne. Oslo, 1971.

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

- Laphitz – F. Laphitz. Bi Saindu heskualdunen bizia // <http://klasikoak.armiarma.com>
- Mujika 2004 – J. A. Mujika. Bakarka 4. Donostia, 2004.
- Vinson 1874 – J. Vinson. Contes populaires basques recueillis de 1874 à 1877 principalement par W. Webster à St Jean de Luz, Sare, St Péc, Ainhoa, etc. Bayonne, MDCCCLXXVI – MDCCCLXXVIII (MS 720, Bibliothèque municipale de Bayonne).
- Webster 1873 – W. Webster. Basque legends. 1873–1875 (MS 88, Bibliothèque municipale de Bayonne).

© 2009 г. А.Б. ШЛУИНСКИЙ

РЕФЛЕКСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ЯЗЫКАХ С СЕРИАЛЬНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭВЕ И АКАН)*

В статье рассматриваются рефлексивные маркеры в двух наиболее крупных языках ква, эве и акан, – «классических» языках с сериальными конструкциями. Вначале обсуждается синтаксическая организация сериальных конструкций в этих языках и описывается употребление рефлексивных маркеров в синтаксических позициях эве и акан, не связанных с сериальными конструкциями. Исследуется употребление рефлексивных местоимений в специфических синтаксических позициях, отсутствующих в «не-сериальных» языках: рассматриваются именные группы, зависимые от семантически полноценных и семантически редуцированных глаголов в сериальной конструкции и зависимые от «левых» и «правых», с точки зрения линейного порядка, глагольных лексем; отдельно рассматриваются рефлексивы в каузативных сериальных конструкциях. В заключение предлагается иерархия позиций рефлексива в сериальных конструкциях, представленных в рассматриваемых языках, и делается попытка соотнести эту иерархию с универсальной иерархией позиций рефлексивных местоимений.

Задача настоящей работы – описание функционирования рефлексивного маркера в языках, в синтаксисе которых центральное место занимают так называемые сериальные конструкции. Исследование синтаксических свойств рефлексива, которое проводится в рамках различных теоретических направлений – ср. [Chomsky 1981; Reinhart 1983; Падучева 1985; Manzini, Wexler 1987; Тестелец, Толдова 1997; Frajzingier, Curl (eds.) 2000; Лютикова 2002; Гращенко 2006], – во многом состоит в том, что описывается набор синтаксических позиций, в которых допускается употребление рефлексивного маркера, кореферентного подлежащему (в некоторых языках возможна и кореферентность рефлексивного маркера другим актантным именным группам, см., например [Лютикова 1999]), а также предлагаются теоретически-ориентированные обобщения о том, каким этот набор синтаксических позиций может быть. При этом, естественно, выборка языков, на материале которых проводились указанные исследования, не полна; в частности, материал языков с сериальными конструкциями в работах по рефлексиву рассматривался мало. Если использование рефлексивного маркера в центральных синтаксических позициях таких языков описано (ср. [Saah 1989; Osam 2002] для языка акан – одного из языков, обсуждаемых в настоящей работе), то практически не затрагивалось его поведение в специфических позициях, связанных с синтаксисом сериализации предикатов и потому существующих только в языках с сериальными конструкциями. Настоящая работа на материале двух в целом относительно хорошо описанных языков заполняет эту лакуну.

Языки ква считаются наиболее типичными представителями языков с сериальными конструкциями; в частности, именно в классических описаниях этих языков [Christaller 1875: 69-73] (для акан) и [Westermann 1907: 94-101] (для эве) конструкции такого типа были впервые введены в научный оборот. Языки эве и акан принадлежат соответственно

* Автор выражает свою признательность участникам обсуждения на конференции «Синтаксические структуры» (Москва, РГГУ, 6–7 апреля 2007 г.), где была представлена предварительная версия данной работы. Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 05-04-04149а «Основы африканского языкознания: синтаксис именных и глагольных групп».

но к левобережной и нё (Nyo) ветвям языковой семьи ква. Они являются самыми крупными языками этой языковой семьи: на них говорят соответственно 2.5 и 8.3 млн человек, преимущественно в республике Гана. Представляемый здесь материал в основном получен автором от информантов этих языков¹.

1. ПОНЯТИЕ СЕРИАЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Понятие сериальной конструкции обсуждается в литературе на протяжении сорока с лишним лет – назовем только самые крупные публикации [Sebba 1987; Lord 1993; Alsina et al. (eds.) 1997; Stewart O. 2001; Aikhenvald, Dixon (eds.) 2005]. Началом этого обсуждения, по-видимому, явилась статья [Stewart J. 1963], в которой обсуждается материал акан – одного из рассматриваемых нами здесь языков. Сериальные конструкции в языках ква и ареально-типологически близких к ним² считаются своего рода «прототипом» при описании сериальных конструкций языков иных ареалов и генетических объединений. Под сериальной конструкцией понимается особая организация предикации, состоящая в том, что она содержит более одной финитной глагольной лексемы. Так, например, предложения (1) и (2) из языка эве представляют собой предикации, содержащие единственное подлежащее и цепочку из двух глагольных групп, состоящих из глагольной формы и объектной именной группы:

- (1) kofi ŋlo agbalē па ама ЭВЕ
Кофи писать бумага давать Ама
'Кофи написал письмо Аме'.
(2) kofi tsɔ ehε-a lā elā ЭВЕ
Кофи братъ нож-DEF резать мясо
'Кофи взял нож и порезал мясо'/'Кофи порезал мясо ножом'.

Применительно к языкам Западной Африки широкое понимание сериальных конструкций допускает два различных случая. Первый, центральный, случай состоит в том, что в сериальную конструкцию входят два или более морфологически финитных глагола. Так, например, в предложении (3) содержатся две финитных глагольных формы, каждая из которых маркирована видо-временным показателем прошедшего времени:

- (3) kofi tsɔ-ɔ ьикии та-а ама АКАН
Кофи покупать-PST книга давать-PST Ама
'Кофи купил книгу Аме'.

Второй случай имеет место, когда в сериальную конструкцию входят морфологически финитные глаголы и глаголы, представляющие собой чистую основу, не тождественную никакой финитной глагольной форме. Так, например, в предложении (4) глагол *ba* 'приходить' имеет показатель прошедшего времени, тогда как глагол *de* 'брать' не имеет никакого видо-временного маркирования:

- (4) kofi de ankaa по ba-e АКАН
Кофи братъ апельсин DEF приходить-PST
'Кофи принес апельсин' [Osam 1994: 31].

¹ Выражаю свою самую глубокую благодарность С. Асаре и О. Анви (акан) и Дж. Джонсону, Э. Азимодо и А. Кугбеня Коми Маунье (эве).

² Характерно, что на определенном этапе компаративистических исследований языков Западной Африки – [Greenberg 1963] – многие «сериальные языки», в действительности к семье ква не принадлежащие, классифицировались как относящиеся к этой семье. См. подробнее о пересмотре состава семьи ква [Williamson 1989], а о типологических чертах «ква» – недавнюю публикацию [Нутан 2003].

Содержательно различие между сериальной конструкцией, представленной в (3), и сериальной конструкцией, представленной в (4), состоит в том, что, хотя частичная семантическая грамматикализация одного из глаголов, входящих в сериальную конструкцию, наблюдается в обоих случаях, формальная грамматикализация имеет место только в (4) (см. о признаках грамматикализации на различных уровнях [Bybee et al. 1994: 4–9]). Хотя в (4), очевидно, степень грамматикализации одного из глаголов существенно больше, чем в (3), представленная там конструкция интерпретируется как маргинальный случай сериализации. Заметим также, что если наиболее употребительной видо-временной формой, как в эве, является форма, не имеющая морфологического маркирования, очевидного способа различения рассматриваемых двух случаев нет, ср. приведенные выше примеры (1)–(2).

Оговорим притом, что в случае заметно более высокой степени грамматикализации элементы, восходящие к глаголам в сериальной конструкции, более естественно синхронно рассматривать как предлоги. Примеры (5)–(6) иллюстрируют употребление предлогов *le* (эве) и *wo* (акан) ‘в’, исходные глагольные лексемы которых со значением ‘быть’ сохраняются и употребляются в обоих языках. Пример (7) иллюстрирует предлог эве *kple* ‘с’, возводящийся к глаголу со значением ‘соединять’, не сохранившемуся в языке на настоящий момент:

- (5) kofi kpɔ̄ ama le suku ЭВЕ
 Кофи видеть Ама быть/в школа
 ‘Кофи видел Аму в школе’.

(6) me-hyia-a no wɔ̄ kumase АКАН
 1SG-встречаться-PST 3SG быть/в Кумасе
 ‘Я встречался с ним в Кумасе’ [Osam 1994: 33].

(7) kofi ɔ̄lɔ̄ agbalẽ kple nuŋlɔ̄ti ЭВЕ
 Кофи писать бумага с ручка
 ‘Кофи написал письмо ручкой’.

Далее, говоря о сериальных конструкциях, мы рассматриваем только конструкции, аналогичные приведенным в примерах (1)–(4). Примеры (5)–(7) анализируются как предложения с предложной или предложно-послеложной группами, и именно так интерпретируются соответствующие синтаксические позиции при помещении в них рефлексивного маркера.

Остановимся теперь коротко на существующих анализах структуры составляющих в предложении с сериальной конструкцией. В ранних работах по сериализации – [Boadi 1968; Stahlke 1970; Bamgbose 1974] (ср. критический разбор в [Schachter 1974]) – предлагался **трансформационный анализ**, предполагающий глубинную полипредикативную структуру у предложения с сериальной конструкцией. Сериальная конструкция рассматривается как поверхностная структура, возникающая в результате трансформации из структуры с более чем одной предикацией. Различия между анализами, предлагающими в указанных работах, состоят в том, какая именно полипредикативная конструкция предполагается как исходная для какой именно сериальной конструкции. Трансформационный анализ сериализации был полностью отвергнут еще в 1970-х годах³. Отказ от него с необходимостью означает, что сериальная конструкция не предполагает полной структуры предложения для каждого из глаголов, входящих в нее, а сле-

³ Отказ от трансформационного анализа serialных конструкций примерно совпадает по времени с поиском в рамках генеративной синтаксической теории ограничений на возможные трансформации в структуре предложения – см. подробнее краткий очерк раннего генеративного синтаксиса и его истории в [Тестедеи 2001: 502–552].

довательно, организована как особая структура одного предложения (так мы выше и определяем неформально сериальную конструкцию).

Все более поздние анализы синтаксической структуры предложения с сериальной конструкцией, таким образом, интерпретируют это предложение как содержащее единственную предикацию. Самый ранний по времени «плоский» анализ (i), предложенный в [Schachter 1974], состоит в том, что сериальная конструкция описывается как множество глагольных групп, на равных основаниях входящих в предложение и не образующих единую составляющую.

$$(i) \quad S \rightarrow NP \text{ AUX } VP \text{ VP}^* \text{ [Schachter 1974: 257]}^4$$

В более поздних работах всегда предполагается, что сериальная конструкция представляет собой единую синтаксическую составляющую – глагольную группу особой структуры. Предлагались два принципиально отличающихся друг от друга варианта организации такой структуры.

Анализ с объединением глагольных групп в глагольную группу состоит в том, что каждый из глаголов, входящих в сериальную конструкцию, является вершиной собственной составляющей. Все такие составляющие на равных структурных правах объединяются в единую составляющую. В «наивном» варианте такого анализа (ii), предложенным в [Агбоджо 1986], составляющая, возглавляемая каждым отдельным глаголом, определяется как глагольная группа, а составляющая более верхнего уровня получает условное наименование *Praed* – «предикат». Анализ, предложенный в [Agbedor 1994] (iii), выполнен в соответствии с принятой в генеративной теории нотацией: составляющая при каждой глагольной вершине характеризуется как первая проекция этой вершины *V'*, тогда как только общая предикатная составляющая определяется как полная глагольная группа. Различия в нотации имеют, однако, на наш взгляд, технический характер и сопряжены с более общими теоретическими установками авторов.

$$\begin{aligned} (ii) \quad & [N [[V]_{VP} [V NP]_{VP} [V NP]_{VP}]_{PRAED}]_S \\ (iii) \quad & [NP [[V1 NP1]_{V'} [V2 NP2]_{V'}]_{V'}]_{VP}]_S \end{aligned}$$

Анализ с включением одной глагольной группы в другую предполагает, что составляющая, вершиной которой является более правый глагол в сериальной конструкции, вложена в составляющую, вершиной которой является более левый глагол, и, таким образом, имеется отношение синтаксической зависимости от левого глагола к правому. Наибольшее распространение получил анализ сериализации с включением одной глагольной группы в другую, предложенный в [Baker 1989] (iv).

$$(iv) \quad [NP [[[V NP [V]_{V'}]_{V'}]_{V'}]_{VP}]_S$$

Устоявшейся общепринятой точки зрения на то, соответствует действительности анализ с объединением глагольных групп (ii)–(iii) или анализ с включением одной глагольной группы в другую (iv), на данный момент нет⁵. Для наших целей, однако, существенно отметить те их общие свойства, которые можно считать устоявшимися представлениями о синтаксической организации сериальной конструкции. Во-первых, сериальная конструкция не предполагает полной структуры предикации для каждого из

⁴ Символ * обозначает здесь, в соответствии с общепринятой нотацией «регулярных выражений», присутствие любого количества раз от 0 до бесконечности. Это означает, что, согласно (i), предложение может содержать единственную глагольную группу, а может содержать две и более; последний случай соответствует сериальной конструкции.

⁵ Заметим, что, строго говоря, вполне возможно, что одни сериальные конструкции адекватно описываются одним из двух указанных способов, а другие – другим.

входящих в него глаголов. В частности, вся сериальная конструкция имеет единственное общее подлежащее, а собственного подлежащего при каждом из глаголов сериальной конструкции нет. Во-вторых, вся сериальная конструкция образует единую синтаксическую составляющую, в которую входят все глаголы, входящие в сериальную конструкцию, и, естественно, «индивидуальные» зависимые каждого из них; эта составляющая по своим дистрибутивным свойствам является глагольной группой. Один из главных аргументов в пользу последнего утверждения состоит в том, что отдельный глагол, входящий в сериальную конструкцию, не способен иметь независимое глагольное отрицание, а подвергаться отрицанию может только глагольная группа в целом. Особенно сильным этот аргумент, как показано в [Плунгян 1988: 106], является для эве, где показатель глагольного отрицания *te...o* состоит из двух частей и «обнимает» глагольную группу. Сериальная конструкция может быть линейно вложена в данный показатель целиком (8а), но абсолютно неприемлемы сконструированные предложения, где показатель отрицания сочетается только с одним из глаголов в сериальной конструкции (8б–с). В акан показатель глагольного отрицания *-t-* является морфологическим и в сериальной конструкции присоединяется к каждому из глаголов (9а). Однако предложения (9б–с), эквивалентные (8б–с), где этот показатель употреблен только с одним из глаголов в сериальной конструкции, также полностью отвергаются носителями⁶:

- (8) a. kofi te ñe agbalë na ama o ЭВЕ
 Кофи NEG покупать бумага давать Ама NEG
 ‘Кофи не купил Аме книгу’.
- b. *kofi ñe agbalë te na ama o
 Кофи покупать бумага NEG давать Ама NEG
- c. *kofi te ñe agbalë o na ama
 Кофи NEG покупать бумага NEG давать Ама
- (9) a. kofi a-t-tɔ bukuu a-t-ma ama АКАН
 Кофи PST-NEG-покупать книга PST-NEG-давать Ама
 ‘Кофи не купил Аме книгу’.
- b. *kofi tɔ-ɔ bukuu a-t-ma ama
 Кофи покупать-PST книга PST-NEG-давать Ама
- c. *kofi a-t-tɔ bukuu ma-a ama
 Кофи PST-NEG-покупать книга давать-PST Ама

2. РЕФЛЕКСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ЯЗЫКАХ КВА

Обратимся теперь к общим свойствам рефлексивных маркеров в языках ква. Эти маркеры состоят из посессивного лично-числового показателя и собственно рефлексивного показателя. В языке эве два рефлексивных маркера: *-dokui* и *-ntɔ*, которые мы здесь обозначаем соответственно как REFL1 и REFL2; различия в их дистрибуции минимальны, хотя, как мы покажем ниже, имеют определенное значение для рассматриваемой нами темы. В языке акан имеется единственный рефлексивный маркер *hɔ*. Все три

⁶ Важно отметить, что при этом наиболее естественные ожидаемые переводы (8б) и (9б) ‘Кофи купил книгу не Аме (а кому-то еще)’ и (8с) и (9с) ‘Кофи Аме книгу не купил (а украл)’ вовсе не кажутся непредставимыми pragmatically. Интересно, что единственной реакцией информантов обоих языков на контексты такого рода являются предложения (8а) и (9а), имеющие более общее значение.

местоимения имеют два устойчивых синтаксических свойства: ориентированность на подлежащее и относительная локальность.

Ориентированность на подлежащее проявляется в том, что антецедентом рефлексивного местоимения является подлежащее, а не произвольная именная группа. Так, местоимение эве *-fokui* в (10a), местоимение эве *-ntɔ* в (10b), как и местоимение акан *hɔ* в (11) допускают кореферентность только подлежащему, а не посессивной именной группе, несмотря на то, что в последнем случае интерпретация была бы pragmatically более естественной:

- (10) a. kofi_i pɔvi-a_j fo e-fokui_{j,*i} ЭВЕ
Кофи сиблинг-DEF бить 3SG-REFL1
'Брат_i Кофи_j ударил самого себя_j/*его_j'.

- b. kofi_i pɔvi-a_j fo e-ntɔ_{j,*i}
Кофи сиблинг-DEF бить 3SG-REFL2
'Брат_i Кофи_j ударил самого себя_j/*его_j'.

- (11) ama_i okipi_j bɔ-ɔ ne hɔ_{j,*i} АКАН
Ама муж бить-PST 3SG REFL
'Муж_i Амы_j побил самого себя_j/*ее_i'.

В эве ориентированность рефлексивного местоимения на подлежащее имеет неглобальный характер, потому что в позиции одного из двух объектов битранзитивного глагола оно допускает кореферентность другому объекту, как в (12), где местоимение *-fokui* может соотноситься и с подлежащим *kofi*, и с дополнением *ama*. Рефлексивное местоимение акан и в аналогичном контексте сохраняет однозначную кореферентность подлежащему, ср. (13):

- (12) kofi_i fia ama_j e-fokui_{i,j} le afiʃie te ЭВЕ
Кофи показывать Ама 3SG-REFL в зеркало внутренняя.часть
'Кофи_i показал Аме_j себя_j/ее саму_j в зеркале'.

- (13) kofi_i kyegɛ-ɛ ama_j ne hɔ_{i,*j} АКАН
Кофи показывать-PST Ама 3SG REFL
'Кофи_i показал Аме_j себя самого_j/*ее саму_j'.

Факты обоих языков, связанные с сериальными конструкциями и частично противоречащие ориентированности рефлексивного местоимения на подлежащее, рассматриваются также ниже, см. примеры (56)–(57).

Относительная локальность рассматриваемых рефлексивных местоимений состоит в том, что их антецедентом может быть только подлежащее той же предикации, в которой находится местоимение. Если в сложноподчиненной полипредикативной конструкции рефлексивное местоимение находится в зависимой предикации, то допустима его кореферентность подлежащему этой предикации, но не подлежащему главной предикации. Для акан этот факт был подробно показан в посвященных рефлексиву работах [Saah 1989; Osam 2002]; нам неизвестны работы, где данное свойство рефлексивных местоимений обсуждается для эве, однако оно описано в [Lefebvre, Brusseau 2002] для близкородственного эве языка фон, ср. пример (14) из фон, устроенный аналогично примеру (16) из эве и примеру (18) из акан. Пример (15a) для эве и пример (17a) для акан показывают, что с подлежащим главной предикации естественно соотносится обычный объектный маркер З л.; постановка в аналогичный контекст рефлексивного маркера дает неграмматичное предложение (15b), (17b). Если и подлежащее главной, и подлежащее зависимой предикации pragmatically являются равно естественными антецедентами,

то грамматически в обоих языках приемлема только кореферентность рефлексивного маркера подлежащему той же предикации (16), (18):

- (14) k₁ku_i lin d₀ asiba_j gble wu e-d₁ee_{j,*i} ФОН
Коку думать SUB Асиба ранить тело 3SG-REFL
'Коку_i думает, что Асиба_j поранила себя_j/*его_i'. [Lefebvre, Brusseau 2002: 75].
- (15) a. kof_i bia ama be wo-na-e_i nu фи₁ ЭВЕ
Кофи просить Ама SUB 3SG-давать-3SG вещь есть_{RED}
'Кофи_i попросил Аму дать ему_i еды'.
- b. *kof_i bia ama be wo-na e-nt₁/ e-d₁kui_i nu фи₁
Кофи просить Ама SUB 3SG-давать 3SG-REFL1 3SG-REFL2 вещь есть_{RED}
- (16) a. ama_i nya be kof_i l₅ e-d₁kui_{j,*i} ЭВЕ
Ама знать SUB Кофи любить 3SG-REFL1
'Ама_i знает, что Кофи_j любит самого себя_j/*ее_i'.
- b. ama_i nya be kof_i l₅ e-nt₁_{j,*i}
Ама знать SUB Кофи любить 3SG-REFL2
'Ама_i знает, что Кофи_j любит самого себя_j/*ее_i'.
- (17) a. kof_i bisa-a ama s_ε ɔ-ta no_i aduane АКАН
Кофи просить-PST Ама SUB 3SG-давать 3SG еда
'Кофи_i попросил Аму дать ему_i еды'.
- b. *kof_i bisa-a ama s_ε ɔ-ta ne h₂ aduane
Кофи просить-PST Ама SUB 3SG-давать 3SG REFL еда
- (18) ama_i a-hu s_ε kof_i d₀ ne h₂_{j,*i} АКАН
Ама PFCT-видеть что Кофи любить 3SG REFL
'Ама_i увидела, что Кофи_j любит самого себя_j/*ее_i'.

Предложения (14)–(18) иллюстрируют употребление рефлексивного маркера в сложных предложениях с финитными зависимыми предикатиями; такой способ образования полипредикативной конструкции является в рассматриваемых языках доминирующим. В языке эве, однако, представлены маргинальные сложные предложения, построенные по нефинитной стратегии, в которых вершиной зависимой предикации является номинализация, ср. (19). В (19) мы видим соблюдение тех же ограничений, что и в (14)–(18): рефлексивное местоимение может быть кореферентно только субъекту зависимой, но не главной предикации:

- (19) ama_i nya kof_i-s_ε e-d₁kui_{j,*i} fo₂ ЭВЕ
Ама знать Кофи-POSS 3SG-REFL ударять_{RED}
'Ама_i знает, что Кофи_j ударил самого себя_j/*ее_i'.

В акан есть два специфических случая, которые внешне выглядят как контрпримеры к утверждению о том, что рефлексивный маркер локален и, находясь в зависимой предикации, не может соотноситься с подлежащим главной; однако в действительности эти случаи контрпримерами не являются. Первый из этих случаев, проиллюстрированный примером (20), связан с тем, что рефлексивный маркер *hɔ* этимологически связан со словом *hɔ* 'тело', которое продолжает использоваться. Если существительное *hɔ* 'тело' имеет посессивный показатель 3 л., кореферентный подлежащему главной предикации,

то в целом предложение оказывается близким к «искомой» конструкции, в которой *ho* соотносилось бы с подлежащим за пределами своей предикации. Семантика (20), однако, ясно показывает, что в этом случае *ho* имеет конкретное лексическое значение ‘тело’ и не является рефлексивным местоимением. Второй случай, проиллюстрированный (21), связан с тем, что ряд глаголов управляют послелогом *ho*, омонимичным рефлексивному маркеру, но также этимологически связанным со словом *ho* ‘тело’. Конструкции с данным послелогом имеют ту специфику, что в принципе не сочетаются с рефлексивным маркером (21c); потому в них при любой кореферентности в 3 л. употребляется только маркер 3 л., который, таким образом, может соотноситься и с подлежащим зависимой предикации, и с подлежащим главной предикации, и с антецедентом за пределами своего предложения. Внешне притом вся посложенная группа тождественна рефлексивному маркеру,ср. (21a–b).

- (20) kofi_i re sε ama_j hwε ne_i ho АКАН
 Кофи хотеть.PRES SUB Ама смотреть 3SG тело
 ‘Кофи_i хочет, чтобы Ама посмотрела на его_j (обнаженное) тело/*на него_i’
 [Saah 1989: 18].
- (21) a. kofi_i re sε ama_j dwene ne_{i,j,k} ho АКАН
 Кофи хотеть.PRES SUB Ама думать.PRES 3SG о
 ‘Кофи_i хочет, чтобы Ама_j подумала о себе_j/о нем_{i,k}’ [Saah 1989: 19–20].
- b. kwame_i re-dwene ne_{i,j} ho
 Кваме PROGR-думать 3SG о
 ‘Кваме_i думает о себе_j/о нем_j’ [Saah 1989: 21].
- c. *kofi re-dwene ne ho ho
 Кофи PROGR-думать 3SG REFL о

Охарактеризуем теперь кратко употребление рефлексивного маркера в синтаксических позициях, не связанных с сериальными конструкциями: несмотря на то, что сериальные конструкции занимают очень большое место в организации синтаксиса языков ква, синтаксические позиции, не вовлеченные в сериализацию, разумеется, также существуют. В них всех (кроме посессивной конструкции) допускается рефлексивный маркер⁷.

Наиболее типичным для рефлексивного маркера является употребление в синтаксической позиции **прямого дополнения**. В (23) для эве и в (26) для акан представлено медиальное прямое дополнение глагола с «низкой различимостью участников» (в смысле [Kemmer 1993]) – глагола ухода за телом *klo* ‘мыть(ся)’ эве и глагола изменения позиции *dan* ‘поворачиваться’ акан. У таких глаголов при референциальном совпадении участника, выраженного подлежащим, и участника, выраженного прямым дополнением, эти два участника слабо семантически противопоставлены друг другу; тем не менее, для многих глаголов такого типа референциальный маркер в рассматриваемых языках является единственным средством маркирования такого референциального тождества. В прочих примерах субъектный и объектный участники ясно семантически противопоставляются друг другу, несмотря на то, что в данном частном случае «физически» ими является одно и то же лицо. В (24) для эве и (27) для акан объектный участник, выраженный рефлексивным маркером, имеет семантическую роль Пациента при агентивном глаголе, а в (25) эве и (28) акан – семантическую роль Стимула при экспериенциаль-

⁷ Естественно, поскольку контролером рефлексива является подлежащая именная группа, рефлексив не может занимать синтаксическую позицию подлежащего.

ном глаголе (позиция прямого дополнения при глаголах этих двух ролевых типов считается «прототипической» для рефлексива – см. [Лютикова 2002: 94]):

- (23) kofi_i klɔ e-dokui_i/ e-ntɔ_i⁸ ЭВЕ
Кофи мыть 3SG-REFL1 3SG-REFL2
'Кофи_i помылся_i'.
- (24) kofi_i fo e-ntɔ_i/ e-dokui_i ЭВЕ
Кофи ударять 3G-REFL2 3G-REFL1
'Кофи_i ударили самого себя_i'.
- (25) kofi_i lɔ e-dokui_i/ e-ntɔ_i ЭВЕ
Кофи любить 3G-REFL1 3G-REFL2
'Кофи_i любит самого себя_i'
- (26) kofi_i a-dan ne hɔ_i АКАН
Кофи PFCT-поворачивать 3SG REFL
'Кофи_i повернулся_i'.
- (27) kofi_i bɔ-ɔ ne hɔ_i АКАН
Кофи бить-PST 3SG REFL
'Кофи_i побил самого себя_i'.
- (28) kofi_i dɔ ne hɔ_i АКАН
Кофи любить 3SG REFL
'Кофи_i любит самого себя_i'.

Идентификация позиции беспредложного **косвенного дополнения** в сериализующих языках рассматриваемого типа крайне затруднена. Прежде всего, заметим, что трехвалентных глаголов, имеющих и прямое, и косвенное дополнение в эве, акан и близкородственных им языках крайне мало, потому что основную нагрузку по оформлению дативного актанта берут на себя бенефактивныеserialные конструкции (см. примеры (45) и (49)–(50) ниже). В языке эве, как показано в [Essegbeу 1999: 147], трехместных глаголов выделяется три, в акан этот класс заметно больше, но все равно крайне невелик. Применительно же к указанным закрытым классам битранзитивных глаголов дифференциация синтаксических позиций двух объектов представляет собой в языках ква сложную синтаксическую проблему, см. о ней специальную публикацию [Шлюинский, в печ.]. Не углубляясь в иерархические отношения между объектными именными группами, укажем здесь, что обе они представляют собой естественные позиции для рефлексивного местоимения. Кореферентность подлежащего и рефлексива в позиции пациентивного объекта битранзитивного глагола была показана для обоих языков выше в примерах (12)–(13). В тех случаях, когда естественно pragматически референциальное тождество дативного участника субъектному, употребление рефлексивного маркера в позиции бенефактивной объект-

⁸ Предпочтительность одного рефлексивного маркера другому в позиции прямого дополнения в языке эве определяется лексически, и ее адекватное описание требует специального исследования классификации глагольной лексики. Здесь мы мнемонически приводим более предпочтительный вариант первым, а менее предпочтительный – вторым. Существенно, однако, что оба местоимения признаются носителем допустимыми в эве в тех синтаксических позициях, для которых специально не оговаривается обратное.

ной именной группы также допускается в обоих языках, ср. примеры (29) эве и (30) акан:

- (29) kofi_i na e-ntɔ_i/ e-dokui_i agbalɛ-a ЭВЕ
Кофи давать 3SG-REFL2 3SG-REFL1 книга-DEF
'Кофи_i подарил книгу самому себе_i'.
- (30) kofi_i kyegɛw-w ne hɔ_i krataa АКАН
Кофи писать-PST 3SG REFL бумага
'Кофи_i написал себе_i письмо'.

Более периферийной является синтаксическая позиция именной группы внутри **предложной/послеложной/предложно-послеложной группы** (мы не разделяем здесь рефлексивный маркер, непосредственно образующий именную группу, зависящую от предлога или послелога, и рефлексивный маркер, расположенный внутри такой именной группы). Синтаксической вершиной предложных групп являются предлоги, которые, как мы говорили выше (см. примеры (5)–(7)) происходят из глаголов в сильно грамматикализованной сериальной конструкции, ср. (31) для акан и (32) для эве. Послеложную группу возглавляют послелоги, этимологически являющиеся существительными, ср. (33) для акан и (34) для эве. В языке эве широко распространены также предложно-послеложные группы⁹, совмещающие предлог (этимологически глагол) и послелог (этимологически существительное), как в (35). Рефлексивные маркеры допускаются, если соответствующий контекст приемлем прагматически, внутри предложных и послеложных групп всех описанных типов:

- (31) kofi_i hu-u entontom wɔ ne hɔ_i АКАН
Кофи видеть-PST комар быть/в 3SG REFL
'Кофи_i видел комара на себе_i'.
- (32) kofi_i lā elā kple e-ntɔ-se_i ehɛ ЭВЕ
Кофи резать мясо с 3SG-REFL2-POSS нож
'Кофи_i порезал мясо своим_i ножом'.
- (33) kofi_i ka-a ne hɔ_i asem АКАН
Кофи говорить-PST 3SG REFL речь/o
'Кофи_i говорил о себе_i'.
- (34) kofi_i yi e-ntɔ-se_i aʃe te ЭВЕ
Кофи идти 3SG-REFL-POSS дом внутренняя.часть/в
'Кофи_i ушел к себе_i домой [= в свой дом]'.
- (35) kofi_i dako kple e-nɔvi-a le e-dokui_i/ e-ntɔ_i ta ЭВЕ
Кофи ссориться с 3SG-сиблиинг-DEF быть/в 3SG-REFL1 3SG-REFL2 голова/на
'Кофи_i поссорился с братом из-за самого себя_i'.

Единственным типом составляющей простого предложения, в которой употребление рефлексивных маркеров в рассматриваемых языках не свободно, является **посессивная**

⁹ С точки зрения структуры составляющих, по-видимому, в этих случаях послеложная группа входит в предложную, т. к. этимологически существительное-послелог зависит от глагола-предлога, а не наоборот. Тем не менее, синтаксическая организация предложно-послеложных групп такого типа пока исследована мало.

конструкция¹⁰. Если в синтаксических позициях, описанных выше, все рефлексивы всегда допустимы, то их дистрибуция в посессивной конструкции крайне прихотлива, как и соотношение с простыми притяжательными местоимениями 3 лица. Притяжательные местоимения могут иметь рефлексивную интерпретацию (то есть иметь в качестве антецедента подлежащее) во всех контекстах посессивных контекстах, ср. (36а), (37а) эве, (38а), (39а) акан. В языке эве два рефлексивных местоимения противопоставлены друг другу в том, что *-fokui* не может употребляться в посессивном контексте (36с), (37с), тогда как рефлексивное местоимение *-ntɔ*, напротив, свободно в нем употребляется (36б), (37б). В языке акан рефлексивное местоимение допускается в контексте отдельных существительных, ср. неприемлемое предложение (38б) и допустимое (39б):

Оговорим, однако, что поведение рефлексивного маркера в посессивной конструкции представляет собой независимую от наших целей проблему, не вполне исследован-

¹⁰ Мы рассматриваем здесь позицию посессора в группах ядерных актантов, потому что позиция посессора в периферийных именных группах будет заведомо более маргинальной.

ную как в обсуждаемых языках, так и в типологическом плане¹¹. Особый статус этой синтаксической позиции дает возможность оставить ее в стороне.

Итак, рефлексивные маркеры в эве и в акан всегда могут быть кореферентны подлежащему собственной предикации, причем, за исключением случаев кореферентности между объектными именными группами битранзитивного глагола, кореферентность подлежащему является единственно возможной. Все рассматриваемые рефлексивные маркеры свободно употребляются в основных трех «несериальных» синтаксических позициях внутри простого предложения: в позиции прямого дополнения, в позиции косвенного дополнения и в предложной/послеложной группе. Обратимся теперь к использованию рефлексива в сериальной конструкции.

3. ПОЗИЦИИ РЕФЛЕКСИВА В СЕРИАЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Как мы сказали вначале, употребление рефлексива в «типовых» сериальных конструкциях, представленных в языках ква, как это ни парадоксально, почти не обсуждалось в литературе. Поведение рефлексивного маркера в бивербальных конструкциях других типов лишь частично обсуждается в [Law, Veenstra 1992] и [Гращенкова 2006] на материале креольского языка сранан и карачаево-балкарского языка соответственно, однако и в этих работах эта тема не находится в центре внимания. В статье [Lawal 1993] кратко обсуждается употребление рефлексивного маркера в сериальных конструкциях языка йоруба, ареально и типологически близкого к языкам, обсуждаемым в настоящей работе; С. Лаваль, однако, фактически ограничивается констатацией того факта, что рефлексивные маркеры в йоруба в принципе допустимы в сериальных конструкциях.

Повторим, что сериализация глаголов «порождает» набор потенциальных синтаксических контекстов для рефлексивного маркера, которые отсутствуют в тех языках, на которых ранее в основном была ориентирована типология рефлексива. Прежде всего, однако, следует дать краткую характеристику этим контекстам. Как правило, в сериальной конструкции один из глагольных маркеров имеет большую степень грамматикализации и десемантизации, чем другой (как правило, семантически полноценный). Поэтому, во-первых, необходимо отдельно рассмотрение позиции зависимого «левого» (т.е. линейно ближайшего к подлежащему) и «правого» (т.с. линейно отделенного от подлежащего полноценным лексическим глаголом) десемантизированного глагола. Во-вторых, для зависимых семантически полноценных глаголов также существенна «левая» и «правая» позиция этих глаголов в сериальной конструкции, потому что «правый» семантически полноценный глагол, в отличие от «левого», отделен от подлежащего десемантизованным глаголом и его зависимыми. Это простое исчисление позволяет говорить о четырех различных синтаксических позициях именных групп в сериальной конструкции: 1) именная группа, зависимая от «левого» семантически полноценного глагола; 2) именная группа, зависимая от «левого» семантически редуцированного глагола; 3) именная группа, зависимая от «правого» семантически полноценного глагола; 4) именная группа, зависимая от «правого» семантически полноценного глагола. Наконец, особого рассмотрения требуют каузативные сериальные конструкции; формально эти сериальные конструкции могут быть описаны в рамках этого исчисления как конструкции с «правым» семантически полноценным глаголом, но, во-первых, в силу их особых свойств, употребление рефлексивного маркера в них требует отдельного описания, а во-вторых, как будет показано ниже, такие конструкции и сами по себе не образуют единого класса.

Позиция зависимого «левого» семантически полноценного глагола в сериальной конструкции является для рефлексивного маркера наиболее тривиальной. По-видимому,

¹¹ Приведем для простоты пример из английского языка, показывающий, что употребление рефлексива в посессивной конструкции невозможно, и русский пример, где, напротив, в посессивном контексте допустим только рефлексивный маркер: *John, loves his, wife/*himself's wife*?^{???} *the wife of himself*, – Иван, любит свою, жену/его, ⁱжену.

рефлексив употребляется здесь на тех же основаниях, что и в обычной позиции прямого дополнения, описанной выше. Пример (40) иллюстрирует употребление рефлексивного маркера в языке эве непосредственно в позиции прямого дополнения «левого» семантически полноценного глагола, сопровождающегося «правым» глаголом *vɔ* ‘заканчивать’, имеющим определенную степень семантической редукции. Пример (41), также из эве¹², показывает употребление рефлексивного маркера внутри объектной именной группы при «левом» семантически полноценном глаголе (в данном случае перед нами редкий примерserialной конструкции, в которой «правый» глагол притом также является семантически полноценным):

- (40) kofi_i klɔ e-ntɔ:/ e-fokui_i vɔ
Кофи мыть 3SG-REFL2 3SG-REFL1 заканчивать
'Кофи_i закончил мыться_i'.
- (41) kofi_i ŋle e-ntɔ-fe_i elā du
Кофи покупать 3SG-REFL1-POSS мясо есть
'Кофи_i купил себе_i [= свое] мясо и съел'.

Позиция зависимого «левого» семантически редуцированного глагола, в принципе, представляет особый интерес в связи с тем, что если рассматривать семантически редуцированный глагол как полноценную глагольную единицу, то позиция его зависимого – это позиция прямого дополнения или зависимого прямого дополнения, аналогичная рассмотренной выше; если же семантически редуцированный глагол существенно теряет свои глагольные функции, то позиция его зависимого – это позиция периферийной именной группы, аналогичная именной группе внутри предложной или послеложной группы. Тем не менее, поскольку в позициях обоих типов рефлексивные маркеры употребляются в рассматриваемых языках свободно, употребление их при «левом» семантически редуцированном глаголе никак не характеризует статус этого глагола. Отметим только тот факт, что употребления такого рода допустимы для рефлексивных местоимений обоих языков. (42) показывает рефлексив в объектной позиции при «левом» семантически редуцированном глаголе в акан, а (43) – оба рефлексива в эве. Пример (44) эве показывает использование рефлексивного маркера внутри такой объектной именной группы:

- (42) kofi_i de ne hɔ_i kyεgε-ε ama
Кофи братъ 3SG REFL показывать-PST Ама
'Кофи_i показал Аме самого себя_i'.
- (43) kofi_i ko e-ntɔ:/ e-fokui_i fia ama
Кофи братъ 3SG-REFL2 3SG-REFL1 показывать Ама
'Кофи_i показал Амс самого себя_i'.
- (44) kofi_i tsɔ e-ntɔ-fe_i ehε wu ama
Кофи братъ 3SG-REFL1-POSS нож убивать Ама
'Кофи_i взял свой_i нож и убил Аму'/'Кофи_i убил Аму своим_i ножом'.

¹² Для акан не удалось обнаружить удачного контекста для рефлексива в позиции зависимого «левого» глагола в serialной конструкции, так чтобы этот глагол был семантически полноценным. Однако, поскольку, как мы уже сказали, употребление рефлексива в этой позиции наиболее тривиально, отсутствие такого материала вряд ли должно влиять на общие выводы.

Наибольший интерес, однако, представляет употребление рефлексива в позиции зависимого «правого» глагола: в этом случае рефлексивный маркер отделен от подлежащего «левым» глаголом и его зависимыми, и именно этот случай является наиболее специфически характерным для синтаксиса serialных конструкций и отсутствует в не-серийных языках.

Будучи зависимым семантически редуцированного «правого» глагола (функционально такой глагол выполняет роль маркера косвенного дополнения), рефлексивные маркеры в обоих языках употребляются свободно. В примерах (45) эве и (49)–(50) акан рефлексивный маркер семантически является третьим актантом «левого» глагола и вводится наиболее типичным (и наиболее семантически редуцированным) глаголом со значением ‘давать’. Пример (46) отличается тем, что при помощи того же «правого» глагола вводится второй, а не третий актант «левого», не имеющего в этом случае собственного прямого дополнения. Предложения (47)–(48) иллюстрируют употребление рефлексивного местоимения в позиции зависимого других «правых» семантически редуцированных глаголов:

- (45) kofi_i ḥe agbalē na e-dokui_i/ e-ntɔ_i ЭВЕ
 Кофи покупать бумага давать 3SG-REFL1 3SG-REFL2
 ‘Кофи_i купил себе_i книгу’.
- (46) kofi_i vɔ̄ na e-dokui_i/ e-ntɔ_i ЭВЕ
 Кофи бояться давать 3SG-REFL1 3SG-REFL2
 ‘Кофи_i боится самого себя_i’.
- (47) kofi_i ḫo agbalē ḫe e-dokui_i/ e-ntɔ_i ЭВЕ
 Кофи готовить бумага попадать 3SG-REFL1 3SG-REFL2
 ‘Кофи_i послал письмо самому себе_i’.
- (48) kofi_i bia ama tso e-dokui_i/ e-ntɔ_i ЭВЕ
 Кофи спрашивать Ама приходить.из 3SG-REFL1 3SG-REFL2
 ‘Кофи_i спросил Аму о себе_i’.
- (49) kofi_i tɔ̄-ɔ bukuu ma-a ne hɔ_i АКАН
 Кофи покупать-PST книга давать-PST 3SG REFL
 ‘Кофи_i купил себе_i книгу’.
- (50) kofi_i kyegɛw-w krataa ma-a ne hɔ_i АКАН
 Кофи писать-PST бумага давать-PST 3SG REFL
 ‘Кофи_i написал письмо самому себе_i’.

В синтаксической позиции зависимого «правого» семантически полноценного глагола допустимость рефлексивного маркера зависит от того, о какой именно позиции внутри группы «правого» глагола идет речь. Все рефлексивные местоимения свободно допускаются в позиции прямого дополнения «правого» семантически полноценного глагола – ср. примеры (51) эве и (54) акан. Для рефлексива *-ntɔ* в эве, допускающегося в целом внутри именной группы (см. пример (37b)), возможно и употребление в позиции именной группы, зависимой от прямого дополнения «правого» глагола, ср. (52). Однако в позиции более глубокого зависимого «правого» семантически полноценного глагола в сериальной конструкции – внутри зависимой от него послеложной группы – допускается только один из рефлексивных маркеров языка эве. Так, в эве приемлемо предложение (53a) с местоимением *-dokui* в указанной позиции, но неграмматично аналогичное предложение (54b) с *-ntɔ*. В акан предложение (55b) с рефлексивным местоимением в такой позиции также неграмматично – в соответствующем контексте возможно лишь

предложение (55а) с обычным местоимением 3 л., которое может быть кореферентно подлежащему или иметь иной референт:

- (51) kofi_i tsɔ ehɛ wu e-dokui_i/ e-ntɔ_i ЭВЕ
Кофи братъ нож убивать 3SG-REFL1 3SG-REFL2
'Кофи_i взял нож и убил себя_i'/'Кофи_i убил себя_i ножом'.
- (52) kofi_i ko ama fia e-ntɔ-ʃe_i nɔvi-a ЭВЕ
Кофи братъ Ама показывать 3SG-REFL2-POSS сиблиинг-DEF
'Кофи_i показал Аму своему_i брату'.
- (53) a. kofi_i ko karō-a da e-dokui_i gbo ЭВЕ
Кофи братъ чашка-DEF ставить 3SG-REFL1 рядом
'Кофи_i поставил чашку рядом с собой_i'.
b. *kofi ko karō-a da e-ntɔ gbo
Кофи братъ чашка-DEF ставить 3SG-REFL2 рядом
- (54) kofi_i de sekan twa-a ne hɔ_i АКАН
Кофи братъ нож резать-PST 3SG REFL
'Кофи_i взял нож и порезал себя_i'/'Кофи_i порезал себя_i ножом' [Saah 1989: 16].
- (55) a. kofi_i de kɔroo desi ne_{i,j} nkyen АКАН
Кофи братъ чашка ставить 3SG рядом
'Кофи_i поставил чашку рядом с собой_i/с ним_j'.
b. *kofi de kɔroo desi ne hɔ nkyen
Кофи братъ чашка ставить 3SG REFL рядом

Сериальные конструкции такого типа, однако, демонстрируют еще один случай кореферентности рефлексивного маркера, представляющий особый теоретический интерес. Если с семантической точки зрения возможна кореферентность между объектом «левого» глагола в сериальной конструкции и объектом «правого» глагола, то рефлексивное местоимение в позиции зависимого «правого» глагола свободно соотносится с объектом «левого». В языке акан кореферентность рефлексива такому объекту и подлежащему равно возможны, ср. (56). В эве объект «левого» глагола имеет в таких случаях приоритет перед подлежащим, и анафорическая связь между рефлексивом и подлежащим находится на грани приемлемости, ср. (57):

- (56) kofi_i de ama_j kyegɛ-ɛ ne hɔ_{i,j} АКАН
Кофи братъ Ама показывать-PST 3SG REFL
'Кофи_i показал Аме_j ее саму_j/себя самого_i'.
- (57) kofi_i tsɔ ama_j fia e-dokui_{j,?i} ЭВЕ
Кофи братъ Ама показывать 3SG-REFL
'Кофи_i показал Аме_j ее саму_j/себя самого_i'.

Примечательно, что именная группа, контролирующая рефлексив в (56)–(57), никак не может быть описана как субъектная: семантическим субъектом «правого» глагола, как и «левого» в данных конструкциях является подлежащее.

Наконец, как мы уже сказали, отдельно мы рассматриваем для рефлексивных местоимений позицию зависимого «правого» глагола в каузативных сериальных конструкциях. Но в силу того, что каузативные сериальные конструкции организованы сложным и

неоднозначным образом, а кроме того, их устройство в эве и в акан принципиально различно, несмотря на внешнее сходство, прежде следует остановиться на самих этих конструкциях.

Специфика каузативных конструкций состоит в том, что, в отличие от прочих сериальных конструкций, по крайней мере семантически они не односубъектны, потому что семантическим субъектом каузируемой ситуации, описываемой «правым» глаголом, является участник, соответствующий именной группе, линейно расположенной между двумя глаголами. Типичным примером каузативной сериальной конструкции является предложение (58) из эве:

- (58) fofo-a na kofi fo ama
 старший.брат-DEF давать Кофи ударять Ама
 'Брат позволил Кофи ударить Аму'.

Именная группа *kofī* в (54) принципиально может быть охарактеризована синтаксически либо как прямое дополнение глагола каузации *na*, либо как подлежащее смыслового глагола *ʃo*. Использование в аналогичном контексте не полных именных групп, а личных местоимений позволяет определить их синтаксическую позицию точно. В тви, диалекте акан, данными которого мы в основном здесь пользуемся, эта именная группа является прямым дополнением каузативного глагола, так как используется объектный местоименный показатель 3 л. *no*, а не субъектная клитика 3 л. \exists^13 ,ср. (59). При этом, по крайней мере при помощи ненулевых элементов, синтаксически субъект «правого» глагола остается невыраженным¹⁴:

В эве, напротив, эта именная группа имеет статус подлежащего правого глагола, так как в данном контексте всегда используется местоимение 3 л. *wo*, употребляющееся только в субъектной позиции¹⁵,ср. (60):

- (60) me-na wo tsɔ-e
1SG-давать 3SG братъ-3SG
'Я позволил ему взять это'.

Следует при этом подчеркнуть, что, несмотря на наличие отдельного синтаксического субъекта, каузативные конструкции в эве, проиллюстрированные в (58) и (60), сохраняют по крайней мере некоторые свойства serialных конструкций. Так, как и более стандартные serialные конструкции (см. приводившийся выше пример (8)), они име-

¹³ Примечательно, что в другом диалекте акан, фанте, данная именная группа является подлежащим при смысловом глаголе, так как в нем используется, напротив, субъектная клитика 3 л. э.,ср. работу [Osam 2003], где сопоставляются данные обоих диалектов, а также публикацию [Essilfie 1984] более широко о сериальных конструкциях в акан.

¹⁴ Строго говоря, именно контроль рефлексивного маркера со стороны прямого дополнения «левого» глагола, о котором мы скажем ниже, является аргументом в пользу наличия в каузативной конструкции собственного нулевого подлежащего, аналогичного PRO при инфинитиве в европейских языках. Тем не менее, этот вопрос требует специального исследования, тем более что объектный контроль рефлексива в каузативных конструкциях известен даже в случае морфологических каузативов, см., например [Letuchiy 2006: 428] для хакасского языка.

¹⁵ Основной местоименной клитикой 3 л. и для подлежащего, и для прямого дополнения в эве является местоимение *e*; тонкие правила дистрибуции более редкой клитики 3 л. *wo* описаны не полностью, но тот факт, что местоимение *wo* не допускается в позиции прямого дополнения, установлен надежно.

ют единое «опоясывающее» отрицание (61a); предложения (61b–c), где показатель отрицания сочетался бы только с группой одного из глаголов, образующих каузативную конструкцию, неграмматичны:

- (61) a. kofi me na e-pɔv-i-a ſo ama o ЭВЕ
 Кофи NEG давать 3SG-сиблинг-DEF ударять Ама NEG
 'Кофи не позволил брату ударить Аму'.
- b. *kofi me na o e-pɔv-i-a ſo ama
 Кофи NEG давать NEG 3SG-сиблинг-DEF ударять Ама
- c. *kofi na e-pɔv-i-a me ſo ama o
 Кофи давать 3SG-сиблинг-DEF NEG ударять Ама NEG

Наиболее естественным контролером рефлексива, зависящего от «правого» глагола в каузативных сериальных конструкциях обоих языков, является семантический субъект этого глагола. Для акан это прямое дополнение каузативного глагола, как в примере (62) акан; заметим, что в работе [Saah 1989: 23], откуда заимствован этот пример, делается утверждение о том, что такая кореферентность является для рефлексива в каузативной сериальной конструкции единственно возможной. Тем не менее, подлежащее также может маргинально контролировать рефлексив в указанной позиции. Так, в примере (63) акан рефлексивное местоимение *hɔ* может соотноситься как с дополнением левого глагола *ama*, так и с подлежащим *kofi*:

- (62) ɔ-ma-a kofi yegɛ_j pira-a ne hɔ_j АКАН
 3SG-заставлять-PST Кофи жена ранить-PST 3SG REFL
 'Он заставил жену_j Кофи ранить себя_j' [Saah 1989: 23].
- (63) kofi_i ma-a ama_j ka-a ne hɔ_{i,j} asem АКАН
 Кофи заставлять-PST Ама говорить-PST 3SG REFL о
 'Кофи_i заставил Аму_j рассказать о себе_{i,j}'.

В языке эве для обоих рефлексивных местоимений контроль со стороны семантического субъекта каузируемой ситуации – являющегося в данном случае подлежащим и синтаксически – обязателен. Так, и рефлексивное местоимение *-fokui* в (64a), и рефлексивное местоимение *-ntɔ* в (64b) может соотноситься только с субъектом каузируемой ситуации *kofi*, но не с субъектом каузации *fofoa*:

- (64) a. fofo-a_i na kofi_j ſo e-fokui_{j,*i} ЭВЕ
 старший.брат-DEF давать Кофи ударять 3SG-REFL
 'Брат_i разрешил Кофи_j ударить самого себя_{j/*его_i}'.
- b. fofo-a_i na kofi_j ſo e-ntɔ_{j,*i} ЭВЕ
 старший.брат-DEF давать Кофи ударять 3SG-REFL2
 'Брат_i разрешил Кофи_j ударить самого себя_{j/*его_i}'.

4. ИЕРАРХИЯ ПОЗИЦИЙ РЕФЛЕКСИВА И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы говорили в начале статьи, типологическое исследование употребления рефлексивных местоимений во многом сводится к выявлению набора синтаксических позиций, которые может занимать каждое конкретное местоимение в том или ином языке. В работе [Тестслец, Толдова 1998] на материале разноструктурных языков была предложена иерархия синтаксических позиций рефлексива (v) на основании следующего обобщения: если рефлексив допустим в синтаксических позициях (a) и (b), то он допу-

стим и во всех позициях, линейно расположенных в иерархии (v) между (a) и (b). Иерархия (v) включает в себя следующие позиции именной группы в предложении: Дпр – прямое дополнение, Дпр(битр) – прямое дополнение битранзитивного глагола (т.е. глагола, имеющего также косвенное дополнение), Коарг – коаргумент прямого дополнения (т.е. актантная именная группа, не являющаяся прямым дополнением), НеактИГ – неактантная именная группа, ИГнефин – именная группа в нефинитной зависимой предикации, ИГфин – именная группа в финитной зависимой предикации. Левый край иерархии составляет наиболее локальная позиция Дпр, а правый – наиболее дистантная ИГфин.

(v) Дпр < Дпр(битр) < Коарг < НеактИГ < ИГнефин < ИГфин

В [Гращенкова 2006] иерархия (v) была уточнена за счет включения в рассмотрение позиции рефлексива внутри группы прилагательного; оказалось, что эта позиция занимает промежуточное положение между именной группой в нефинитной зависимой предикации и именной группой в финитной зависимой предикации, ср. (v').

(v') Дпр < Дпр(битр) < Коарг < НеактИГ < ИГнефин < ИГприл < ИГфин

Применительно к материалу языков эве и акан, который мы рассматриваем, некоторые из этих позиций требуют специального комментария. Во-первых, идентификация позиций Дпр(битр) и Коарг, как было сказано, крайне затруднительна (и вполне возможно, что само терминологическое противопоставление прямого vs. косвенного дополнения неприменимо к данным языкам); тем не менее, поскольку все рассмотренные местоимения могут свободно употребляться в позиции любой из объектных именных групп битранзитивного глагола, мы здесь условно считаем, что для рефлексива в эве и акан доступны обе эти позиции иерархии. Во-вторых, позиция ИГнефин крайне маргинальна и представлена только в одном из двух обсуждавшихся языков; тем не менее, невозможность употребления рефлексива в этой позиции, если она существует, никак не противоречит иерархии. Наконец, позиция ИГприл специально нами не исследовалась (и ее исследование требовало бы вспомогательного изучения вопроса о статусе прилагательного в языках ква); ниже, в качестве в известном смысле промежуточного результата, мы сохраняем позицию ИГприл в том месте иерархии, где она располагается согласно исследованию [Гращенкова 2006].

Рассмотрим теперь специфические позиции рефлексива, связанные с сериальными конструкциями. Если именная группа, зависимая от «левого» семантически полноценного глагола, по-видимому, не требует выделения в отдельную позицию (так как соответствует позиции Дпр), то все прочие именные группы, зависимые от глаголов в сериальной конструкции никак не сводятся к позициям иерархии (v'). Прежде всего, следует выделить именные группы, зависимые от «левого» и «правого» семантически редуцированных глаголов – ИГЛевРед и ИГПравРед соответственно. Далее, среди именных групп, зависимых от семантически полноценного «правого» глагола, выделяются две синтаксических позиций: ДпрПрав – прямое дополнение «правого» семантически полноценного глагола или именная группа, зависимая от прямого дополнения, и ИГНеактПрав – неактантная именная группа, зависимая от «правого» семантически полноценного глагола. Наконец, две отдельных различных позиции образуют именные группы в каузативных сериальных конструкциях, в зависимости от того, является ли семантический субъект каузируемой ситуации подлежащим соответствующего глагола или прямым дополнением глагола каузации; обозначим эти позиции как ИГКаузДоп и ИГКаузПодл. Изложенные выше сведения об употреблении двух рефлексивных местоимений языка эве, *-fokui* и *-ntɔ*, и рефлексивного местоимения *hɔ* в языке акан, суммируются в табл. 1. Для наглядности мы включаем в эту таблицу также недопустимые для рассматриваемых местоимений дистантные позиции ИГнефин и ИГфин. Знак «+» означает, что данное рефлексивное местоимение допустимо в данной позиции, знак «–» – что недопустимо, а

знак X означает, что соответствующая позиция принципиально отсутствует в соответствующем языке.

Таблица 1

Употребление рефлексивных местоимений эве и акан в serialных конструкциях

	- <i>dokui</i>	- <i>ntɔ</i>	<i>hɔ</i>
ИГЛевРед	+	+	+
ИГПравРед	+	+	+
ДПрПрав	+ ¹⁶	+	+
ИГНеактПрав	+	-	-
ИГКаузДоп	X	X	+
ИГКаузПодл	-	-	X
ИГнефин	-	-	X
ИГфин	-	-	-

Исходя из имеющегося материала соотнести позиции рефлексивного маркера в serialных конструкциях друг с другом можно следующим образом. Позиции ИГЛевРед и ИГПравРед наиболее локальны, а иерархически различить их мы не можем, что позволяет обозначить их как единую позицию ИГРед. Позиция ДпрПрав, по-видимому, более дистантна в силу того, что отделена от подлежащего «левым» глаголом, и в силу того, что в целом зависимые «правого» семантически полноценного глагола образуют дистантные позиции; оговорим, впрочем, что данное решение наиболее произвольно. ИГКаузДоп более дистантна, чем рассмотренные выше позиции, поскольку для нее соотношение с подлежащим маргинально. Еще более дистантной позицией является ИГНеактПрав, потому что в этой позиции наблюдаются прямые ограничения на употребление одного из рефлексивных маркеров. Наконец, наиболее дистантной является позиция ИГКаузПодл, не допускающая кореферентности рефлексива подлежащему. Таким образом, рассмотренный материал позволяет предложить для «serialных» позиций рефлексива иерархию (vi).

(vi) ИГРед < ДпрПрав < ИГКаузДоп < ИГНеактПрав < ИГКаузПодл

Иерархия (vi) существенно отличается от иерархии (v) в том, что она ориентирована на специфические позиции, разработанные нами специально для рассматриваемых языков, которые вряд ли могут быть экстраполированы на все языки с serialными конструкциями, так как привязаны к порядку слов в языках ква. Тем не менее, в качестве предварительного результата, попробуем соотнести эти иерархии друг с другом.

Исходя из имеющихся данных, наиболее естественно предположить, что иерархия (vi) «вклинивается» в иерархию (v') между позициями НеактИГ и ИГфин, что позволяет объединить их в единую иерархию (vii). Однако (vii) является сугубо гипотетическим построением, требующим тщательной дальнейшей эмпирической проверки.

(vii) Дпр < Дпр(битр) < Коарг < НеактИГ < ИГРед < ДпрПрав < ИГКаузДоп < ИГНеактПрав < ИГКаузПодл < ИГнефин < ИГприл < ИГфин

¹⁶ Употребление местоимения -*dokui* в данной позиции, как мы показали, несколько ограничено тем, что для определенного класса бенефактивных serialных конструкций приоритетна его кореферентность не подлежащему, а прямому дополнению «левого» глагола.

Таким образом, в настоящей работе на ограниченном языковом материале языков с сериальными конструкциями, не привлекавшихся ранее к типологическому исследованию синтаксических позиций рефлексивных марксов, предлагается существенно расширение иерархии позиций рефлексива. Оговорим, что сделанные в настоящей работе выводы имеют сугубо предварительный характер именно в силу ограниченного объема данных – как собственно доступного материала, так и в отношении количества рассмотренных языков. Необходимой перспективой дальнейших исследований представляется, с одной стороны, внутригенетическая типология рефлексива в языках ква и более широкая ареальная типология рефлексива в языках Западной Африки, а с другой стороны, общая типология использования возвратных местоимений в сериальных конструкциях других языковых семей и ареалов.

СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ГЛОССИРОВАНИИ

1, 3 – 1, 3 лицо, DEF – показатель определенности, NEG – показатель отрицания, PFCT – перфект, POSS – показатель посессивности, PRES – настоящее время, PROGR – прогрессив, PST – прошедшее время, RED – редупликация, REFL – рефлексивное местоимение, SG – сд. число, SUB – подчинительный союз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агбоджо 1986 – *K.O. Агбоджо*. Глагол и предикат в изолирующем языке (на материале языка эве). Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1986.
- Гращенко 2006 – *Л.Э. Гращенко*. Рефлексивы в группе прилагательного: теоретические проблемы и типология // ВЯ. 2006. № 1.
- Лютикова 1999 – *Е.А. Лютикова*. Без подлежащих и дополнений: рефлексивизация в багвалинском языке // Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец (ред.). Типология и теория языка: К 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999.
- Лютикова 2002 – *Е.А. Лютикова*. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М., 2002.
- Падучева 1985 – *Е.В. Падучева*. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
- Плунгян 1988 – *В.А. Плунгян*. Глагольная сериализация как лексический феномен // Н.В. Громова (ред.). Лексикология и словообразование африканских языков. М., 1988.
- Тестелец, Толдова 1998 – *Я.Г. Тестелец, С.Ю. Толдова*. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // ВЯ. 1998. № 4.
- Тестелец 2001 – *Я.Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Шлуинский, в печ. – *А.Б. Шлуинский*. Битранзитивные глаголы в языках ква и синтаксический статус их объектов (на материале эве и акан) // Исследования по языкам Африки 2007. М., в печати.
- Agbedor 1994 – *P. Agbedor*. Verb Serialization in Ewe // Nordic journal of African studies. 3. № 1. 1994.
- Aikhena^vald, Dixon (eds.) 2005 – *A.Y. Aikhena^vald, R.M.W. Dixon* (eds.). Serial verb constructions: a cross-linguistic typology. Oxford, 2005.
- Alsina et al. (eds.) 1997 – *A. Alsina, J. Bresnan, P. Sells* (eds.). Complex predicates. Stanford, 1997.
- Baker 1989 – *M. Baker*. Object sharing and srojection in serial verb constructions // Linguistic Inquiry. 20. № 4. 1989.
- Bamgbose 1974 – *A. Bamgbose*. On serial verbs and verbal status // Journal of West African languages. 9. № 1. 1974.
- Boadi 1968 – *L. Boadi*. Some aspects of Akan deep syntax // Journal of West African languages. 5. № 2. 1968.
- Bybee et al. 1994 – *J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliucca*. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Chomsky 1981 – *N. Chomsky*. Lectures on government and binding. Dordrecht, 1981.
- Christaller 1875 – *J.G. Christaller*. A grammar of Asante and Fante language. Basel, 1875.
- Essegbe^y 1999 – *J. Essegbe^y*. Inherent complement verbs revisited: towards an understanding of argument structure in Ewe. PhD thesis. Leiden, 1999.

- Essilfie 1984 – *T. Essilfie*. Causation and the role of serialisation in Fante // Journal of Asian and African studies. 27. 1984.
- Frajzingier, Curl (eds.) 2000 – *Z. Frajzingier, T.S. Curl* (eds.). Reflexives: Forms and functions. Amsterdam; Philadelphia, 2000.
- Greenberg 1963 – *J. Greenberg*. The languages of Africa. The Hague, 1963.
- Hyman 2003 – *L. Hyman*. How to become a ‘Kwa’ verb // Journal of West African languages. 30. № 2. 2003.
- Kemmer 1993 – *S. Kemmer*. The Middle voice. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Law, Veenstra 1992 – *P. Law, T. Veenstra*. On the structure of serial verb constructions // Linguistic Analysis. 22. № 3-4. 1992.
- Lawal 1993 – *S.A. Lawal*. The Yoruba serial verb construction: A complex or simple sentence // S.S. Mufwene, L. Moshi (eds.). Topics in African linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Lefebvre, Brusseau 2002 – *C. Lefebvre, A.-M. Brusseau*. A grammar of Fongbe. Berlin, 2002.
- Letuchiy 2006 – *A. Letuchiy*. Case marking, possession and syntactic hierarchies in Khakas causative constructions in comparison with other Turkic languages // L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). Case, valency and transitivity. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Lord 1993 – *C. Lord*. Historical change in serial verb constructions. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Manzini, Wexler 1987 – *M.R. Manzini, K. Wexler*. Parameters, binding theory, and learnability // Linguistic inquiry. 18. № 3. 1987.
- Osam 1994 – *K.E. Osam*. From serial verbs to prepositions and the road between // Sprachtypologie und Universalienforschung. 47. № 1. 1994.
- Osam 2002 – *K.E. Osam*. Reflexive marking and related functions in Akan // Journal of Asian and African studies. 64. 2002.
- Osam 2003 – *K.E. Osam*. An introduction to the verbal and multi-verbal system of Akan // D. Beermann, L. Hellan (eds.). The proceedings of TROSS – Trondheim summer school: Multi-verb-constructions. Trondheim, 2003.
- Reinhart 1983 – *T. Reinhart*. Anaphora and semantic interpretation. London, 1983.
- Saah 1989 – *K.K. Saah*. Reflexivization in Akan // Journal of West African languages. 19. № 2. 1989.
- Schachter 1974 – *P. Schachter*. A non-transformational account on serial verbs // Studies in African linguistics, supplement 5. 1974.
- Sebba 1987 – *M. Sebba*. The syntax of serial verbs. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
- Stahlke 1970 – *H. Stahlke*. Serial verbs // Studies in African linguistics. 1. № 1. 1970.
- Stewart J. 1963 – *J. Stewart*. Some restrictions on objects in Twi // Journal of West African languages. 1. 1963.
- Stewart O. 2001 – *O. Stewart*. The serial verb construction parameter. New York; London, 2001.
- Westermann 1907 – *D. Westermann*. Grammatik der Ewe-Sprache. Berlin, 1907.
- Williamson 1989 – *K. Williamson*. Niger-Congo overview // J. Bendor-Samuel (ed.). The Niger-Congo languages. Lanham, 1989.

© 2009 г. Д.И. ИДИАТОВ

ЧАСТИЧНАЯ АНТИМОРФОЛОГИЗАЦИЯ: ПРИМЕР ИЗ ГЛАГОЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ ЯЗЫКА ТУРА

В данной статье рассматривается случай частичной антиморфологизации (качественного уменьшения степени морфологической связанности) глагольного словообразовательного суффикса $|-\text{LA}|$ в языке тура (юго-восточные манде), которая привела к возникновению в туре двух видов линейно-сintагматического дуализма: суффикс/слабо автономная словоформа и (незначащая) часть корня/слабо автономная словоформа (следним связано существование таких причудливых морфологических единиц, как псевдословоформы). В функциональном плане, частичная антиморфологизация в туре представляет собой случай репарадигматизации по аналогии.

1. ВВЕДЕНИЕ¹

В последнее время в литературе по грамматикализации неоднократно поднимался вопрос об обоснованности гипотезы о ее одностороннем характере (например [Newmeyer 1998; Lass 2000; Campbell 2001; Janda 2001]). Довольно убедительный ответ на подобную критику был предложен в работе [Haspelmath 2004]. Так, признавая наличие примеров, противоречащих предположению об обязательной односторонности грамматикализации, Хаспельмат указывает одновременно на то, что число настоящих случаев инверсии грамматикализации («reversal of grammaticalization»), для описания которых он предлагает использовать термин «антаграмматикализация» («antigrammaticalization»), очень незначительно (он приводит восемь таких случаев) и, соответственно, не подрывает гипотезу об односторонности грамматикализации как таковую. Наличие контрпримеров, правда, переводит односторонность из статуса абсолютной универсалии в ранг важнейшего ограничения на возможные морфосинтаксические изменения («the most important constraint on morphosyntactic change»). В [Idiatov 2008] подробно анализируются предполагаемые случаи антаграмматикализации, а также такие ключевые понятия, как грамматическое значение, грамматикализация, деграмматикализация и антиграмматикализация, и автор приходит к выводу, что эти предполагаемые примеры антиграмматикализации таковыми на самом деле не являются, поскольку в них не происходит перехода грамматических показателей в статус неграмматических. В лучшем случае, их следует рассматривать лишь как примеры качественного уменьшения степени морфологической связанности, что Идиатов предлагает описывать термином «антиморфологизация». Антиморфологизация соотносится с (более привычной) деморфологизацией так же, как антиграмматикализация соотносится с деграмматикализацией.

¹ Данные по языку тура, обсуждаемые в настоящей работе, были собраны в Кот д'Ивуаре в рамках проекта Lexicology of Eastern Mande languages in the context of Mande linguistic comparison, финансированного Swiss National Science Foundation. Я также признателен за финансовую поддержку проекту P6/44 (Belgian Federal Government, Interuniversity Attraction Poles). Кроме того, я хотел бы высказать свою благодарность Марку Ван де Вельде за ценные комментарии по данной статье.

В настоящей статье мы рассмотрим случай „частичной антиморфологизации глагольного словообразовательного суффикса | -LA | в языке тура². Обсуждение организовано следующим образом. В качестве введения в разделе 2 дается краткий обзор морфонологии, семантики и этимологии суффикса | -LA |. В разделе 3 подробно рассматривается механизм частичной антиморфологизации суффикса | -LA |, а также предлагается диахронический сценарий становления данного феномена. Раздел 4 представляет суффикс | -LA | в более широкой сравнительной перспективе юго-восточной ветви языков манде. Наконец, раздел 5 содержит краткое заключение.

2. СУФФИКС | -LA |: МОРФОНОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ

Из примерно 200 глаголов языка тура 24 оканчиваются на | -LA |. Нотация | -LA | здесь служит условным сокращением для (i) *-lɔ̄* после ɔ, как в глаголе *dɔ̄lɔ̄* ‘останавливаться; ждать’ (связанного с глаголом *dɔ̄* ‘стоять; ждать; останавливаться’); (ii) для *-nā* после носового гласного, как в глаголе *zíñā* ‘опускать, спускаться’ (связанного с глаголом *zí* ‘касаться’); (iii) для *-lā* в остальных случаях, как в глаголе *sèèlā* ‘поворачиваться; перемещаться’³. Корень глагола также может претерпевать различные морфонологические изменения в контакте с | -LA |. Наиболее типичным подобным изменением является усечение корней структуры CVV до формы CV, как, например, в *yàlā* ‘садиться’, образованном от глагола *yàà* ‘садиться’.

В норме | -LA | ведет себя как суффикс. Помимо нетривиальных морфонологических изменений (как в | -LA |, так и в корне глагола), сопутствующих деривации на | -LA |, это проявляется и в том, что, например, сегментная часть глагольного видео-временного показателя, как проиллюстрировано в примере (1), присоединяется справа от | -LA | перед любыми остальными постглагольными элементами, а несегментная часть того же видео-временного показателя реализуется через мену тона на | -LA |.

(1) <i>öö</i>	<i>dɔ̄-lɔ̄-ó</i>	<i>(yāā lē)</i>
3SG.SUBJ.NEG.TAM	стоять-LA\TAM-TAM	вчера PP
‘Он не остановился (вчера)’.		

Семантика | -LA | часто представляется довольно расплывчатой. Так, за неимением лучшего термина, [Bearth 1971: 170] предлагает анализировать | -LA | как словообразовательный суффикс с интенсивным значением («*valeur intensive*»). Тем не менее, во многих случаях | -LA | может быть анализирован как показатель особого вида понижющей или, скорее, в терминологии [Плунгян 2000: 214–219], интерпретирующей актантной деривации. В рамках данной статьи будет достаточно охарактеризовать | -LA | приблизительно как словообразовательную морфему со значением ‘где-то, где-нибудь’, что может быть проиллюстрировано при помощи примеров (2) и (3) с глаголом *yàà* и его дериватом *yàlā*. Оба глагола имеют значение ‘садиться’.

(2) a. <i>yàlā!</i>	<i>садиться.LA?</i>
	‘Садись!’

² Язык тура относится к юго-восточной ветви языков манде нигеро-конголезской макросемьи. Он распространен на небольшой территории к северо-востоку от города Ман, находящегося на западе Кот д’Ивуара. Число говорящих на туре оценивается приблизительно в 40 000 человек.

³ Тоны в примерах обозначаются следующим образом: *á* (сверхвысокий тон), *á* (высокий тон), *à* (низкий тон), *â* (сверхнизкий тон). Согласные *l* и *n*, а также *b* и *t* находятся в туре в практически полной дополнительной дистрибуции. За единичными исключениями, неносовой согласный всегда предшествует неносовой гласной, а носовой согласный – носовой гласной.

- b. **yàà!*
садиться
'Садись!'

- (3) a. *yàà* *gbääp̩ɛ* *tä!*
садиться стул PP
'Садись на стул!'
- b. *?yàlā!* *gbääp̩ɛ* *tä!*
садиться.LÄ стул PP
'Садись на стул!'

Грубо говоря, |-LÄ| маркирует опущение (или иногда факультативность) постглагольного локативного аргумента, обычно обязательно выраженного при исходном глаголе как непрямое дополнение или обстоятельство⁴. Для сходной деривации, затрагивающей прямое дополнение, в литературе можно встретить такие термины, как «объектный имперсонал» (см. [Плунгян 2000: 218]), «деобъектив» («deobjective»), «неопределенно-объектный супрессив» («indefinite object deletion») или «абсолютив» («absolutive») (см. [Haspelmath, Müller-Bardey 2004: 1131]). По аналогии деривацию на |-LÄ| в тура можно обозначать, как «(локативный) деобликватив» (соответствующий английскому «(locative) deobliquative» или «deoblique»), «делокатив», «локативно-обстоятельственный супрессив» или «локативный абсолютив».

Этимологически |-LÄ| восходит к демонстративу **ta* ‘там, туда’, рефлекс которого в современном тура обнаруживается в начальном сегменте демонстратива *lää* ‘тот’. Формы, родственные суффиксу |-LÄ|, отмечены в большинстве языков юго-восточной ветви семьи манде. В южной подгруппе юго-восточных манде, к которой относится тура, они обычно имеют форму |-LA|. В восточной подгруппе юго-восточных манде мы обычно встречаем форму |-LË|, восходящую к другому демонстративу **te* ‘там, туда’. Рефлексом последнего в современном тура является демонстратив *të/lë* ‘там, туда (недалеко)’.

3. ЧАСТИЧНАЯ АНТИМОРФОЛОГИЗАЦИЯ |-LÄ| В ТУРА

Суффикс |-LÄ| подвергся в тура частичной антиморфологизации, что проявляется в возникновении у глаголов на |-LÄ| способности быть разрываемыми различными приименными модификаторами. В подобных случаях |-LÄ| оказывается (в терминологии [Плунгян 2000: 33]) слабо автономной словоформой. Такой разрыв глагола на |-LÄ| проиллюстрирован в примере (4), который так же, как и вышеприведенный пример (1), содержит глагол *dó* ‘останавливаться; ждать’.

- (4) *ðó* *dó* *dëé* *ké* *ló-ð*
3SG.SUBJ.NEG.TAM стоять новый некоторый LÄ[=TRNSJTAM-TAM
'Он снова не остановился'.

Обратите внимание на то, что даже после разрыва |-LÄ| в (4) продолжает выступать в виде алломорфа *ló*. Кроме того, как становится видно из примера (5) с глаголом *yàlā* ‘садиться’, образованным от глагола *yàà* ‘садиться’, корень глагола после разрыва

⁴ Тура, аналогично другим языкам манде, характеризуется жестким порядком слов, который схематично можно представить как S P M O V X. Постглагольный элемент X обычно описывается как непрямое дополнение, когда он маркируется послелогом, и как обстоятельство, когда послелог отсутствует.

также продолжает выступать в виде того же „алломорфа (в данном случае *yà*), который исходно был обусловлен контактом с |-LÄ|.

- (5) *ðó* *yà* *d̥éé* *ké* *lá-á*
3SG.SUBJ.NEG.TAM садиться новый некоторый LÄ[=TRNSNTAM-TAM
‘Он снова не сел’.

Конструкция, представленная в (4) и (5), используется, прежде всего, для фокализации предиката и для придания предикату комбинаторных способностей существительного. Такие же результаты могут быть достигнуты и через помещение глагола в позицию прямого дополнения вспомогательного глагола *wó* ‘совершать, делать’, который, в свою очередь, перенимает на себя всю видо-временную и модальную морфологию глагола (6). Следуя терминологии, предложенной в [Bearth 1971: 171–176], последняя конструкция обозначается, как «транспозиция на *wó*» («transposition en *wó*»), а предыдущая конструкция – «транспозиция на |-LÄ|» («transposition en -lä»).

- (6) *ðó* *d̥ó-l̥ɔ́* *d̥éé* *ké* *wó-b*
3SG.SUBJ.NEG.TAM стоять-LÄ новый некоторый делать[=TRNSNTAM-TAM
‘Он снова не остановился’.

Транспозиция на |-LÄ| является альтернативой обычной транспозиции на *wó*, и, за исключением одного единственного контекста, эти две конструкции функционально абсолютно идентичны. Согласно [Bearth 1971: 174–175], функциональное различие между двумя видами транспозиции наблюдается лишь в одном из видов подчиненных предложений, где транспозиция на *wó* глагола на |-LÄ| влечет за собой причинное прочтение подчиненного предложения (7), тогда как применение к этому же глаголу транспозиции на |-LÄ| вызывает временное прочтение (8).

- (7) *ē* *d̥ó-l̥ɔ́=ó* *wó-b* *lää...*
3SG.SUBJ.TAM стоять-LÄ=FOC делать[=TRNSNTAM-TAM TM
‘Поскольку он остановился...’

- (8) *ē* *d̥ɔ́=ó* *l̥ɔ́=ó* *lää...*
3SG.SUBJ.TAM стоять = FOC LÄ[=TRNSNTAM-TAM TM
‘Когда он остановился...’

Морфологический статус |-LÄ| в примерах типа (4), (5) и (8) является исключительным: элемент |-LÄ| оказывается одновременно и словообразовательной морфемой, являющейся неотъемлемой частью глагола *d̥ó-l̥ɔ́* ‘останавливаться; ждать’, и словом, используемым для транспозиции глагольного слова, частью которого он является. Однако еще более интересно дела обстоят в примере (9), где транспозиции подвергается глагол *gbälä* ‘гресметь (о громе); кричать (ругаясь)’.

- (9) *lá=ä* *gbä́* *d̥éé* *ké* *lá-á*
дождь = РМ греметь₁ новый некоторый греметь₂[=Ø = TRNSNTAM-TAM
‘Снова прогремел гром’.

Элемент |-LÄ| в *gbälä* (и нескольких других глаголах) суффиксом не является и, насколько можно судить по имеющимся сравнительным данным, таковым никогда и не был. |-LÄ| является необходимой, но лишней какого-либо собственного значения частью глагола *gbälä* (что обозначено в подстрочнике посредством символа Ø как одной из его возможных глосс). В то же время, |-LÄ| в примере (9) является также и словом, используемым для транспозиции глагольного слова, частью которого он являет-

ся. В [Идиатов 2003] и [Idiatov 2005]⁵ предлагается использовать термины «квазисловоформа» или «псевдословоформа»⁶ для описания морфологического статуса подобных элементов.

По всей видимости, транспозиция на |-ЛА| возникла в результате возникновения возможности альтернативного структурного анализа глаголов на |-ЛА| как сочетания обычного глагола и транспозиционного его вспомогательного глагола. Подобное развитие необходимо предполагало бы предварительное существование обычной транспозиции на *wō*, в особенности ее «нераспространенного» варианта, т.е. такой транспозиции на *wō*, где глагол, транспозиционный при помощи *wō*, ничем больше не модифицирован. Поскольку семантические различия между глаголом на |-ЛА| и его производящим глаголом обычно являются довольно тонкими, глагол на |-ЛА| легко может показаться структурно идентичным подобной «нераспространенной» транспозиции на *wō*, с тем лишь отличием, что вспомогательный глагол здесь будет не *wō*, а |-ЛА|. Кроме того, возникновению транспозиции на |-ЛА| должно было способствовать и определенное размытие исходной семантики |-ЛА|. Проиллюстрируем вышеописанный процесс возникновения транспозиции на |-ЛА| при помощи примеров (10–13).

- (10) *öö* *gwē̄e* *bā*-*ā* *zūlū* *lē̄e* *bā*
 3SG.SUBJ.NEG.TAM камень сыпать\ТАМ-ТАМ мыться место\ZF PP
 ‘Он не насыпал камней в место для мытья’.
- (11) *öö* *gwē̄e* *bā* *wō*-*ō* *zūlū*
 3SG.SUBJ.NEG.TAM камень сыпать делать[=TRNS]\ТАМ-ТАМ мыться
lē̄e *bā*
 место\ZF PP
 ‘Он не насыпал камней в место для мытья’.
- (12) *öö* *gwē̄e* *bā*-*nā*-*ā* (*sādā*)
 3SG.SUBJ.NEG.TAM камень сыпать-ЛА\ТАМ-ТАМ на.земле
 ‘Он не высыпал камни (на землю)/не рассыпал камни (по земле’).
- (13) *öö* *gwē̄e* *bā* *nā*-*ā* (*sādā*)
 3SG.SUBJ.NEG.TAM камень сыпать LA\ТАМ-ТАМ на.земле
 ‘Он не высыпал камни (на землю)/не рассыпал камни (по земле’).

Примеры (10) и (11) иллюстрируют использование глагола *bā* ‘сыпать, ронять’ (или ‘сыпаться, падать’ в интранзитивном употреблении) без транспозиции на *wō* и с транспозицией на *wō*, соответственно. Глаголу *bā* соответствует производный глагол на |-ЛА| *bānā* ‘сыпать, ронять’ (или ‘сыпаться, падать’ в интранзитивном употреблении), см. (12). Семантические различия между этими двумя глаголами довольно тонкие, как, впрочем, и между большинством остальных глаголов на |-ЛА| и их производящими глаголами. Носители языка обычно не отдают себе отчета в их существовании и заявляют, что *bā* и *bānā* имеют одно и то же значение. Тем не менее, эти глаголы крайне редко оказываются свободно взаимозаменяемыми. Не вдаваясь в по-

⁵ В [Idiatov 2005] также обсуждается сходное явление в числительных туре и приводятся некоторые типологические параллели псевдословоформ.

⁶ Понятие псевдословоформы тесно связано с более общей проблематикой так называемых суб- или квазиморфемных единиц. Хорошим введением в данную проблематику является работа [Kubrjakova 2000].

дробности, можно сказать, что *bá ná* обычно подразумевает падение некоторого множества объектов и, в отличие от *bá*, особо выделяет тот факт, что это множество дискретно и что конечная точка падения нерелевантна. Чаще всего это подразумевает идею рассредоточения падающих объектов. Так, в примере (12) камни высываются где-то на землю или рассыпаются где-то по земле, например, чтобы от них избавиться, тогда как в примерах (10) и (11) камни представляются падающими вместе и в одно четко ограниченное место. Место для мытья, упомянутое в примерах (10) и (11), является небольшой неогороженной площадкой на улице, где традиционно моются мужчины тута и которая предварительно усыпается камнями.

Будучи близкими по значению, сказуемые в примерах (11) и (12) могут также довольно легко показаться схожими и по своей структуре. Таким образом, несложно себе представить следующий шаг, в результате которого становится возможным альтернативный структурный анализ примера (12) как примера (13). И как только у нас появляется подобная возможность, ничто, в принципе, не должно нам больше мешать использовать различные приименные модификаторы при первой части глагола на |-LA| точно так же, как и при соответствующем производящем глаголе без |-LA| в случае его транспозиции на *wó*. В этой связи следует отметить, что, когда первая часть глагола на |-LA| ничем не модифицирована, мы, строго говоря, не можем с полной определенностью сказать, имеем ли мы дело с транспозицией или нет. Только на основе косвенных аргументов мы приходим к выводу, что, по крайней мере в современном тута, предпочтение следует отдавать анализу в духе примера (12), а не (13). Так, во-первых, транспозиция несет в тута четко определенную функциональную нагрузку. Она имеет прямое отношение к выражению категории фокуса, которая играет очень важную роль в грамматической системе языка тута в целом. Соответственно, было бы странно, если бы довольно крупная группа глаголов хронически не различала фокализованную и нефокализованную формы. Во-вторых, что еще более важно, для большинства глаголов тута без |-LA| транспозиция на *wó*, не включающая, как в примере (11), по крайней мере показатель фокуса, хотя и возможна в принципе, чаще всего оказывается не очень естественна. Существуют, правда, несколько довольно идиоматизированных выражений, сконструированных подобным образом. Например, нераспространенная транспозиция на *wó* очень употребительна с глаголом *kíð* ‘воровать’ (14). Более того, она даже более употребительна, чем самостоятельное использование глагола *kíð*, представленное в примере (15). В этой связи следует, правда, отметить, что *kíð* также является одним из тех редких глаголов, который может быть употреблен как существительное (со значением ‘воровство, кражи’) без дополнительного морфологического маркирования и вне транспозиции на *wó*. Иными словами, конструкцию, использованную в примере (14), можно было бы глоссировать и как 3PL + ‘кража’ (т.е., ‘их кража’) + ‘совершать’.

(14) <i>öö</i>	<i>äj</i>	<i>kíð</i>	<i>wó-ó</i>
3SG.SUBJ.NEG.TAM	3PL	красть	делать[=TRNS\TAM-TAM]
‘Он их не крал’.			

(15) <i>öö</i>	<i>äj</i>	<i>kíð-á</i>
3SG.SUBJ.NEG.TAM	3PL	красть\TAM-TAM
‘Он их не крал’.		

В то же время, представляется обоснованным предполагать, что нераспространенная транспозиция на *wó* была более употребительна на предыдущих стадиях развития языка тута. Иными словами, использование модификатора (в особенности, показателя фокуса) в рамках конструкции транспозиции лишь позднее должно было стать более или менее обязательным для большинства глаголов. Изначально же глагольное сказуемое фокализовалось просто посредством конструкции, аналогичной англий-

ской *do*-periфразе (транспозиция на *wō*). С течением времени эмфатический характер этой конструкции несколько ослабился. Вполне вероятно, что это естественное изнашивание было только ускорено вышеупомянутой неоднозначностью глаголов на |-LĀ| в том, что касается различия их транспозированной и нетранспозированной форм в случае нераспространенной транспозиции. В результате возникла необходимость в усилении эмфатического характера данной конструкции посредством введения в нее эксплицитного показателя фокализации. Это же ослабление эмфатического характера нераспространенной транспозиции способствовало возможности использования различных приименных определений при транспозированном глаголе в тех случаях, когда основной акцент оказывался не на предикате как таковом, а на различных сопутствующих характеристиках. Данный путь развития представляется мне наиболее вероятным в силу своей иконичности.

После того как транспозиция на |-LĀ| прочно заняла свое место в узусе языка наравне с транспозицией на *wō*, она была по аналогии распространена и на глаголы типа *gbállá* ‘грешить (о громе); кричать’, в которых |-LĀ| суффиксом не является. Вне всякого сомнения, включение в класс глаголов на |-LĀ| глаголов типа *ghállá* еще больше способствовало размытию исходной семантики |-LĀ|.

4. СУФФИКС |-LĀ| В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Рассмотрим теперь суффикс |-LĀ| в более широкой сравнительной перспективе юго-восточной ветви языков манде⁷. По соображениям места я ограничусь здесь лишь кратким обзором. Более подробное обсуждение и примеры могут быть найдены в [Идиатов 2003]. Информация по этимологии данной морфемы уже была приведена в разделе 2. Среди прочего, в разделе 2 отмечалось, что в восточной подгруппе юго-восточных манде рассматриваемая морфема обычно имеет форму |-LĒ|. В (16) я привожу стадии развития |-LĀ| и |-LĒ| в юго-восточных манде. За исключением первой, реконструированной стадии, все прочие стадии сопровождаются примерами языков, в которых они отмечены. Генетические связи между упоминаемыми языками проясняются в генеалогическом древе юго-восточных манде, приведенном в схеме 1.

(16) |-LĀ| и |-LĒ| в юго-восточных манде⁸

- a. *автономная словоформа со значением ‘там, туда’ (см. раздел 2)
- b. экстернализированный формант⁹: в яурэ, муан и, может быть, в гуро
- c. суффикс: в боко, буса, бокобару, а также, по всей вероятности, в биса и бенг¹⁰
- d. часть глагольного корня¹¹: большинство юго-восточных манде
- e. суффикс/слабо автономная словоформа: в тура

⁷ В языках западной ветви каких-либо рефлексов данного суффикса мне пока обнаружить не удалось.

⁸ Морфологическая терминология, которую я использую здесь для описания линейно-синтагматического статуса рассматриваемых элементов, взята из [Плунгян 2000: 32-35].

⁹ Такой словообразовательный аффикс, который, подобно русскому суффиксу -ся, помещается дальше от корня, чем словоизменительные аффиксы.

¹⁰ Насколько можно судить по имеющимся описаниям, семантика данного суффикса в этих языках в значительной степени схожа с семантикой суффикса |-LĀ| в тура.

¹¹ В некоторых случаях также квази- или псевдосуффикс (морфоид, субморф и т.д.; см. [Плунгян 2000: 49]), т.е. такой суффикс, который может быть выделен только в плане выражения, но не содержания.

Классификация юго-восточных манде (на основе [Выдрин 2001])

Стадия псевдословоформы, упомянутая выше в связи с примером (9), в (16) не приведена, поскольку псевдословоформа |LA| этимологически с настоящим |-LA| никак не связана. Использование термина «суффикс» в (16) подразумевает, что в языке имеется по крайней мере несколько глаголов, в которых |-LA| может быть анализирован как суффикс. Это, правда, отнюдь не обозначает, что во всех глаголах, оканчивающихся на |-LA|, последний будет являться полноценным суффиксом. Обращает на себя внимание отсутствие стадии клитики в (16). Это, однако, объясняется, прежде всего, тем, что данные современных языков не предоставляют нам достаточных оснований для реконструкции подобной стадии.

При рассмотрении данных, представленных в (16), неизбежно встает вопрос о том, почему из всех юго-восточных манде антиморфологизация произошла только в тура. Я полагаю, что ответ на этот вопрос следует искать, прежде всего, в том факте, что тура, насколько можно судить по имеющимся данным, оказывается единственным языком среди юго-восточных манде, так широко использующим транспозицию. В большинстве остальных юго-восточных манде данная конструкция либо малоупотребительна, либо вообще отсутствует. В то же время, именно наличие этой конструкции сыграло в тура ключевую роль в возникновении возможности альтернативного структурного анализа глаголов на |-LA| (см. раздел 3).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье мы рассмотрели случай частичной антиморфологизации глагольного словообразовательного суффикса |-LA| в языке тура. По сути, этот процесс представляет собой не что иное, как формальное проявление возникновения возможности альтернативного структурного анализа глаголов на |-LA| как сочетания обычного глагола и транспозирующего его вспомогательного глагола по аналогии с обычной транспозицией на *шб*. Вне всякого сомнения, возникновению данной возможности в значительной степени способствовало размытие исходной словообразовательной семантики |-LA|. В результате, в добавок к своей исходной словообразовательной функции интерпретирующей (или, в несколько иной терминологии, понижающей) актантной деривации |-LA| получил возможность параллельного использования в качестве вспомогательного глагола в конструкции транспозиции, что прежде должно было являться исключительной прерогативой вспомогательного глагола *шб* ‘совершать, делать’. Таким образом, в функциональном плане, частичную антиморфологизацию

|LA| можно рассматривать как случай адаптации («adaptation») [Heine 2003] или, скорее, репарадигматизации («reparadigmatization») [Vincent 1995]¹².

Рассмотренный случай антиморфологизации в тура представляет особый интерес как в типологическом, так и в теоретическом отношении. Во-первых, тура демонстрирует нам возможность частичной антиморфологизации. Антиморфологизация *|LA|* в тура оказывается ограниченной определенным грамматическим контекстом, в то время как в прочих контекстах *|LA|* сохраняет свой суффиксальный статус. Во-вторых, помимо примера дуализма с уффиксом/слабо автономная словоформа, тура демонстрирует нам возможность еще одного вида линейно-синтагматического дуализма – (незначащая) часть корня/слабо автономная словоформа, а также связанного с этим дуализмом существования таких причудливых морфологических единиц, как псевдословоформы.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

FOC – фокус, IZF – изафет, NEG – отрицание, PL – множественное число, PM – предикативный показатель (обязательный элемент любого финитного предложения, служащий локусом выражения большинства предикативных категорий), PP – послелог, SG – единственное число, SUBJ – подлежащее, TAM – категории времени-вида-модальности, TM – финальный показатель (маркирует определенные типы клауз), TRNS – показатель транспозиции (см. раздел 3)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выдрин 2001 – В.Ф. Выдрин. Фонологический тип и именная морфология в пра-манде. Дис. ... докт. филол. наук. СПб, 2001.
- Идиатов 2003 – Д.И. Идиатов. Структура глагола в языке тура (Западная Африка, семья манде): элемент *|LA|*. Маг. дип. р-та, СПб, 2003.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Bearth 1971 – T. Bearth. L'enonce toura. Norman, 1971.
- Campbell 2001 – L. Campbell. What's wrong with grammaticalization? // Language sciences. 2001. 23(2–3).
- Haspelmath 2004 – M. Haspelmath. On directionality in language change with particular reference to grammaticalization // O. Fischer, M. Norde, H. Perridon (eds.). Up and down the cline: the nature of grammaticalization. Amsterdam, 2004.
- Haspelmath, Müller-Bardey 2004 – M. Haspelmath, T. Müller-Bardey. Valence change // G.E. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan, S. Skopeteas (eds.). Morphology: a handbook on inflection and word formation, V. 2. Berlin, 2004.
- Heine 2003 – B. Heine. On degrammaticalization // B.J. Blake, K. Burridge, J. Taylor (eds.). Historical linguistics 2001: 15th international conference on historical linguistics, Melbourne, August 2001. Amsterdam, 2003.
- Idiatov 2005 – D. Idiatov. The exceptional morphology of Tura numerals and restrictors: Endoclitics, infixes and pseudowords // Journal of African languages and linguistics. 2005. 26(1).
- Idiatov 2008 – D. Idiatov. Antigrammaticalization, antimorphologization and the case of Tura // E. Seoane, M.J. López-Couso, T. Fanego (eds.). Theoretical and empirical issues in grammaticalization. Amsterdam, 2008.
- Janda 2001 – R.D. Janda. Beyond 'pathways' and 'unidirectionality': on the discontinuity of language transmission and the counterability of grammaticalization // Language sciences. 2001. 23(2–3).
- Kubrjakova 2000 – E.S. Kubrjakova. Submorphemic Einheiten // G.E. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan (eds.). Morphology: A handbook on inflection and word formation, V. 1. Berlin, 2000.
- Lass 2000 – R. Lass. Remarks on (uni)directionality // O. Fischer, A. Rosenbach, D. Stein (eds.). Pathways of change: grammaticalization in English. Amsterdam, 2000.
- Newmeyer 1998 – F.J. Newmeyer. Language form and language function. Cambridge, 1998.
- Vincent 1995 – N. Vincent. Exaptation and grammaticalization // H. Andersen (ed.). Papers from the 11th international conference on historical linguistics, Los Angeles, August 1993. Amsterdam, 1995.

¹² Здесь следует, правда, оговориться, что в случае тура репарадигматизация явилась следствием формального, а не функционального соответствия («matching») двух структур, транспозиции на *иб* и глагола на *|LA|*. В то время как для [Vincent 1995: 439] две структуры соответствуют друг другу («match»), когда они обладают «the same morphosyntactic dimensions – be they number, person, case or whatever».

© 2009 г. В.Ф. ВЫДРИН

ПРЕВЕРБЫ В ЯЗЫКЕ ДАН-ГУЭТА*

Превербы в языке дан-гуэта отличаются повышенной автономностью по отношению к глагольной основе. Они не только могут отделяться от глагола различными автономными словоформами, но и могут иметь при себе artikel, детерминативы, показатель множественности. Однако сферой действия этих определителей, присоединяемых к превербам, оказывается весь глагольный комплекс (преверб + глагол), при этом детерминативы приобретают обстоятельственные значения, определенный artikel выражает значение «предумышленности действия», а показатель плюралиса – глагольную множественность. Все это заставляет считать превербы частью аналитической формы глагола.

0. Дан-гуэта является одним из идиомов диалектного континуума дан, входящего в южную группу семьи манде (нигеро-конголезская макросемья). На нем говорят на крайнем западе Кот-д'Ивуара, недалеко от границ с Либерией и Гвинеей.

Дан-гуэта имеет пять уровневых тонов (*ā* сверхвысокий, *á* высокий, *ā* средний, *à* низкий, *ă* ультранизкий) и три контурных (*â* высоко-падающий, *ă* средне-падающий, *ă* сверхвысоко-падающий; последние два тона малочастотны)¹; в этом языке выделяется 12 неносовых гласных и 9 носовых:

Неносовые				Носовые			
Передние	Задние	Передние	Задние	Передние	Задние	Передние	Задние
	нелабиализов.		лабиализов.		нелабиализов.		лабиализов.
<i>i</i>	<i>ш</i>	<i>и</i>	<i>ø</i>	<i>i</i>	<i>ɯ</i>		<i>ɯ̥</i>
<i>e</i>	<i>γ</i>	<i>o</i>					
<i>ɛ</i>	<i>ʌ</i>	<i>ɔ</i>		<i>ɛ</i>	<i>ʌ</i>	<i>ɔ̥</i>	
<i>æ</i>	<i>a</i>	<i>ə:</i>		<i>æ̥</i>	<i>ḁ</i>	<i>ɔ̥̥</i>	

Важной особенностью консонантной системы является отсутствие носовых фонем: *m*, *n*, *l*, *ŋ* появляются только перед носовыми гласными и являются аллофонами неносовых имплозивных и сонантов – *b*, *d*, *y*, *w* соответственно.

В сфере морфологии яркой чертой является наличие до 20 серий личных местоимений, кумулятивно выражают различные аспекто-временно-модальные значения, падежи, прагматический статус, полярность [Выдрин 2006]. В сфере имени формируется морфологическая категория падежа; прилагательное имеет сложную систему образования форм множественного числа и интенсива.

Как и все языки манде, дан характеризуется фиксированным порядком слов: Подлежащее – Прямое дополнение – Глагольное сказуемое – Косвенное/Непрямое дополнение.

* Работа выполнена в рамках исследований по проекту «Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса гlosсированных текстов», поддержанному РГНФ (номер проекта 08-04-00144а).

¹ «Плавающий» ультра-низкий тон, который является в дан-гуэта экспонентом нескольких грамматических морфем (инфinitива; факультативно – местоимения 3 лица сд.ч. несубъектной серии), будет обозначаться апострофом после слова.

нение, часто с послелогом. При опущении прямого дополнения изменяется семантика глагола, который автоматически становится непереходным. Порядок слов в именной синтагме генетивного типа: определяющее – определяемое; в атрибутивной синтагме: определяемое – определяющее.

Существительные в дан подразделяются на два формальных класса: относительные (или реляционные; в первую очередь, названия частей тела и большинство терминов родства) и автосемантические. В сочетании с существительным или местоимением, обозначающим обладателя, автосемантические существительные требуют соединительной посессивной связки (*bä* в общем падеже, *gō* в локативном), а относительные в такой связке не нуждаются.

1. Превербы, модифицирующие лексическое значение глагола, имеются в большинстве языков манде². При том, что генетическая дистанция между наиболее удалёнными ветвями семьи манде весьма велика³, логика возникновения превербов во всех этих языках, по-видимому, одна и та же: они этимологически связаны с соответствующими относительными существительными с локативной семантикой и, возможно, с послелогами. Однако, формируясь в рамках этой логики, в разных языках превербы достигли различных ступеней эволюции и существенно отличаются по своему статусу и функционированию.

В наиболее изученных языках семьи, манинка и бамана, они, несомненно, являются «сильно связанными формантами» (в терминологии В.А. Плунгяна [2000: 33]). Здесь превербы обладают признаками неотделимости от глагольной основы и семантической связанности, но не обладают признаком фонетической связанности: преверб сохраняет свой тон, независимый от тона глагольной основы, а на морфемном стыке отсутствуют какие бы то ни было чередования или фузионные явления.

Существенно иначе обстоит дело в языках южной группы манде, где превербы оказываются отделимыми от глагольной основы, но при этом они сохраняют несомненную семантическую связанность с ней. Рассмотрим специфику поведения превербов в языке дан-гуэта, данные по которому, в интересующем нас отношении, наиболее полны.

2. Прототипической можно считать такую превербную конструкцию, в которой глагол является переходным, а преверб непосредственно предшествует глагольной основе:

(1a)	<i>Għāt-ö</i>	<i>u-</i>	<i>u-</i>	<i>b-</i>	<i>ä-</i>	<i>għ-</i>	<i>d-</i>	⁴
	Гбато	3SG.PRF	работа	ART	3SG.NSBJ	голова-	останавливать	
	'Гбато завершил работу'.							

² Статус и характеристики превербов в языках манде уже обсуждался, в предварительном плане, в докладе на Чтениях памяти А.А. Холодовича в 2006 году [Выдрин 2006]. Новые материалы по дан-гуэту, полученные в ходе полевых исследований в 2007 г., существенно изменили картину и потребовали совершенно нового анализа.

³ Так, между языками групп манден и восточными манде обнаруживается 24–28 сходствий по 100-словному списку М. Сводеша, т.е. несколько меньше, чем между современными славянскими и романскими языками.

⁴ В статье приняты следующие сокращения:

ART – определенный artikelъ

DUR – показатель дуратива

FCT – показатель фактатива

FOC – показатель фокализации

INT – интенсив

JNT – показатель сопряженной конструкции

NSBJ – несубъектная серия личных местоимений

PL – показатель множественного числа

POSS – посессивный показатель

PRF – перфект

PST – показатель прошедшего времени

REFL – рефлексивное местоимение

SG – единственное число.

Яркой особенностью глагольных превербов в дан-гуэта является их повышенная автономия по отношению к глагольной основе. При этом считать их автономными словоформами существительных, по-видимому, оснований недостаточно, поскольку они не могут образовывать самостоятельно минимальное высказывание⁵, но набор элементов, способных разделять преверб и глагольную основу, оказывается весьма внушительным.

Во-первых, при интранзитивизации глагольной конструкции между ними оказывается субъектный местоименный индекс:

- (1b) *Yā bā g̩ yà d̩*
работа ART голова 3SG.PRF останавливать
'Работа завершилась'.

Во-вторых, справа от преверба может помещаться детерминатив-фокализатор *d̩*. В дан-гуэта возможен факультативный вынос фокализуемой именной группы в крайне левую позицию; если это происходит с превербом, то вместе с ним выносится влево и вся ИГ прямого дополнения:

- (2a) *Gbätō yà ȝ bā d̩ēb̩l t̩ä-k̩*.
Гбато 3SG.PRF 3SG.REFL POSS женщина поверхность-хватать
'Гбато помог своей жене'.
(2b) *ȝ bā d̩ēb̩l t̩ä d̩ k̩*⁶.
3SG.REFL POSS женщина поверхность FOC 3SG.JNT-3SG.NSBJ хватать.JNT
'Он именно помог своей жене'.

Кроме того, между глаголом и превербом могут помещаться и другие детерминативы (*gbà* 'все', *bá* 'некий' и др.), artikel *bā*, показатель множественности *-d̩ì*, прилагательные.

3. Все это наводит на мысль о том, что это – не преверб, а часть ИГ прямого дополнения⁷ – или, напротив, самостоятельная ИГ.

Второе решение ставит довольно непростой вопрос: какую синтаксическую функцию следует приписать этой ИГ? Дело в том, что во всех языках манде действует жесткое правило: в позиции между подлежащим и глагольным сказуемым может находиться только ИГ прямого дополнения⁸. Если же оказывается, что в этой позиции помещаются две независимые ИГ, то следует признать,

а) что это правило в дан-гуэта нарушается, и одну из ИГ нужно считать каким-то иным членом предложения (но каким?), или

⁵ Надо оговориться, что в языке дан и для существительных способность образовывать минимальное высказывание понижена: по-видимому, они могут образовывать его только в сочетании с бытийной копулой. Впрочем, для превербов и такое употребление оказывается невозможным.

⁶ «Сопряженная конструкция» необходима, в частности, при фокализации именной группы с выносом ее влево. Эта конструкция маркируется изменением тона глагола (низкий – вместо высокого). Плавающий ультразвуковой тон, обозначаемый апострофом, представляет местоименную репризу – это алломорф несубъектного местоимения 3 лица единственного числа ('полный' алломорф – *ä*), коррефентного вынесенной влево именной группе.

⁷ К такому решению, применительно к близкородственному языку тура, склоняется Д.И. Идиатов (личное сообщение).

⁸ Впрочем, в некоторых языках манде в этой позиции допустимы и наречия в функции сирконстантов.

б) что в дан-гуэта глагол может иметь два прямых дополнения одновременно. При таком подходе интересующие нас конструкции можно было бы сравнить с латинскими конструкциями с двумя прямыми дополнениями типа:

<i>Latag-it</i>	<i>оссира-t</i>	<i>os</i>	<i>faciem-que.</i>
Латаг-ACC	ударять.PRES-3SG	рот.SG.ACC	лицо.SG.ACC-и
'Он ударяет Латага в рот и в лицо' [Thomsen, Herslund 2002: 28].			

И в том, и в ином случае выводы звучали бы весьма революционно с точки зрения традиции изучения языков манде.

В отсутствие каких-либо морфологических критериев, для принятия решения о статусе интересующих нас элементов остается обратиться к критериям семантической и синтаксической связанности. Результат оказывается следующим.

Для всех сочетаний «преверб + глагольная основа» характерно наличие семантической связанности. Рассмотрим случаи, когда преверб присоединяет детерминативы:

(2c) <i>Għātō yà</i>	<i>γ̄</i>	<i>bā</i>	<i>dēħl</i>	<i>tā-dū</i> .	<i>ký</i>
Гбато	3SG.PRF	3SG.REFL	POSS	женщина	поверхность-PL
'Гбато помог своей жене несколько раз'.					

(2d) <i>Għātō yà</i>	<i>γ̄</i>	<i>bā</i>	<i>dēħl</i>	<i>tā</i>	<i>bā</i>	<i>ā</i>	<i>ký</i>
Гбато	3SG.PRF	3SG.REFL.	POSS	женщина	поверхность	ART	3SG.NSBJ
'Гбато помог своей жене' (в том деле и тем способом, о котором ранее шла речь).							

(2e) <i>Għātō yà</i>	<i>γ̄</i>	<i>bā</i>	<i>dēħl</i>	<i>tā</i>	<i>gbaq pērē</i>	<i>ký</i>
Гбато	3SG.PRF	3SG.REFL	POSS	женщина	поверхность	все каждый хватать
'Гбато помог своей жене всеми возможными способами'.						

(2f) <i>Għātō yà</i>	<i>γ̄</i>	<i>bā</i>	<i>dēħl</i>	<i>tā</i>	<i>iekk</i>	<i>bā</i>	<i>ký</i>
Гбато	SG.PRF	3SG.REFL.	POSS	женщина	поверхность	другой	некий хватать
'Гбато помог своей жене еще раз'.							

(2g) <i>Għātō yà</i>	<i>γ̄</i>	<i>bā</i>	<i>dēħl</i>	<i>tā</i>	<i>sɛx bá</i>	<i>ký</i>
Гбато	3SG.PRF	3SG.REFL	POSS	женщина	поверхность	маленький хватать
'Гбато слегка помог своей жене'.						

Как легко убедиться, сфера действия определяющего всегда захватывает весь комплекс «преверб + глагол» и никогда не затрагивает ИГ, стоящую слева от преверба. Таким образом, язык дан-гуэта демонстрирует довольно парадоксальное свойство: проявляя формальные признаки самостоятельной ИГ, преверб оказывается надежно интегрирован в глагол семантически, так что все присоединяемые им детерминативы выражают, по сути дела, обстоятельственные значения, модифицируя соответствующим образом значение всего глагольного комплекса. Можно сказать, что «традиционно именные» категории в данном случае проецируются на глагол:

именная множественность → глагольная множественность,
определенность существительного → «предумышленность» действия,
уменьшительность → аттенуатив
и т.д.

Итак, приходится отвергнуть оба высказанные выше предположения («преверб – часть ИГ прямого дополнения», «преверб – независимая ИГ») и признать преверб частью глагольного комплекса.

Остается открытым вопрос о месте превербов на шкале линейно-сintагматического континуума языковых единиц [Плунгян 2000: 32–34]. Надо сказать, что к языкам типа дан, в которых отсутствует ударение и иные способы просодической связи единиц более крупных, чем метрическая стопа, трудно применить понятие «клитика», само выделение которого основано на признаке просодической несамостоятельности единицы⁹. Очевидным образом, глагольные превербы дан нельзя отнести ни к одному из этих классов: связанной морфемой (в смысле Плунгяна) преверб не является в силу своей высокой отделимости, автономной словоформой – в силу своей синтаксико-семантической интегрированности с глагольной основой, которая выявляется по формальному критерию сферы действия определения при превербе.

Можно лишь констатировать, что преверб в дан-гуэта является частью аналитической глагольной словоформы с высокой степенью отделимости.

Наиболее очевидная аналогия, которая приходит в голову в связи с превербами дан-гуэта – немецкие отделяемые приставки. Сходными оказываются не только их отделимость, но и природа этих элементов, и их очевидная этимологическая связь с локативными адлогами. Как известно, И.А. Мельчук считает, что в немецком языке эти элементы являются префиксами в тех случаях, когда они оказываются непосредственно перед глагольными основами или отделяются от основы инфинитива частицей *zu*. Когда же такой элемент отделяется от финитной словоформы и помещается в конец предложения, то он предлагает трактовать его как «речевую словоформу», составляющую с остальной частью глагольной формы «вторичную фразему» [Мельчук 1997: 189–191].

По сравнению с немецкими «отделяемыми приставками», превербы дан-гуэта проявляют дополнительные признаки автономности, а именно – способность присоединять детерминативы и прилагательные, оставаясь при этом, парадоксальным образом, семантически интегрированными в глагол. Очевидно, в рамках подхода И.А. Мельчука, сочетания превербов с глагольными основами, от которых они отделены различными словоформами, могли бы рассматриваться в дан как «вторичные фраземы».

4. Говоря о лексикализации сочетаний превербов с глагольными основами, необходимо уточнить, что именно имеется в виду.

Действительно, во многих случаях значение превербного глагола более или менее идиоматично, т.е. не выводится прямо из суммы значений преверба и глагольной основы:

gš ‘внутренняя часть’ + *bāä* ‘чинить’ → *gš-bāä* ‘улаживать’ (спор)
tā ‘поверхность’ + *bō* ‘убирать’ → *tā-bō* ‘разгружать, освобождать от ноши’
dīñ ‘кончик’ + *bō* ‘убирать’ → *dīñ-bō* ‘присматривать за’ (ребенком)
dīñ ‘кончик’ + *yā* ‘класть’ → *dīñ-yā* ‘прерывать’ (оставлять незаконченным) и др.

Однако имеется достаточно много случаев, когда значение превербного глагола оказывается вполне предсказуемым:

zī ‘вокруг’ + *bō* ‘убирать’ → *zī-bō* ‘расчищать вокруг’
gō ‘голова’ + *lōč* ‘опускать’ → *gō-lōč* ‘склонять голову’
gš ‘внутренняя часть’ + *zī* ‘мыть’ → *gš-zī* ‘мыть изнутри’
bāä ‘поверхность’ + *rā* ‘лизать’ → *bāä-rā* ‘облизывать’ и т.д.

Наконец, нередко присоединение преверба практически не изменяет значение глагола:

rī = *dī-rī* ‘открывать’ (*dī* ‘рот, отверстие’)
blīš = *dīñ-blīš* ‘резко толкать’ (*dīñ* ‘край’) и др.

⁹ Уточним сказанное: в некоторых случаях дву- и многостопные слова в дан выделяются по фонетическому критерию, но это касается только производных форм прилагательных (интенсивных и плюральных). В какой-то мере допустимо говорить и о клитизации личных местоимений дан, гласные которых ассимилируются гласным предшествующего слова. Но, в любом случае, для понимания статуса превербов это нам ничего не дает.

Если основываться только на критерии идиоматизации (т.е. критерии семантического сдвига), то отличить глагольные превербы от именных основ, входящих в ИГ прямого дополнения, было бы трудно. Рассмотрим следующую фразу:

(3a) *Lāvŷdī ū ū bā d'ā bā-pā-sīl.*

Авенир 3SG.FCT 3SG.REFL POSS ребёнок поверхность-лизать-DUR
‘Авенир (имя собаки) облизывает своего щенка’.

В принципе, судя по примерам типа (3a), можно было бы признать, что преверб входит в состав ИГ прямого дополнения: ‘Авенир лижет поверхность своего щенка’.

Таким образом, главным критерием идентификации превербов оказывается сфера действия присоединяемых ими детерминантов и прилагательных. Значение фразы (3b) оказывается ‘Авенир снова лижет своего щенка’, а не *‘Авенир лижет новую поверхность (или ‘новую кожу’?) своего щенка’, чего можно было бы ожидать при трактовке преверба как части прямого дополнения:

(3b) *Lāvŷdī ū ū bā d'ā bā-deē pā-sīl.*

Авенир 3SG.FCT 3SG.REFL POSS ребёнок поверхность новый лизать-DUR

Применение этого достаточно строгого и формального критерия показывает, что сочетание превербов с глагольными основами далеко не предсказуемо: количество превербных глаголов в дан-гуэта намного меньше того, которого можно было бы ожидать, исходя из потенциальных возможностей сочетаний смыслов превербов и глагольных основ. Например, можно сказать *bā-pā* ‘облизать’ (букв.: ‘поверхность-лизать’), но нельзя – **gŷ-pā* ‘вылизать изнутри’ (букв. ‘внутренность-лизать’). Можно сказать *gŷ-bo* ‘убрать вокруг’, но нельзя **w/ŷ-bo* ‘убрать под’ и т.д.

В этих жестких ограничениях на синтаксику превербов, в первую очередь, и состоит лексикализация превербных глаголов в дан-гуэта.

5. В ходе проходившей недавно интернет-дискуссии о статусе превербов в южных языках манде высказывалась и такая идея: превербы здесь можно считать особыми употреблениями послелогов. При этом предлагалось также рассматривать и превербы, и послелоги как ипостаси относительных существительных с локативным значением¹⁰.

Такое предположение кажется заманчивым: действительно, в дан (как и в других языках манде) превербы и послелоги чаще всего материально идентичны, и семантика их также явным образом коррелирует. Чтобы проверить его, рассмотрим локативные превербы, послелоги и соответствующие существительные в дан-гуэта (Таблица 1).

Пояснение к таблице (с. 99). В тех случаях, когда преверб соотносится с существительным, его значение, по сути дела, является подмножеством значений соответствующего существительного – с поправкой на большое количество случаев сильной лексикализации, когда значение преверба вычленить практически невозможно. В тех случаях, когда для всех глаголов с каким-либо превербом характерен сильный семантический сдвиг (по сравнению с соответствующим глаголом без преверба), так что вычленение значения преверба оказывается затруднительным, ставится помета LEX.

¹⁰ Собственно говоря, сходное мнение высказывалось Уильямом Уэльмерсом в работах по языку клелле (юго-западная группа манде) в 1960-х годах.

Таблица I

Корреляция между превербами, послелогами и существительными в дан-гуэта

	преверб	послелог	существительное
<i>bā</i>	<i>bā ~ bā</i> поверхность	на	—
<i>bāà</i>	—	в (воде), у (воды), из (воды); у, к (посессивно-локативное значение)	—
<i>dē</i>	место	перед; для	место; необходимость
<i>dī</i>	отверстие; дверь	—	рот; отверстие; дверь
<i>dīñ</i>	край	перед; до	кончик, острис; вершина
<i>gō</i>	голова	значения обладания, бенефактива и малефактива, причины	голова; верхушка; исток, завершение
<i>gū</i>	внутренняя часть	в	—
<i>ká</i>	—	с, на, в (tempоральное значение); инструментальное значение	—
<i>kēj</i>	—	вслед за; за (значение цели)	—
<i>kōō</i>	—	значение агента действия или причины	—
<i>pīñ</i>	LEX	у, к (посессивно-локативное значение)	—
<i>plōñ</i>	—	у, к (посессивно-локативное значение)	—
<i>sōō</i>	—	рядом с	—
<i>tā</i>	поверхность	на	—
<i>tāàbā</i>	—	за, позади	—
<i>wlōñ</i>	низ	под	—
<i>yā</i>	глаз; способ	—	глаз; цвет; способ
<i>zō</i>	(сердце)	—	—
<i>zī</i>	окружность	вокруг, по кругу	—

Из таблицы видно, что соотношение между превербами и послелогами далеко не такое однозначное, как может показаться на первый взгляд. Послелоги *bāà*, *ká*, *kēj*, *kōō*, *plōñ*, *sōō*, *tāàbā* не имеют соответствий среди превербов; превербы *dī*, *yā*, *zō* не имеют соответствий среди послелогов. Очень многие превербы и послелоги не имеют прямых соответствий среди существительных.

Следует отметить, что в дан-гуэта имеется и некоторое количество превербов, которые (в отличие от тех, которые рассматривались до сих пор) не соотносятся с послелогами, при этом они восходят к существительным с не-локативной семантикой:

dē-kā ‘лечить’ («лист/лекарство-делать»)

dō-kā ‘выказывать почтение; поклоняться’ («любовь-делать»)

dī-gā ‘пробовать на вкус’ («вкус-смотреть»)

rl-kā ‘делать, изготавливать; чинить’ («вещь-делать»; лексический средний тон преверба меняется на ультратризкий, как в конечной позиции в генитивной синтагме)

rl-yā ‘писать’ («вещь-усаживать»).

По критерию сферы действия прилагательных и детерминантов (который был признан выше ключевым) эти превербы ничем не отличаются от остальных:

(4a) *Gbatò yጀ kጀ dጀ̄j dጀ̄-kጀ̄.*

Гбато 3SG.FCT PST гость любовь-делать.FCT
‘Гбато выказал почтение гостю’.

(4b) *Gbatò yጀ kጀ dጀ̄j dጀ̄ sጀ̄̄ dጀ̄ kጀ̄ bāā-kጀ̄ ká*

Гбато 3SG.FCT PST гость любовь маленький дслать.FCT маниока-паста с
‘Гбато слегка почтил гостя кашей из маниоки’¹¹.

Наконец, существуют превербы, которые не имеют ни соотносимых существительных, ни послелогов. Один из таких превербов, *zō*, приведен в Таблице 1; вот еще два (каждый из них употребляется в сочетании только с одной глагольной основой):

dጀ̄-krō ‘спрашивать’ («вопрос-расстилать»),

yጀ̄-kጀ̄ ‘возвращаться’ («возвращение-делать»).

Можно отметить и другие, более частные, расхождения между превербами и послелогами.

Например, преверб *bā* имеет назальный вариант *bā̄*. Отчасти эти варианты свободно варьируют, отчасти они лексически закреплены: *bā̄-kī* ‘оставлять в залог’ (поверхность-хватать), *bā̄-kwā̄* ~ *bā̄-kwā̄* ‘чистить, очищать’ (фрукт, овощ – ножом), *bā̄-rā* ~ *bā̄-rā̄* ‘облизывать’ и т.д. У соответствующего послелога назализованный вариант отсутствует.

Для некоторых послелогов (*kēj̄*, *sō̄*, *zī̄*) в дан-гуэта допустима редупликация, которая выражает значения множественного числа ИГ непрямого/косвенного дополнения или итеративности глагола:

(5) *Yጀ̄ zī̄t̄ n̄ kēj̄kēj̄ ghé.*

3SG.FCT проходить.FCT 1SG.NSBJ за ~INT много

‘Он всё время за мной ходит’.

(6) *Dās̄-dū wā ghā krō kō-dū zī̄-zī̄.*

солдат-PL 3PL.PRF шалаш раскладывать дом-PL вокруг ~ INT

‘Военные устроили засаду вокруг домов’.

Для преверба *zī̄* подобная редупликация невозможна (напомню, что превербы **kēj̄*, **sō̄* в дан-гуэта отсутствуют).

Все это свидетельствует о том, что, при несомненной этимологической связности послелогов, превербов и существительных с локативной семантикой, считать их синтаксически обусловленными вариантами одной лексемы, с точки зрения синхронии, было бы неправильным.

6. В проанализированном материале встретился по крайней мере один случай, который ставит под вопрос предложенную выше трактовку превербных глаголов. Рассмотрим следующий пример:

(7) *sh̄ kō-rā “ā ká.*

2SG.NSBJ рука-трогать 3SG.NSBJ с

‘Дотронься до него (рукой)’.

¹¹ Маниока не считается у дан престижной пищей; почетного гостя полагается угостить курицей с рисом.

Если исходить из предложенного выше критерия, то *kō* можно со всеми основаниями считать превербом: между ним и глагольной основой может быть вставлен детерминант, сфера действия которого распространяется на весь глагольный комплекс (*sh kō sē̄s pl rā á ká*. ‘Коснись его рукой слегка’).

Выясняется, что вместо *kō* в качестве преверба могут быть подставлены и другие существительные, которые могут служить «орудиями касания»: *gē* ‘нога’, *dī̄* ‘палка’, *bī̄* ‘ружьё’ и т.д. Ограничения тут явно не лексического, а семантического характера, и список потенциальных превербов при глагольной основе *rā* оказывается принципиально открытым.

По-видимому, в данном случае мы имеем дело с элементами инкорпорации. Развитие в этом направлении конструкций с глаголом *rā* объясняется, по-видимому, его «инвертированной» актантной структурой (Инструмент занимает синтаксическую позицию прямого дополнения, а Пациент – позицию непрямого дополнения, оформленного инструментальным послелогом). Представляется маловероятным, чтобы подобная эволюция стала доминирующей тенденцией для пресвербных глаголов.

7. Говоря о возможности присоединения детерминантов и прилагательных к превербам, нужно уточнить, что значение этих определяемых элементов оказывается несколько иным, чем в составе «настоящих» ИГ. Как правило, семантическая трансформация происходит вполне предсказуемым образом.

детерминативы	в составе ИГ	при превербе
<i>bá</i>	какой-то	каким-то образом
<i>bā</i>	определённый артикль	неким (заранее оговорённым, известным) образом
<i>dā</i>	фокализация ИГ	фокализация глагола
<i>-dī̄</i>	показатель множественного числа	показатель глагольной множественности
<i>ghā</i>	все, всё	всеми способами
прилагательные		
<i>blō̄sī̄</i>	глупый	глупо
<i>blū̄blū̄sī̄</i>	поразительный, чудесный	чрезвычайно
<i>dē̄</i>	новый	снова
<i>glā̄glā̄sī̄</i>	трудный	неохотно, против воли
<i>gbé</i>	большой; многочисленный	много; очень, сильно
<i>ghlīghlī</i>	большие	много
<i>kř̄ī</i>	большой; многочисленный	много; очень, сильно
<i>sē̄dā̄</i>	маленький	немного, слегка
<i>ħā̄dē̄</i>	хороший	очень хорошо
<i>wē̄</i>	другой	ещё раз
<i>wē̄wē̄</i>	пустой	бесплатно, безвозмездно
<i>wlā̄sī̄</i>	бесполезный	без пользы, понапрасну
<i>yā̄</i>	плохой	плохо (недостаточно, некачественно)
<i>ȝī̄sī̄</i>	страшный	безмерно

Прилагательные, способные выступать в дан-гуэта в качестве определяющего к превербу, по-видимому, в основном и сводятся к этому списку¹². И это вполне объяснимо: семантика этих прилагательных такова, что на ее основе легко развиваются аспектуальные или сирконстантные значения.

Впрочем, и здесь не обошлось без лексикализации: так, логически трудно объяснить, почему преверб может иметь в качестве определения прилагательное *bliðsíð* ‘глупый’, но не прилагательное *kroðsíð* ‘мудрый’ или *kréððsíð* ‘разумный’.

8. Попробуем подвести итог рассмотрения превербов в дан-гуэта.

Происхождение превербов (как, впрочем, и послелогов) в дан-гуэта от существительных очевидно. Однако они проделали к настоящему моменту достаточно большой путь по шкале грамматикализации, так что эту связь следует рассматривать именно как этимологическую, а не синхронную. Очевидно, основной следует считать модель, по которой ИГ прямого дополнения является внешним посессором по отношению к превербу (интегрированному в состав аналитической глагольной словоформы). Однако существуют и другие, более редкие, модели, представленные формами типа *þe-kl* ‘лечить’ («лист/лекарство-делать»), *rá-kl* ‘делать, изготавливать; чинить’ («венец-делать») и т.п.¹³ (см. выше, раздел 5). Такая гетерогенность превербов – дополнительный аргумент против того, чтобы считать их единой с послелогами категорией. Очевидно, процесс образования новых превербов продолжается.

Особенно яркой чертой дан-гуэта является высокая степень отделимости превербов от глагольных основ. С другой стороны, поскольку присоединяемые к превербам детерминанты и прилагательные имеют в качестве сферы действия всю аналитическую глагольную словоформу, именно присоединение прилагательного или детерминатива оказываются надежным критерием идентификации превербов и дополнительным фактором интеграции преверба в глагол.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выдрин 2006 – В.Ф. Выдрин. Локативные превербы в языках манде // Проблемы типологии и общей лингвистики. Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. А.А. Холодовича. СПб., 2006.
- Мельчук 1997 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. I. М.; Вена, 1997.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Thomsen, Herslund 2002 – O.N. Thomsen, M. Herslund. Complex predicates and incorporation: An introduction // Complex predicates and incorporation: A functional perspective: Travaux du Cercle linguistique de Copenhague. V. XXXII. Copenhagen, 2002.

¹² Я проверил на возможность вставки внутрь превербного глагола *tā-kič* ‘помогать’ весь имеющийся у меня список прилагательных дан-гуэта. Возможно, при сплошной перекрестной проверке обнаружатся еще какие-то прилагательные, способные сочетаться с другими превербными глаголами, однако число их вряд ли будет велико. С другой стороны, каких-то из упомянутых здесь прилагательных и детерминативов, несомненно, не смогут сочетаться с теми или иными превербными глаголами по причине лексической несовместимости. Например, после преверба глагола *zō-gó* ‘думать, не забывать’ («сердце-?») можно вставить некоторые прилагательные и детерминативы, но не артикль *ba* – очевидно, значение конкретности не сочетается с абитуальной семантикой этого глагола.

¹³ Ср. форму бамана *fúrá-ké* ‘лечить’ («лист/лекарство-делать»), которая может считаться свидетельством древности данной модели для языков манде.

© 2009 г. Ж. БАГАНА, Е.В. ХАПИЛИНА

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ФРАНКОФОННОЙ «ЧЕРНОЙ» АФРИКИ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

В данной статье делается попытка осветить основные направления языковой политики таких франкоязычных стран «Черной» Африки, как Камерун, Сенегал и ЦАР, так как именно примеры этих государств представляют собой основные образцы языковых политик, существующих сегодня во франкоязычных странах африканского континента.

В постоянно изменяющемся мире, на фоне многочисленных политических и социальных перемен, вопросы языковой политики становятся все более и более актуальными, а их изучение в социолингвистическом контексте стран африканского континента представляет собой интересный пример и вносит вклад в теоретические разработки.

Что касается понятия «языковая политика», то на данный момент не существует его единой трактовки. Так, Н.Б. Мечковская определяет языковую политику как все виды сознательной деятельности общества, направленной на регулирование использования языка [Мечковская 2003: 199]. В своей книге «Языковое планирование» Д. Дауст и Ж. Море дают следующую трактовку понятию: «Языковая политика – долговременное сознательное усилие, поддерживаемое правительством, в целях изменения функций языка внутри общества для решения коммуникативных проблем» [Daoust, Maurais 1987: 11].

Интересными и вполне оправданными, на наш взгляд, являются определения, в которых указывается на многонациональность общества. Некоторые зарубежные лингвисты определяют языковую политику как «изучение и систематическую организацию языковой проблемы, касающейся какого-либо общества, главным образом многоязычного» [Dumont, Maurais 1997: 60]. В свою очередь, Н.Ф. Алефиренко под языковой политикой также понимает всю практику сознательного регулирования стихийных языковых процессов, протекающих в многонациональных и однонациональных странах [Алефиренко 2004: 60].

Невозможно не согласиться, что языковая политика является составной частью национальной политики и осуществление ее в многонациональном и однонациональном государстве имеет свои особенности, так как проблемы и основные вопросы языковой политики неразрывно связаны с языковой ситуацией и их отдельное рассмотрение невозможно. Как правило, под языковой ситуацией понимается совокупность языковых образований, обслуживающих континuum общения в определенной этнической общности или в административно-территориальном объединении (см. [Никольский 1976: 79–80]). Языковая политика должна обязательно учитывать реальные языковые ситуации, отношение различных общественных групп к использованию того или иного языка и условия языкового употребления, которые могут варьироваться от страны к стране и тем самым создавать благоприятные условия для языковой коммуникации. Так, для упрочнения завоеванной политической независимости молодые африканские государства поставили перед собой цель окончательно избавиться от последствий колониализма во всех сферах общественной жизни. Социально-экономические и идеино-политические преобразования повлекли за собой множество проблем, наиболее важные из которых – языковые. Главной задачей языковой политики освободивших-

ся от колониальной зависимости стран африканского континента в 60-е годы прошлого века стал выбор государственного языка страны. А основной тенденцией – высказывание патриотических идей о необходимости переходить на национальные языки, отодвинув на задний план языки бывших метрополий.

Спустя десятилетия после обретения независимости, вопросы языковой политики рассматриваются в несколько ином ракурсе. В отношении французского языка наметились две тенденции: с одной стороны, распространение мысли о том, что без французского языка невозможно культурное, экономическое, политическое развитие, а с другой – поддержка идеи о том, что французский язык является инструментом империализма и культурного отчуждения. Власти многих франкоязычных государств заняли промежуточную позицию, которая состоит в том, что использование европейского языка не должно мешать национальным языкам, и рекомендуют приложить все усилия по их распространению в области образования, в политической и административной жизни [Ndinga-Oba 1989: 237].

Формула «французский – да, но не в ущерб национальным языкам» как нельзя лучше подчеркивает позицию властей. Сегодня при выборе официального языка руководство африканских государств придерживается принципа демократичности, который состоит в признании официальным языка, наиболее удовлетворяющего предъявляемым требованиям. Официальным может быть объявлен как наиболее развитый и распространенный среди населения местный язык, так и заимствованный язык, если к нему приобщено большинство населения страны. Но стоит отметить, что демократический подход часто мешает эффективности выбора, так как не все местные языки формально готовы для выполнения официальных функций, а импортированные языки распространены среди незначительной части населения.

В данной статье рассматриваются ситуации, сложившиеся в трех многонациональных государствах [Камеруне, Сенегале, Центральноафриканской Республике (ЦАР)], так как, по нашему мнению, именно эти страны дают нам значительную часть общей картины языковой политики на территории франкофонной «Черной» Африки.

Языковая политика этих стран характеризуется строго *экзоглоссной* направленностью, поскольку выполнение официальных функций обеспечивается исключительно «импортированным» языком, а местные языки в отдельных случаях наделяются статусом национальных языков. Так, в ЦАР национального статуса удостоен один местный язык, тогда как в Сенегале шесть местных языков возведены в ранг национальных языков страны. Языковая политика, при которой в сферу официального общения допущены сразу два европейских языка (французский и английский), характерна для Камеруна, тогда как собственно камерунские языки лишены как официального, так и национального статуса.

На рубеже 50–60-х годов на карте Африки появилось множество новых независимых государств, а в результате деколонизации между различными языками и диалектами в образовавшихся политико-административных объединениях создалась сложная система взаимоотношений. С функциональной точки зрения, все языки можно отнести к двум группам: языки внутриэтнического общения, языки межэтнического общения. Язык внутриэтнического общения – это, как правило, родной язык, который определяет принадлежность индивида к данному этносу. Языки межэтнического общения – языки, выполняющие функцию средства внутриэтнического общения и, насчитывая большое количество коренных носителей, используются также представителями других этносов. Таким образом, эти языки выходят за пределы этносов и выполняют функцию межэтнического общения. В любом случае функция языка межэтнического общения состоит в том, чтобы облегчить и упорядочить процесс коммуникации между членами разных этнических групп.

Что касается европейских языков, то они выполняют, как правило, важные функции межэтнического и межгосударственного общения, а также языка образования, науки, современного производства, средств массовой информации. Имея статус официального языка и не являясь родным для местного населения, европейский язык

представлен в Африке своим *территориальным вариантом*. Находясь на сегодняшний день в ситуации диглоссии, правительствам указанных стран приходится вести языковую политику в двух направлениях. С одной стороны, придание особой культурной значимости автохтонным языкам делает крайне необходимым выработку в их отношении определенной языковой политики. С другой стороны, в большинстве государств окончательно не определен статус и роль европейского языка.

Говоря о языковой политике в Африке, следует отметить, что к ее законодательному закреплению многие страны континента еще не готовы. На сегодняшний день далеко не все государства в своих конституциях имеют положения, закрепляющие за языками определенные функции.

Тем не менее, после обретения независимости африканскими государствами были определены центральные мероприятия в области языковой политики: 1) выбор языка межэтнического общения; 2) выбор официального языка; 3) выбор языка учебного процесса; 4) выбор языка судебной системы и местного общения; 5) выбор языка религии; 6) выбор языка средств массовой информации.

Выработка языковой политики сталкивается с множеством проблем. Во-первых, местное население не стремится к развитию родного языка, языка традиционной культуры. Для среднего африканца, желающего успеха для своих детей, а также для интеллектуальной элиты, посылающей детей учиться в Европу, будущее связано исключительно с европейским языком. Ситуация может измениться в том случае, если будут предприняты меры, направленные на пропаганду местных языков, на искоренение представлений о том, что они не могут способствовать социальному, экономическому и культурному развитию.

Языковая политика ЦАР

В Центральноафриканской Республике (ЦАР), получившей независимость в 1960 году, в 1963 году была создана комиссия по изучению языка санго, и в этом же году он стал государственным языком. Если в некоторых полизтических странах иногда проявляется языковой национализм, то в ЦАР этого не было, так как санго был и политически, и этнически нейтральным языком. Его статус де-факто сложился задолго до придания ему статуса государственного. Выдвижение санго в ранг национального было вызвано идеологическими соображениями. После освобождения перед правительствами африканских стран стала проблема выбора и пропаганды общенационального языка как одной из составных частей политики консолидации страны.

Решение правительства ЦАР принять местный африканский язык санго де-юре в качестве национального явилось логическим следствием языковой ситуации, которая сложилась здесь еще в доколониальный период.

В настоящее время социолингвистическая ситуация в ЦАР представляет собой настоящее равновесие между французским языком – языком администрации и политики, и санго – межэтническим языком и другими местными африканскими языками.

Если многочисленные этнические группы ЦАР самоопределяются благодаря своим собственным языкам, то санго по праву можно назвать языком всех жителей страны, хотя языком власти и экономики по-прежнему остается французский язык.

В провинциальных городах санго остается языком-посредником, который также в большей степени употребляется молодежью в повседневной речи. Его широкое использование молодыми людьми, без всякого сомнения, служит своего рода «двигателем», способным возвести санго в ранг языка нового поколения.

Социолингвистический опрос, проведенный Г. Манесси и П. Вальдом в одном из городов ЦАР [Manessy, Wald 1984], доказал, что французский язык и санго – два «общественных» языка, находящихся в процессе соревнования «в городах без традиций» колониального происхождения, где межэтнические коммуникации осуществляются посредством общения на санго, тогда как французский язык, являясь официальным языком, используется в системе образования, интернациональных связей, как язык со-

временной литературы. Таким образом, санго находится на пути к тому, чтобы стать «первым» языком у многочисленных жителей страны.

О языке санго написано много трудов (А. Кеффелек, Ж. Манесси, П. Вальд, П. Александр, С.Р. Табер, К. Агуда, К. Чокомбо, Е. Амбенда, В.А. Виноградов, В.Я. Порхомовский, А.И. Коваль, В.П. Хабиров, Л.Г. Веденина, Л.Ю. Сагоян). Однако точки зрения, касающиеся этого языка и его статуса, варьируются согласно тому, кто высказывает по данному вопросу. Особый интерес представляют дискуссии между африканскими учеными и европейскими исследователями, проживающими или работающими в ЦАР. Так, первые единогласно уверены в том, что санго необходимо рассматривать как национальный центральноафриканский язык, то есть язык национального единения, кроме того, они верят в то, что каждый житель ЦАР «достоин» санго и умеет им пользоваться. Эта точка зрения совпадает с общественным мнением, подтверждением чему служат многочисленные поправки в законодательстве.

На сегодняшний день правительство ЦАР рекомендует всячески поощрять развитие санго, а также приложить все усилия по его распространению в области образования, в политической и административной жизни.

Необходимым условием функционирования национального языка является стандартизация, включающая в себя и терминотворческую деятельность.

Язык санго, воспринимаемый жителями ЦАР как народный язык, становится все более и более известным и востребованным. Но образовательный процесс на языке санго не представляется возможным. Это происходит и потому, что власти не уверены в том, что люди, обучавшиеся на санго, будут востребованы на рынке труда. Хотя инженеры, педагоги, простые рабочие – как коренные жители ЦАР, так и европейцы, заинтересованные в эффективной работе, – не сомневаются в необходимости обучения и дальнейшей работы на санго. Именно санго представляется им единственным связующим звеном между традицией и современностью, городом и селом, единственным проводником интересов местного развития, а также глобального развития центральноафриканской нации, в то время как другие центрально-африканские языки служат источниками регионализма. В связи с этим, основным направлением в политике правительства является не интеграция региональных центрально-африканских языков, а скорее интенсификация употребления санго во всех сферах центральноафриканского общества.

Языковая политика Камеруна

Языковая ситуация Камеруна представляет для лингвистов особый интерес, так как на локальное многоязычие накладывается двухполюсная экзоглоссия, то есть использование двух европейских языков в качестве официальных.

Согласно Конституции Камеруна от 18 января 1996 г., два европейских языка – английский и французский, приняты в качестве официальных языков страны [Bitija Kody 2000: 3]. В том, что в Камеруне в этой функции были приняты два европейских языка, В.А. Виноградов видит большую роль факторов различного рода: исторических, политических, лингвистических, демографических [Виноградов 1975: 181].

Таким образом, представляется возможным говорить о характерной для языковой ситуации Камеруна двойной диглоссии – африканские языки/английский язык и африканские языки/французский язык.

Характерной чертой языковой ситуации Камеруна, согласно В.А. Виноградову, является отсутствие местного языка, который бы мог быть использован для широкого межэтнического общения на уровне всей страны или, по крайней мере, на уровне значительных географических или административных областей [Виноградов 1975:180].

Как и в других освободившихся странах, в Камеруне сложной и политически острой проблемой остается решение вопроса о государственном языке страны. Желание видеть в качестве государственного один из родных языков местного населения вне сомнения является естественным. Однако возникает вопрос, какой именно из автохтонных языков может удостоиться такого статуса. В коммуникативном отношении ни

один местный язык в стране не занимает доминирующее положение. Во избежание возможности развития «трайбализма» и возникновения межэтнических конфликтов власти Камеруна пытаются вести языковую политику, направленную на использование единого народного языка, в связи с чем предпринимаются попытки стандартизировать и кодифицировать некоторые местные языки, выделить их в качестве языков-посредников. Решение проблемы выбора средства общеноционального общения и официального языка из множества местных языков тесно связано с решением национального вопроса, и в это время именно европейские языки выступают в качестве средств общения и инструмента сплочения населения бывших европейских колоний в Африке.

Однако во взаимодействии европейских языков на территории Камеруна также наблюдается непростая ситуация. Несмотря на то, что и французский и английский языки признаны официальными на государственном уровне, привилегии функционального использования здесь отдаются все же французскому языку. По мнению К. Ферала французский язык доминирует по разным причинам. Одна из которых связана с тем, что 8 провинций из 10 – франкоязычные. Кроме того, такие города как Яунде, столица Камеруна, Дуала, экономическая столица, находятся в зоне франкофонии. Армия также в большинстве своем франкоязычна [De Feral 1993: 208].

С другой стороны, французский язык не существует, как английский язык, с местным вариантом, которым на англоговорящей территории является «пиджином». Что касается пиджина, то рассматриваемый как «тормоз» в изучении и распространении «правильного английского», он официально изгнан из образования, так как на него нельзя опереться, изучая основы классического английского языка.

Проблема местного языка в школе остается актуальной и далека от окончательного решения. Вопросы использования африканских языков в системе народного образования не раз обсуждались на уровне ЮНЕСКО. В августе 1970 года в Яунде под эгидой данной организации было создано совещание экспертов, посвященное тем же вопросам; они рассматривались на фоне общих задач по борьбе с неграмотностью. Одно из программных решений совещания гласит: «Только образование на африканских языках может решить проблему отношений между элитой и массой, создаваемую практикой образования на языках не африканских, и способствовать гармоничному развитию африканских стран».

Отношение к языку различных слоев общества, и в особенности образованной его части, не может не влиять на общее направление развития языковой ситуации в стране. Формально ни оценочные суждения, ни стихийная языковая практика интеллектуальной элиты не входят в понятие «языковая политика». Однако в действительности языковая политика не свободна от влияния образованных граждан. Поэтому тенденции в употреблении определенного языка в той или иной сфере жизни, и прежде всего в семье, свойственные камерунской интеллигенции, должны самым серьезным образом приниматься в расчет при исследовании языковой политики в Камеруне. С другой стороны, сама языковая политика государства влияет на выбор языка в элитных семьях: поскольку школа базируется на использовании европейского языка, поскольку успехи ученика зависят от того, насколько близок ему этот язык, а близким он может стать лишь в том случае, если ребенок сталкивается с ним в повседневной жизни, в своей семье [Виноградов 1977: 83].

Языковая политика Сенегала

Языковую политику, определенную первым правительством независимого Сенегала под руководством президента Леопольда Седара Сенгора, можно охарактеризовать двумя направлениями: продвижение и всяческая поддержка национальных языков (языков культуры и традиций Сенегала) и сохранение французского языка (официального языка страны и языка международного общения).

Согласно действующей Конституции Республики Сенегал от 7 января 2001 года (Ст. 1; п. 2) французский язык является официальным языком страны, то есть языком администрации и образования. Однако еще Декретом № 71566 от 22 мая 1971 года 6 местных языков возведены в ранг национальных. Это языки волоф, пулар, серер,

диула, мандинка и сонинке. Именно это положение (наличие шести национальных языков) является отличительной чертой языковой политики Сенегала.

Необходимо отметить, что данный декрет не имел целью вызвать противостояние европейского языка и автохтонных языков, ибо, по мнению исполнительных органов, ни один местный язык не может занять место французского языка, несмотря на внушительный процент населения, говорящего на языке волоф [Daff 1993: 123].

Действительно, отношения между французским языком и национальными языками систематизированы официальными документами. Так, один из пунктов декрета, относящегося к национальным языкам, гласит: «...заменить французский язык нет ни желания, ни возможности. Необходимо, по меньшей мере, два поколения, чтобы сделать один из национальных языков эффективным инструментом для преподавания научных и технических дисциплин» [Dumont, Maurais 1995: 565].

Несмотря на то, что официальным языком страны остается французский, быстрыми темпами происходит процесс валоризации национальных языков. Так, в 1991 г. правительством Сенегала было создано Министерство, в обязанности которого входил контроль над процессом кодификации автохтонных языков (внедрение нового алфавита), а также повышение их общего лингвистического уровня.

Следует отметить, что число людей, говорящих и понимающих язык волоф, с каждым годом увеличивается. Во многом этому способствовали поправки, внесенные в Декрет 1971 г., касающиеся национальных языков страны, опубликованные в 1975 году. Согласно последним, в начальной школе вводится преподавание волоф как обязательного предмета. Кроме того, в грамматический и орфографический строй языка вносятся существенные изменения.

Что касается французского языка, то в Сенегале он занимает «привилегированное» положение, как и в большинстве стран франкоговорящей Африки. М. Дафф в своей статье «Положение французского языка в Сенегале» предлагает использовать термин «второй» или «неродной» язык, так как этот язык внедрился и «закрепился» на территории страны путем насилия [Daff 1993].

До 70-х годов на территории Сенегала шло активное внедрение французского языка, что соответствовало политике ассимиляции 3-й Республики. Однако слишком быстрое изучение экзогенного языка имело негативный эффект, и никак не способствовало установлению хорошего социального представления о языке. Для того чтобы облегчить восприятие французского языка, Центр Прикладной Лингвистики (ЦПЛ) Дакара разработал «методику изучения языка», которая была апробирована экспериментальным путем с 1965 по 1981 год. Средства и методы, которые предписывал ЦПЛ, были определены М. Кальве следующим образом:

- препятствовать креолизации языков, усиливая культурный процесс конвергенции и максимально замедляя процесс дивергенции;
- благоприятствовать и «продвигать» (по средствам педагогических методов) гармоничный билингвизм;
- давать возможность ученику прогрессировать и улучшать свои результаты;
- наконец, обеспечив африканских школьников необходимыми языковыми предметами, заверить (убедить) их в самом лучшем будущем, в расцвете современного африканского человека [Calvet, Dumont 1969: 89].

Проведя анализ описанных в данной статье языковых политик, представляется возможным выделить три их типа.

Первый тип языковой политики характерен для тех государств, на территории которых функционирует два официальных языка (европейский и автохтонный язык). Подобная ситуация наблюдается в ЦАРе, где язык санго, по нашему мнению, занимает второе по значению место после французского. **Второй тип языковой политики** наблюдается в странах, где несколько автохтонных языков удостоены статуса языков межэтнического общения, а официальным языком страны объявлен язык бывшей метрополии. Надо отметить, что именно этот тип языковой политики, сложившийся в Сенегале, характерен для большинства стран франкоязычной «Черной» Африки.

Третий тип языковой политики характеризует ситуацию в Камеруне и является, своего рода, исключением, так как на территории этой страны, наряду с местными языками, ни один из которых не имеет статуса языка межэтнического общения, присутствуют два официальных европейских языка.

Анализ некоторых тенденций и характерных черт языковой политики в рассмотренных нами странах позволяет сделать вывод, что для большинства стран франкоязычной «Черной» Африки характерно многоязычие, сущность которого состоит в владении родным языком, языком африканского межнационального общения (линга-франка) и языком бывшей метрополии. Разрешению языковых проблем в ЦАР, Камеруне, Сенегале мешают значительные трудности социолингвистического порядка, которые прежде всего вытекают из экономического, политического и культурно-просветительского уровня, а также неравномерного развития этноязыковых общностей. В оценке языковой политики вышеуказанных стран, как и большинства франкоязычных государств Африки, следует учесть и такой существенный момент, как неопостколониалистические тенденции, одним из условий усиления и развития которых является сохранение позиций бывших языков колониальной администрации, расширение с их помощью соответствующей идеологии и проведение определенной языковой политики.

В связи с этим перспективы развития языковой ситуации в рассматриваемых странах можно представить в виде следующего сценария.

Вероятнее всего, продолжат свое существование вышеописанные составляющие стратификации языков и их поддержка. Вопреки пессимистическим прогнозам, местные языки еще долго будут средством коммуникации для населения. Что изменится, так это соотношение сил между языками. Малочисленные местные языки продолжат сокращаться, а крупные со временем приобретут функции не только посредников, но и официальных языков. Французский язык, даже если не будет единственным официальным языком, сохранит свои позиции в образовании, администрации и межгосударственных отношениях.

Мы надеемся, что власти франкофонных африканских государств приложат все усилия в управлении языковой ситуацией и будут проводить языковую политику таким образом, чтобы французский язык и местные языки дополняли, а не вытесняли друг друга из общения, чтобы каждый язык занял достойное место ради гармонии, а также для социального и политического равновесия в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко 2004 – *Н.Ф. Алефиренко. Теория языка. Водный курс: Учебн. пособие.* М., 2004.
- Виноградов 1975 – *В.А. Виноградов. Языковая ситуация в странах Африки.* М., 1975.
- Виноградов 1977 – *В.А. Виноградов. Языковая политика в Камеруне // Проблемы языковой политики в странах Тропической Африки.* М., 1977.
- Мечковская 2003 – *Н.Б. Мечковская. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учебн. пособие.* 3-е изд. М., 2003.
- Bitja Kody 2001 – *Z.D. Bitja Kody. Emergeance et survie des langues nationales au Cameroun // TRANS. Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften. № 11. 2001.*
- Calvet, Dumont 1969 – *L.-J. Calvet, P. Dumont. Le français au Sénégal: interférences du wolof dans le français des élèves sénégalais.* Paris, 1969.
- Daff 1998 – *M. Daff. Le français mesolectal comme expression d'une revendication de copropriété linguistique en francophonie // Le français en Afrique.* Paris, 1998.
- Daoust, Maurais 1987 – *D. Daoust, J. Maurais. L'aménagement linguistique // Politique et aménagement linguistique.* Paris, 1987.
- De Feral 1993 – *C. De Feral. Le français au Cameroun // D. Robillard, M. de Beniamino (eds.). Le français dans l'espace francophone.* Paris, 1993.
- Dumont, Maurais 1995 – *P. Dumont, B. Maurais. Sociolinguistique du français en Afrique francophone: gestion d'un héritage, devenir une science.* Vanves, 1995.
- Manessy, Wald 1984 – *G. Manessy, P. Wald. Le français en Afrique Noire, tel qu'on le parle, tel qu'on le dit.* Paris, 1984.
- Ndinga-Oba 1989 – *A. Ndinga-Oba. L'enseignement en Afrique. Cas du Congo.* Paris; Dakar, 1989.

© 2009 г. Л.Л. КАСАТКИН

О ПРИРОДЕ ФОНЕМЫ

В статье предлагается трактовка фонемы как двусторонней языковой единицы, включающей означающее и означаемое, внешнюю оболочку и содержание. Означающее фонемы представлено множеством звуков, находящихся в дополнительном распределении и реализующих фонему во всех фонетических позициях, где она выступает, это ряд позиционно чередующихся звуков; означаемое фонемы представлено составом ее дифференциальных признаков, устанавливаемых на основе противопоставления фонемы другим фонемам в одних и тех же фонетических позициях. В истории языка могут происходить фонетические изменения (диахронические фонетические законы), которые могут касаться как означающего фонемы, так и ее означаемого, а также не касаться ни того, ни другого, но лишь приводить к перераспределению аллофонов по позициям*.

1. ФОНЕМЫ НЕ ОБЛАДАЮТ ЗНАЧЕНИЕМ

Широко распространено мнение, что фонетика изучает односторонние языковые знаки: звуки и фонемы, которые служат для формирования, различия и отождествления звуковых и фонемных оболочек двусторонних языковых единиц, обладающих значением – слов и морфем. Р.И. Аванесов писал: «Не обладая сами по себе значением, звуки речи служат в языке особого рода знаками, при помощи которых узнаются и различаются слова. <...> Звуки речи как особого рода знаки, при помощи которых различаются слова языка, точнее звуковая оболочка слов, называются фонемами. <...> Одно из принципиальных различий между грамматикой и фонетикой заключается в том, что объекты первой всегда представляют собой значимые единицы языка, а объекты последней, в том числе фонемы, – это единицы, не обладающие значением и даже не связанные непосредственно со значением, а лишь различающие звуковую оболочку значимых единиц языка – слов и морфем» [Аванесов 1956: 7, 15]; Р.О. Якобсон: «Языковые знаки представляют собой объединение звука и значения, или, другими словами, единство означающего и означаемого. <...> Фонема является дифференциальным знаком в чистом виде, знаком пустым, лишенным какого бы то ни было значения. <...> Язык – это единственная в своем роде система, элементы которой, являясь означающими, вместе с тем полностью лишены значения. <...> Сами по себе фонемы не имеют собственного значения <...>. В звучащей речи мы распознаем не столько различия между звуками как таковыми, сколько различия в их употреблении в рамках данного языка, то есть различия, не имеющие собственного значения, но используемые для того, чтобы отличать друг от друга сущности более высокого уровня (морфемы, слова)» [Якобсон 1985: 41, 65–66, 69]; см. также [Аванесов, Сидоров 1945: 5, 14, 68; Панов 1979: 8, 174; Трубецкой 2000: 10–11; Мартинс 1963: 378–379; Глисон 1959: 32–33; Чейф 1975: 27; Лайонз 1978: 71; Буланин 1970: 5–6] и др.

* Публикую данную статью Л.Л. Касаткина, редакция оставляет за собой право не согласиться с рядом высказанных в ней положений и прежде всего с трактовкой фонемы как двусторонней языковой единицы.

2. ФОНЕМА В МОСКОВСКОЙ И ПРАЖСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛАХ

Между разными фонологическими школами существуют различия в понимании фонемы.

1. Основатели Московской фонологической школы (МФШ) определяли фонему как множество позиционно чередующихся звуков. Московские фонологи, писал Р.И. Аванесов, «считают одной фонемой весь ряд позиционных чередований», фонема с их точки зрения является «совокупностью звуков, находящихся в отношениях позиционного чередования» [Аванесов 1956: 38–39]; см. также [Аванесов, Сидоров 1945: 39–44; Кузнецов 1959/1970; Сидоров 1971: 13; Реформатский 1996: 217–220].

По МФШ множество звуков, относящихся к одной фонеме, должно отвечать двум необходимым и достаточным условиям: 1) эти звуки должны находиться в дополнительном распределении, т. с. выступать в разных фонетических позициях и не встречаться в одной и той же позиции; 2) эти звуки должны позиционно чередоваться в одних и тех же морфемах. Никакие другие особенности звуков не принимаются во внимание.

Например, фонему /о/ представляет следующий ряд звуков:

позиции: 1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6 – 7 – 8 – 9 – 10 – 11
звуки: [о] – [·о] – [о·] – [ö] – [a³] – [a³·] – [ə] – [ə·] – [·ə] – [и^c] – [и^e·]

1. Под ударением после твердого согласного перед твердым и на конце слова: подн[б]с, в[б]дныи, ш[о]к, щен[б]к, бестолк[б]вый, бык[б]м, стриж[б]т; лиц[б], хорош[б];

2. Под ударением после мягкого согласного перед твердым и на конце слова: н[·б]с, пудел[·б]к, виши[·б]вый, кон[·б]м, печ[·б]т; бель[ј·б], горяч[·б];

3. Под ударением после твердого согласного перед мягким: н[б·]сит, подв[б·]дник, щен[б·]чек, бестолк[б·]вее, стриж[б·]те;

4. Под ударением между мягкими согласными: пудел[·б]чек, печ[·б]те;

5. В 1-м предударном слоге между твердыми согласными: н[а³]шү, в[а³]да, язык[а³]вой;

6. В 1-м предударном слоге после твердого согласного перед мягким: н[а³·]сить, в[а³·]де, ш[а³·]кировать;

7. В безударных слогах, кроме 1-го предударного, после твердого согласного перед твердым или на конце слова: в[э]дона́д, телён[э]к, оси́н[э]вый, вёлк[э]м; солни́ц[э];

8. В безударных слогах, кроме 1-го предударного, после твердого согласного перед мягким: в[э·]дянбай, вы́н[э·]сить, лáск[э·]вее;

9. В заударном конечном открытом слоге после мягкого согласного и [и]: мóр[·э], зéль[·э·];

10. В безударных слогах после мягкого согласного перед твердым: н[и^c]слá, вы́н[и^c]с, реч[и^c]вой, черéшин[и^c]вый, олéн[и^c]м, полбíщ[и^c]т;

11. В безударных слогах между мягкими согласными: н[и^c·]сёт, корíчи[и^c·]вее, полбíщ[и^c·]те.

По теории других фонологических школ множество звуков, относящихся к одной фонеме, обычно включает меньше звуков, чем по теории МФШ. Так, в Пражской и Санкт-Петербургской (Ленинградской) фонологических школах (ПФШ и СП(Л)ФШ), выдвигается требование определенной фонетической близости звуков, относящихся к одной фонеме. В отличие от этого по теории МФШ звуки, представляющие одну фонему, могут не иметь общих признаков. Так, в множество звуков, представляющих фонему /о/, входят, кроме [о], и звуки [а³], [и^c], которые отличаются от [о] и подъемом, и отсутствием лабиализации. По ПФШ и СП(Л)ФШ все эти звуки относятся к трем разным фонологическим единицам: фонеме /о/ и архифонемам /А/ и /И/ по ПФШ и фонемам /о/–/а/–/и/ по СП(Л)ФШ.

Изменения в определение «московской» фонемы внес М.В. Панов: фонема – «это функциональная фонетическая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков» [Панов 1979: 106]. Эта формулировка допускает новое понимание фонемы: ряд позиционно чередующихся звуков лишь представитель фонемы, иначе говоря, ее означающее. Что же тогда означаемое? М.В. Панов не ставил такого вопроса, для него фонема, как и для основателей МФШ, была самим этим рядом позиционно чередующихся звуков.

2. Иная точка зрения на фонему была сформулирована представителями Пражской фонологической школы.

Согласно замечательному открытию Ф. де Соссюра, содержание языковой единицы определяется ее противопоставлением другим единицам той же системы. Число и характер всех этих единиц влияет на содержание рассматриваемой единицы – число и характер се дифференциальных признаков (ДП).

Так, значение глагольной формы с суффиксом *-л-* в русском языке зависит от наличия в глагольной системе других форм. В системе, аналогичной литературной, *Он уехал* обозначает действие, совершенное в прошлом. В говорах, где наряду с этой формой есть форма давнопрошедшего времени, *Он уехал* обозначает действие, совершенное в недавнем прошлом, тогда как о давно прошедшем действии надо сказать: *Он был уехал*. В говорах, где есть форма перфекта, *Он уехал* обозначает действие, совершенное в прошлом без соотнесения с настоящим, тогда как *Он уехавши* обозначает действие, совершенное в прошлом, результат которого есть и в настоящем: ‘он уехал и его здесь нет’. Таким образом, значение формы *уехал* в разных говорах различно.

В русских говорах, где система терминов родства аналогична литературной, в значение слов *брат, сестра* не входит ДП «прямое / непрямое родство», как у слов *отец, мать, сын, дочь – дядя, тётя, племянник, племянница*. Для обозначения прямого или непрямого родства необходимо дополнительное указание: *родной брат, двоюродный брат, троюродный брат и родная сестра, двоюродная сестра, троюродная сестра*. В некоторых говорах есть слово *братан* со значением ‘двоюродный брат’ и слово *сестреница* со значением ‘двоюродная сестра’. В этих говорах слова *брат* и *братан, сестра* и *сестреница* противопоставлены по этому ДП и в состав значения слов *брат* и *сестра* входит и ДП «прямое родство». Таким образом, значение слов *брат, сестра* в разных говорах различно.

Исходя из этого общего положения, представители ПФШ определяют фонему как сумму ДП, устанавливаемую на основе оппозиции фонемы другим фонемам того же языка (диалекта).

Так, в русских говорах с твердым цоканьем /щ/ единственная аффриката, этим признаком она отличается от всех остальных фонем, поэтому ее содержание характеризуется одним ДП – «аффрикатностью». В говорах, где наряду с /щ/, представленной звуком [ц], есть фонема /ч/, представленная твердым [ч], в состав ДП фонемы /щ/ входят «аффрикатность» и второй – «зубность», отличающий /щ/ от /ч/.

В говорах, где наряду с /щ/ есть фонема, представленная звуком [ч'], содержание фонемы /щ/ составляют тоже два ДП, один из которых «аффрикатность», а другой тот, по которому противопоставлены эти две аффрикаты. Звуки [ц] и [ч'] отличаются двумя признаками: [ц] зубной твердый, [ч'] передненёбный мягкий. Какой из них – место образования или твердость/мягкость – дифференциальный, а какой интегральный, зависит от веса этих признаков в системе, что, в свою очередь, зависит от развитости в говоре корреляции согласных по твердости/мягкости. В говорах с развитой этой корреляцией (как в литературном языке) она включает значительно большее число фонем, чем корреляция по зубности/передненёбности. Поэтому «твердость/мягкость» – дифференциальный признак фонем /щ/, /ч'/, а зубность [ц] и передненёбность [ч'] – интегральный. В говорах с неразвитой корреляцией согласных по твердости/мягкости (как в некоторых вологодских) фонемы /щ/–/ч/ противопоставлены как «зубная» «передненёбной», эти признаки дифференциальные, а твердость [ц] и мягкость [ч'] – интегральные.

Содержание фонемы /e/ в разных говорах может быть разным в связи с разным количеством гласных фонем в фонологических системах этих говоров. Так, в пятифонемной системе гласных, аналогичной литературной, у фонемы /e/ два ДП – «средний подъем» и «нелабиализованность». В говорах, где сохраняется фонема /ѣ/, содержание фонемы /e/ зависит от того, противопоставлены ли гласные фонемы по ряду, что связано с наличием или отсутствием противопоставления согласных фонем по твердости/мягкости, а также есть ли в системе фонема /ѡ/. В говорах с фонемами /ѡ/ и /ѣ/, где существует корреляция согласных по твердости/мягкости, фонемы /ѡ/ и /ѣ/ противопоставлены по «наличию/отсутствию лабиализации», фонемы /e/ и /ѣ/ – по «подъему». Содержание фонемы /e/ в таких говорах может быть охарактеризовано, как и в пятифонемной системе, двумя ДП: «средний подъем» и «нелабиализованность». Однако значение ДП «средний подъем» различно в пятифонемной и в семифонемной системах: в пятифонемной системе фонемы «среднего подъема» противопоставлены фонемам «верхнего» и «нижнего подъемов» (занимают один уровень из трех), а в семифонемной системе – фонемам «верхнего», «верхне-среднего» и «нижнего подъемов» (занимают один уровень из четырех).

Как видим, при таком определении дифференциальных признаков набор их у фонемы /e/ имеет одинаковые названия в пятифонемной и семифонемной системах. Связано это с неоднозначностью термина «средний подъем»: в пятифонемной системе фонемам «среднего подъема» противопоставлены три фонемы, а в семифонемной – пять. В пятифонемной системе фонемы «среднего подъема» /e/ и /o/ занимают 2/5 фонемного пространства, а в семифонемной системе – 2/7¹.

Говоры с системой гласных фонем, включающей фонему /ѣ/, могут различаться по качеству согласных, выступающих перед /ѣ/ и /e/: в одних говорах и перед /ѣ/, и перед /e/ могут произноситься парные мягкие согласные, а в других говорах перед /ѣ/ произносятся парные мягкие, а перед /e/ – парные твердые согласные. Однако эта особенность характеризует не сами фонемы /ѣ/ и /e/, не их содержание, а позиции, в которых выступают эти фонемы, то есть характеризует ту сторону фонологических систем этих говоров, которую определяет не система фонем, а синтагматические законы реализации и употребления фонем (см.: [Касаткин 1999: 390–397]).

3. ФОНЕМА – ДВУСТОРОННЯЯ ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА

М.В. Панов показал отличия между взглядами представителей МФШ и ПФШ, назвав единицу, описываемую МФШ, «парадигмо-фонемой», а единицу, описываемую ПФШ, «синтагмо-фонемой». М.В. Панов же показал и основу этих различий во взглядах: для «москвичей» главной была перспективная функция фонемы, основанная на ее способности отождествления одних и тех же слов и морфем, выступающих в разных

¹ Описание содержания фонем можно построить иначе: на бинарных их противопоставлениях. Так, в пятифонемных системах гласных вместо трехчленного противопоставления «верхний подъем» – «средний подъем» – «нижний подъем» можно установить бинарное противопоставление: «верхний подъем» (фонемы /и/, /у/) – «неверхний подъем» (фонемы /e/, /o/, /a/), а среди фонем «неверхнего подъема» установить противопоставление «нижний подъем» (/a/) – «ненижний подъем» (фонемы /c/, /o/). В такой системе /e/ характеризуется набором ДП «нелабиализованная» «неверхнего подъема» «ненижнего подъема».

При семифонемной системе гласных вместо противопоставления четырех уровней: «верхний подъем» – «верхне-средний подъем» – «средний подъем» – «нижний подъем» можно установить бинарные противопоставления «верхний подъем» (/и/, /у/) – «неверхний подъем» (/ѣ/, /ѡ/, /e/, /o/), среди фонем «неверхнего подъема» установить противопоставление «нижний подъем» (/a/) – «ненижний подъем» (/ѣ/, /ѡ/, /e/, /o/), а среди фонем «неверхнего подъема» «ненижнего подъема» – противопоставление «средний подъем» (/c/, /o/) – «несредний подъем» (/ѣ/, /ѡ/). В такой системе /e/ характеризуется набором ДП «нелабиализованная» «неверхнего подъема» «ненижнего подъема» «среднего подъема».

позициях, для «пражцев» же при определении фонемы главной была ее сигнификативная, или смыслоразличительная, функция, основанная на оппозиции фонемы другим фонемам в одних и тех же позициях [Панов 1967: 56–112, 206–235, 282–293; 1979: 190–193].

М.В. Панов писал о «московской» и «пражской» фонемах как о разных функциональных единицах. Позднее М.В. Панов, сохранив за «московской» единицей название «фонема», «пражскую» назвал «дифференциатором»: «дифференциаторы являются самостоятельными единицами относительно фонем, они не тождественны фонемам» [Панов 1997: 97–98, 133–134].

Но на самом деле это не разные единицы, как считал М.В. Панов, а отражение разных функций одной и той же единицы – фонемы, которая выполняет и сигнификативную, и перцептивную функцию: «фонема – это минимальная фонетическая единица, которая служит для различения и отождествления значимых единиц языка (морфем и слов)» [Панов 1979: 94; 1997: 97]. МФШ и ПФШ, как я уже отмечал, «описывая языковую реальность с разных сторон, дополняют друг друга. Поэтому теория фонемы должна строиться на синтезе взглядов МФШ и ПФШ» [Касаткин 2006: 143].

Разные шаги в сторону сближения со взглядами ПФШ делали, кроме М.В. Панова и основатели МФШ. Так, Р.И. Аванесов ввел понятие «слабой фонемы», перекликающееся с «архифонемой» ПФШ, понятие «дифференциальный признак фонемы» использовали в своих работах П.С. Кузнецов и А.А. Реформатский, а В.Н. Сидоров хотя и был против использования этого понятия, но писал о «знаковой ценности фонемы», связанной с числом и характером противопоставленных ей других фонем: «Модификации фонем неодинаковы. Одни модификации таковы, что фонема, изменяясь, противопоставляется всем прочим фонемам. И, следовательно, противопоставляясь другим фонемам, она никак не теряет своей функции знака. Она остается как знак совершенно полноценной. А если она попадает в позицию, где она не различается с другими, т. с. в позицию, в которой нельзя иногда определить, какая это фонема, то знаковая ценность фонемы здесь меняется. (Не различаясь с какой-то фонемой, она сокращает число возможных фонем, противопоставленных в этой позиции другим)» [Сидоров 1971: 17].

Путь к дальнейшему синтезу взглядов МФШ и ПФШ приводит к следующему пониманию фонемы. **Фонема – двусторонняя языковая единица, включающая означающее и означаемое, внешнюю оболочку и содержание. Означающее фонемы представлено множеством звуков, реализующих фонему во всех фонетических позициях, где она выступает, это ряд позиционно чередующихся звуков; означаемое фонемы представлено составом ее дифференциальных признаков, устанавливаемых на основе противопоставления фонемы другим фонемам в одних и тех же фонетических позициях.**

Таким образом, хотя фонемы не обладают значением в общепринятом смысле этого слова, но они имеют свое содержание – то, что Ф. де Соссюр назвал *valeur* ‘значимость’.

Близким к пониманию фонемы как двусторонней единицы было и у основателей ПФШ Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона. «Фонема – это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию. <...> Фонемы реализуются в звуках речи, из которых состоит любой речевой акт. Звуки никогда не являются самими фонемами, поскольку фонема не может содержать ни одной фонологически несущественной черты, что для звука речи фактически неизбежно. Конкретные звуки, слышимые в речи, являются скорее лишь материальными символами фонем. <...> Под фонологическим содержанием фонемы мы понимаем совокупность всех фонологически существенных признаков фонемы, то есть признаков, общих для всех вариантов данной фонемы и отличающих ее от других <...> фонем в данном языке» [Трубецкой 2000: 43, 71] (выделено мною. – Л.К.). Однако Н.С. Трубецкой не рассматривал содержание фонемы как означаемое, а ее реализацию в звуках речи как означающее, хотя фактически сформулировал именно это.

Р.О. Якобсон с другой стороны подошел к определению фонемы, он писал, что фонемы «являются двусторонними сущностями», но видел их специфику «в том, что, противопоставляя две разные фонемы, мы имеем дело только с одним конкретным и постоянным различием. Это различие затрагивает означающее, тогда как разница в плане означаемого сводится просто к способности этих фонем различать значения слов». Опираясь на взгляды Ф. де Соссюра, Р.О. Якобсон писал: «фонемы являются сложными единицами», они «неразложимы на более простые единицы во времени» на «оси последовательности», но «на оси одновременности» «каждая фонема содержит пучок различительных признаков». Поэтому фонема – «это единица, существующая в двух измерениях» [Якобсон 1985: 67, 82, 84, 86]. Здесь Р.О. Якобсон сформулировал то, о чем еще раньше писал А.А. Реформатский: «Фонемы являются простейшими наименьшими единицами языка, так как разделить их на более мелкие, последовательно произносимые единицы нельзя, но одновременно фонемы – сложные единицы, так как они состоят из разных одновременно сосуществующих признаков» [Реформатский 1947: 78]; см. также [Реформатский 1996: 215].

Различие между МФШ и ПФШ заключается, как сказано выше, и в оценке объема множества звуков, которое представляет фонему. По теории ПФШ фонема и архифонема – разные фонологические единицы, каждая из которых характеризуется своим набором ДП и реализуется своим набором звуков. По теории МФШ в множество звуков, представляющих фонему, входят звуки, которые представляют фонему и в сигнifikативно сильных позициях, где она противопоставлена другим фонемам, и в сигнifikативно слабых позициях (позициях нейтрализации), где она не отличается с некоторыми фонемами или с одной из них и где выступает архифонема – общая часть нейтрализованных фонем. Поэтому архифонема по МФШ – часть фонемы, звуки, реализующие архифонему, входят в общий набор звуков, представляющих фонему (см. [Касаткин 2006: 116–123]).

В.Н. Сидоров возражал против использования понятия ДП при определении фонемы: «Если мы говорим о фонеме как знаке, то фонема не только не членится на более мелкие части, но по существу вы из нее не можете и выделить ее составляющих, ее акустических элементов. Она нечто целое. Это неделимое качество» [Сидоров 1971: 18]. По свидетельству М.В. Панова, В.Н. Сидоров объяснял свое отрицательное отношение к ДП тем, что «московская» фонема в разных позициях бывает противопоставлена разному количеству других фонологических единиц: в сигнifikативно сильных позициях их больше, в позициях нейтрализации – меньше. Поэтому для «московской» фонемы не может быть установлен единый набор ДП, который характеризовал бы фонему независимо от позиций. Такой же точки зрения придерживался и сам М.В. Панов [Панов 1979: 190].

Выход из этого противоречия нашла К.В. Горшкова. «Московская» фонема имеет парадигматическое устройство, парадигму фонемы составляет весь ряд позиционно чередующихся звуков. Такое понимание парадигмы фонемы, как и сам термин, выдвинуты М.В. Пановым [Панов 1967: 229–230, 235; 1999: 14]. К.В. Горшкова предложила иное толкование этого термина: парадигму фонемы образуют несколько ее членов – главный и неглавные, они обладают разными различительными способностями и наборами ДП и могут состоять из ряда позиционно чередующихся звуков [Горшкова 1980: 80].

Исходя из этого понимания, весь ряд позиционно чередующихся звуков, воплощающих фонему, можно расположить не в одной плоскости, а представить в виде лестницы с несколькими ступенями. Первую, основную ступень парадигмы фонемы (главный ее член) составляют звуки, выступающие в сигнifikативно сильных для этой фонемы позициях, другие ступени парадигмы фонемы (другие ее члены) образованы звуками, воплощающими архифонемы разных степеней. Каждая из этих ступеней парадигмы противопоставлена разному числу фонологических единиц, характеризуется особым у каждой ступени набором дифференциальных признаков и может быть представлена рядом позиционно чередующихся звуков.

Например, в русском литературном языке взаимоотношения гласных фонем могут быть показаны следующим образом (см. табл. 1):

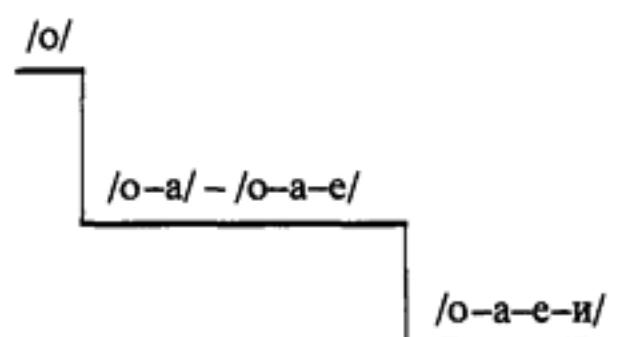
Таблица 1

Позиции	Фонемы	/y/	/и/	/е/	/о/	/а/
1. Г		[y]	[и] [ы]	[е] [э]	[о]	[а]
2. ГГ, #Г		[y]		[и ^с]		[а ^с]
3. СГ в 1-м предударном слоге		[y]		[ы ^с]		[а ^с]
4. С'Г#		[y]		[и ^с]		[э]
5. СГ, кроме 1-го предударного слога		[y]	[ы ^с]		[э]	
6. С'Г, кроме С'Г#		[y]		[и ^с]		

Позиции: 1 – в ударном слоге, 2 – в безударном неприкрытом слоге, 3 – в 1-м предударном слоге после твердого согласного, 4 – в безударном конечном открытом слоге после мягкого согласного, 5 – во всех безударных слогах, кроме 1-го предударного, после твердого согласного, 6 – во всех безударных слогах, кроме конечного открытого после мягкого согласного (влияние мягких согласных на качество соседнего гласного отражено в таблице частично).

Парадигма фонемы /о/ может быть показана следующим образом:

Схема

Первая ступень этой парадигмы (главный ее член) – фонема /о/ в сигнификативно сильных позициях, где она противопоставлена четырем остальным гласным фонемам /и/–/у/–/е/–/а/ (позиция 1 на схеме), характеризуется дифференциальными признаками «лабиализованная» «среднего (или “неверхнего” и “ненижнего”) подъема». Эта ступень парадигмы представлена звуками [о]–[·о]–[о·]–[ö] под ударением (*дом, берёза, дымик, берёзе, бстров, отпель, селб, плечо*).

Вторая ступень парадигмы представлена двумя архифонемами 1-й степени, которые включают разные наборы нейтрализованных фонем, но обе противопоставлены двум фонологическим единицам и характеризуются одним и тем же ДП. Архифонема /о-а/ противопоставлена архифонеме /и-е/ и фонеме /у/ (позиции 2–4 на схеме) и характеризуется ДП «неверхний подъем». Архифонема /о-а-е/ противопоставлена фонемам /и/ и /у/ (позиция 5 на схеме) и характеризуется тем же ДП «неверхний подъем».

Архифонема /о-а/ представлена звуками [а^с]–[а^с']–[·э] в 1-м предударном слоге после твердого согласного, в безударном слоге в начале слова и в конечном безударном

открытом слоге после мягкого согласного (*домá, облакá; домище, окислитель; мóре – травá, адресáт; травé, алéть; мóря*). Архифонема /о-а-е/ представлена звуками [э]–[э̄] в безударных слогах, кроме 1-го предударного, после твердого согласного (*домо-вóй, нá дом, нéбо; доливáть, выбросить; – тракторíст, выгнáл, нéба; заливáть, выгнáть; – центровóй, скрéжет; теннисíст, о скрéжете*).

Третья ступень парадигмы представлена архифонемой 2-й степени /о-а-е-и/, которая противопоставлена фонеме /у/ (позиция 6 на схеме) и характеризуется одним ДП «нелабиализованная». Ее воплощают звуки [и^с]–[и^е] в безударных слогах, кроме конечного открытого, после мягкого согласного (*темнóб, темнотá, зáтемно; встáнете; – пятáк, пятачóк, вырýжусь; нá пять; – делá, деловóй, выделка; поделíть; – силáч, силовóй, хóдит; силёнка, хóдите*).

Таким образом, в разных позициях содержание фонемы может меняться. Наиболее полно оно выявляется в сигнifikативно сильных позициях, где фонема противопоставлена наибольшему числу других фонем. В сигнifikативно слабых позициях фонема противостоит меньшему числу других фонем и архифонем, в этих позициях у фонемы состав ДП меняется. Полное описание фонемы должно учитывать всю ее парадигму с разными наборами ДП у ее членов. Краткое описание фонемы должно характеризовать ее содержание, ее ДП в сигнifikативно сильных позициях (см. [Касаткин 2006: 112–114, 116–124]).

4. ФОНЕМА ПРИ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ИСТОРИИ ЯЗЫКА

В истории языка могут происходить фонетические изменения (диахронические фонетические законы), которые могут касаться как внешней оболочки фонемы, ее означающего, так и ее содержания, означаемого, а также не касаться ни того, ни другого, но лишь приводить к перераспределению аллофонов по позициям.

1. Так, утрата затвора аффрикатами [ц], [ч'] в западных южнорусских говорах привела к изменению их в щелевые согласные: [ц] > [с], [ч'] > [ш']. Это было изменение означающего этих фонем, но одновременно произошло и изменение их означаемого.

1.1. Фонема /ц/ совпала с /с/, и фонологическая система уменьшилась на одну фонему. Набор ДП фонемы /с/ остался прежним: «зубная», «щелевая», «глухая», «твердая», но содержание признака «щелевая» изменилось: если раньше /с/ по этому ДП противопоставлялась «взрывной» /т/ и «аффрикate» /ц/, то после изменения [ц] > [с] у фонемы /с/ сохранилось противопоставление по способу образования только «взрывной» /т/. «Знаковая ценность», как писал В.Н. Сидоров [Сидоров 1971: 17], фонемы /с/ изменилась. Изменилась и ее функциональная нагрузка, увеличившаяся за счет прежней /ц/.

1.2. Изменение [ч'] > [ш'] не приводило к изменению числа фонем, но привело к изменению их соотношения, то есть к изменению системы фонем. Фонема /ч/, характеризовавшаяся дифференциальными признаками «передненёбность» и «аффрикантость», заменилась фонемой /ш'/, характеризующейся дифференциальными признаками «передненёбность», «щелинность» и «мягкость». Связь фонемы /ш'/ с фонемой /ш/ изменилась: теперь эти фонемы были связаны как «мягкая» с «твердой», эта связь была более устойчивой, так как она поддерживалась большим количеством фонем в корреляции по «твердости/мягкости» (см. [Касаткин 1965: 519–520; 1999: 308–309]). Иначе говоря, до изменения [ч'] > [ш'] интегральный признак «твердость» характеризовал означающее фонемы /ш/ – звук [ш], а после изменения [ч'] > [ш'] этот признак стал характеризовать и ее означаемое, стал ее ДП.

2. В древнерусском языке фонемы /ш/ и /ж/ реализовались мягкими [ш'], [ж'], а затем эти звуки отвердели в большинстве русских говоров и в литературном языке².

² В одних русских говорах [ш] и [ж] отвердели во всех позициях, в других говорах, как и в литературном языке, сохраняется мягкость [ш'] перед [ч'] и в сочетании [ш'ш']; мягкость [ж'] сохраняется в позиции рядом с таким же звуком в корне в качестве одного из орфоэпических вариантов; в говорах третьего типа [ш'] и [ж'] возможны и в других позициях; см. [ДАРЯ, I: карта 63; Касаткин 2001; Русск. диалект. 2005: 67–69].

При этом содержание фонем /ш/, /ж/ не изменилось, так как и в древнерусском языке, и в современном русском литературном языке, и в большинстве русских говоров у фонем /ш/, /ж/ нет парных фонем, противопоставленных им по твердости/мягкости. Твердость/мягкость звуков, представляющих эти фонемы, – это признак не дифференциальный, а интегральный и в системе древнерусского языка, и в системе большинства говоров современного русского языка. Но при одном и том же содержании фонемы /ш/ и /ж/ в древнерусском языке и в современном русском языке имеют разные означающие, представлены разными звуками. Фонемы /ш/, /ж/ древнерусского языка и фонемы /ш/, /ж/ современного русского языка – это разные фонемы, так как у них разные означающие. Эти фонемы – своеобразные межсистемные (в данном случае и межъязыковые) синонимы.

3. На протяжении XVIII в. в русском литературном языке, по-видимому, не произошло никаких изменений в реализации фонемы /e/, однако изменилось ее содержание в связи с утратой в эту эпоху фонемы /ѣ/. Количество фонем, противопоставленных фонеме /с/, уменьшилось, и изменилось содержание ДП «средний подъем» фонемы /e/: раньше /с/ противопоставлялась фонемам верхнего, верхне-среднего, среднего и нижнего подъемов, а после утраты /ѣ/ – только фонемам верхнего, среднего и нижнего подъемов. Во всех словах, где ранее выделялась фонема /ѣ/, на ее месте теперь стала фонема /с/, и ее функциональная нагрузка значительно расширилась. Фонема /e/ в русском языке в эпоху до утраты /ѣ/ и фонема /e/ в эпоху после утраты /ѣ/ – разные фонемы, так как у них разные означаемые, это своеобразные межсистемные омонимы.

4. Полное оканье заменилось неполным оканьем в среднерусских говорах и аканьем в Южном наречии русского языка. При этом соотношение /о/ и /а/ в ударных слогах осталось прежним, ДП этих фонем в окающих и акающих говорах одни и те же: в говорах с пятифонемным составом гласных /о/ – гласная «среднего (или “неверхнего” и “ненижнего”) подъема» «нелабиализованная»; /а/ – гласная «нижнего подъема». Но соотношение этих фонем в безударных слогах различно в говорах с полным оканьем, неполным оканьем и аканьем, парадигмы фонем /о/ и /а/ различны в говорах этих трех типов (см. табл. 2):

Таблица 2

Позиции	Типы вокализма		Полное оканье		Неполное оканье		Сильное аканье	
	/о/	/а/	/о/	/а/	/о/	/а/	/о/	/а/
Ударный слог	[о]	[а]	[о]	[а]	[о]	[а]	[о]	[а]
I-й предударный слог	[о]	[а]	[о]	[а]				[а]
Другие слоги	[о]	[а]		[ə]				[ə]

Поэтому состав ДП фонем /о/ и /а/ и архифонемы /о–а/ в безударных слогах различен. При полном оканье противопоставление /о/ – /а/ с теми же ДП сохраняется во всех позициях. При неполном оканье это противопоставление сохраняется в I-м предударном слоге, а в других безударных слогах эти фонемы не различаются, это позиция их нейтрализации, здесь выступает архифонема /о–а/ с ДП «неверхнего подъема». При сильном аканье такая же архифонема выступает во всех безударных слогах.

В позиции I-го предударного слога при полном и неполном оканье ДП /о/ и /а/ те же, что и в ударном слоге: /о/ «среднего (“неверхнего” и “ненижнего”) подъема» «лабиализованная», /а/ «нижнего подъема»; при аканье архифонема /о–а/ «неверхнего подъема». В других безударных слогах: при полном оканье /о/ «среднего (“неверхнего” и “ненижнего”) подъема» «лабиализированная», /а/ «нижнего подъема»; при неполном оканье и аканье архифонема /о–а/ «неверхнего подъема».

5. В большинстве южнорусских говоров произошла прогрессивная ассимиляция по мягкости звука [к]: после мягких согласных [к] > [к’]: *Вáнька, уголькéм, бáтька, рéдька, гуськéм, князькéм, горькá, чайкó, пéчка*. В части южнорусских говоров такая ассимиляция произошла после парных мягких согласных и /j/ (тоже «мягкой» фонемы, составлявшей пару «твердой» /γ/), но отсутствует после звуков на месте исконной /ч/. В части севернорусских говоров и в некоторых среднерусских говорах такому смягчению подверглись и другие заднеязычные согласные – [г] и [х]: *деньгáм, кочерьгá, ольхá, наверхю* и др. Одним из условий такой ассимиляции было отсутствие противопоставления этих заднеязычных согласных по твердости/мягкости; см. [Касаткин 1968].

В результате этого фонетического процесса не произошло никаких изменений ни в наборе звуков, представляющих заднеязычные согласные фонемы, ни в содержании этих фонем, ни в системе фонем. Изменилась лишь реализация этих фонем в позиции после мягких согласных: твердый согласный заменился мягким.

6. Иными были следствия другого фонетического процесса в части русских говоров – регressiveйной ассимиляции по назальности.

6.1. В некоторых говорах, главным образом севернорусских, сочетания [бм], [б’м’] изменились в [мм], [м’м’]: *о[мм]áн, о[мм]анúть, о[м’м’]éн, о[м’м’]еня́ть, о[м-м]áтери* и т.п. В таких говорах фонема /б/ перед [м], [м’] внутри фонетического слова реализуется звуками [м], [м’]; см. [ДАРЯ, 1: карта 81]; ср. в той же приставке: *о[б]вязáть, о[б]réзать, о[б]ыгрáть* и т.п. При этом нет примеров произношения [м], [м’] на месте /м/ перед [м], [м’]; все слова с сочетанием /мм/, /(м|м’)м’/: *гáмма, сúмма, иммортéль, аммиáк* и т.п. в литературном языке заимствованные, в лексике русских говоров таких слов нет. Поэтому нельзя говорить о нейтрализации /б/ и /м/ в этой позиции: сочетания [мм], [м’м’] внутри слова и на стыке предлога и знаменательного слова всегда представляют сочетания фонем /бм/, /бм’/. Происшедшее в этих говорах изменение [бм] > [мм], [б’м’] > [м’м’] добавило в множество звуков, представляющих /б/, еще и [м], [м’], но не изменило состав ДП этой фонемы и систему фонем. Произошло изменение означающего фонемы /б/, но ее означаемое осталось прежним.

6.2. В значительной части говоров, знающих изменение [бм] > [мм], [б’м’] > [м’м’], произошло также изменение [дн] > [нн], [д’н’] > [н’н’]: *мé[д’]и – мé[нн]ый, хбло[д]а – хбло[нн]о, о[д’]йн – о[нн]á, о[н’н’]й, по[д]вийнуть – по[н’н’]ять* и т.п.; см. [ДАРЯ, 1: карта 81]. В таких говорах перед [н], [н’] фонемы /д/, /д’/ и /н/, /н’/ нейтрализуются; ср.: *со[н] – со[нн]ый, со[н’н’]ик, ко[н’] – ко[нн]ый, ко[н’н’]ик*, где выступают фонемы /н/, /н’/ в этой позиции. Эта ассимиляция привела к пополнению набора звуков, представляющих фонемы /д/ и /д’/, звуками [н] и [н’], к изменению парадигм фонем /д/, /д’/ и /н/, /н’/, которые стали включать архифонемы /д-н/ и /д-д’-н-н’/, и соответственно к изменению взаимоотношения между фонемами /д/, /д’/ и /н/, /н’/, то есть и к изменению самой системы фонем. Произошло изменение и означающего, и означаемого фонем /д/ и /д’/ и изменение означаемого фонем /н/ и /н’/.

5. ДВУСТОРОННИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ФОНЕТИКИ И ГРАММАТИКИ

В чем же различие между фонетикой и грамматикой, если и в той и в другой науках рассматриваются двусторонние языковые единицы? В том, что означающее и означаемое грамматических языковых единиц находятся в разных языковых ярусах (фонетическом и грамматическом), а означающее и означаемое фонем – в одном фонетическом ярусе, но в разных его уровнях – собственно фонетическом и фонологическом³.

³ О ярусах и уровнях см.: [Реформатский 1987: 131–133].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1956 – Р.И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов, Сидоров 1945 – Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945.
- Буланин 1970 – Л.Л. Буланин. Фонетика современного русского языка. М., 1970.
- Глисон 1959 – Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
- Горшкова 1980 – К.В. Горшкова. О фонеме в языке и речи // *Slavia orientalis*. 1980. DXXIX. № 1–2.
- ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. I–III. М.; Минск, 1986–2004.
- Касаткин 1965 – Л.Л. Касаткин. Утрата затвора аффрикатами [ч'], [ц] в западных южнорусских говорах // ИАН СЛЯ. 1965. Т. 24. Вып. 6.
- Касаткин 1968 – Л.Л. Касаткин. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных в русских говорах. М., 1968.
- Касаткин 1999 – Л.Л. Касаткин. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткин 2001 – Л.Л. Касаткин. Фонологическое содержание долгих мягких шипящих [ш':], [ж':] в русском литературном языке // Русск. яз. в научн. освещении. 2001. № 1.
- Касаткин 2006 – Л.Л. Касаткин. Современный русский язык: Фонетика. М., 2006.
- Кузнецов 1959/1970 – П.С. Кузнецов. Об основных положениях фонологии // ВЯ. 1959. № 2. (Перепеч. в [А.А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. М., 1970]).
- Лайонз 1978 – Дж. Лайонз. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Мартине 1963 – А. Мартине. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
- Панов 1967 – М.В. Панов. Русская фонетика. М., 1967.
- Панов 1979 – М.В. Панов. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.
- Панов 1997 – М.В. Панов. Фонетика // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд. М., 1997.
- Панов 1999 – М.В. Панов. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Реформатский 1947 – А.А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1947.
- Реформатский 1987 – А.А. Реформатский. Лингвистика и поэтика. М., 1987.
- Реформатский 1996 – А.А. Реформатский. Введение в языковедение. 5-е изд. М., 1996.
- Русск. диалект. 2005 – Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2005.
- Сидоров 1971 – В.Н. Сидоров. О московской фонологической школе // Развитие фонетики современного русского языка: фонологические подсистемы. М., 1971.
- Трубецкой 2000 – Н.С. Трубецкой. Основы фонологии / Пер. с нем. А.А. Холодовича; Под ред. С.Д. Кацнельсона. 2-е изд. М., 2000.
- Чейф 1975 – У.Л. Чейф. Значение и структура языка. М., 1975.
- Якобсон 1985 – Р. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.

© 2009 г. ЛЮ ЮНХУН

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВ: КОНЦЕПЦИЯ, ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ

В настоящей работе, на примере русского и китайского языков, подробно анализируется концепция, подходы и методы языкового сопоставления. Автором выделены три аспекта сопоставления: внешнее языковое выражение, внутренняя семантика и прагматическая ценность высказывания, а также три аспекта сопоставительного анализа: наблюдательный, описательный и интерпретационный.

Сопоставительный анализ – важный элемент лингвистических исследований, обучения языку и автоматического перевода, один из основных, наиболее важных способов познания человеком окружающей действительности. Сопоставление в лингвистике представляет собой не просто перечисление или сравнение языковых фактов и не одно лишь вскрытие различий и сходств языковых явлений, но эффективный способ познания языковых закономерностей.

В китайском языке русским терминам «сравнение, сопоставление» и «контраст» соответствует термин «*duìbì*», где первый компонент *duì* означает ‘противопоставление, контраст’, а второй компонент *bì* – ‘сравнение, анализ’.

Исследования в сфере языкового сопоставления сейчас активно ведутся в КНР. В 1990–1999 гг. в ведущих языковых журналах КНР опубликовано около 840 научных статей по сопоставлению китайского языка с иностранными [Цуй Вэй 2000: 223–283]. В этих статьях китайский язык сопоставляется с английским, русским, японским и другими языками, затрагиваются вопросы общей сопоставительной теории, контрастивной лингвистики, универсалий, интерференции и взаимовлияния языков, лингвокультурного сопоставления, сопоставления в связи с задачами обучения иностранным языкам.

По мнению китайского ученого, «любой языковой факт может быть рассмотрен с точки зрения внешнего языкового выражения, внутреннего содержания и языковой прагматики, которые составляют своего рода “триединство”» [Син Фуи 2003: 96–98]. В соответствии с этими тремя параметрами может быть произведен сопоставительный анализ языков, в частности, русского и китайского, о чем мы будем говорить в статье.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕГО ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ

Сопоставление внешнего языкового выражения представляет собой сопоставление отдельных форм или структуры языков в их статике. В основном это сопоставление эксплицитных языковых знаков с целью определения общих принципов, в том числе грамматических. В данном подходе ключевым является термин «система». В рамках структурной лингвистики принято говорить о языковой системе как совокупности различных подсистем: фонетической, лексической, грамматической, стилистической и пр. Рассмотрим примеры сопоставления в разных подсистемах.

Сопоставление в фонетической подсистеме

(1) Различная количественно-слоговая характеристика китайского и русского слова обуславливает несоответствие ритма/такта высказывания в двух языках. Так, при пе-

реводе стихов В.Я. Брюсова «Твой ум глубок, что море. Твой дух высок, что горы» (между прочим, стилизованных под подражание китайской поэзии) на китайский язык или при переводе китайских стихов Ли Ю *Tian¹ dui⁴ di¹. Yu³ dui¹ feng¹. Da⁴lu⁴ dui⁴ chang²kong¹* ‘небеса противостоят земле, дождь – ветру, суши – воздуху’ на русский язык сохранение оригинального ритма высказывания вызывает определенные трудности.

(2) Созвучие. И в русском, и в китайском языке омофония или полисемия может порождать смысловую неоднозначность или юмористический эффект. Ср. русск. *В корзине сто яиц, одно упало, сколько осталось?* В корзине сто яиц, а *дно* упало, сколько осталось? Рассмотрим аналогичный китайский пример: *nī³ ke³ de⁰ gei³ wō³ ban¹ dian³ ren² shi⁴ ya⁰* ‘Вы можете сделать для меня доброе дело/Вы можете помочь мне продвинуться по службе’. Обыграна многозначность китайского слова *ren² shi⁴* (‘человек’ + ‘дело’), имеющего значение а) «добро, гуманное дело», б) «кадровый вопрос, продвижение в карьере». Таким образом, обращаясь с просьбой о помощи («добром деле»), проситель намекает о содействии в продвижении по службе.

Сопоставление в лексической подсистеме

При анализе лексического сопоставления мы будем использовать термин «поле сопоставления», указывающий на анализ спектра лексических значений слова, его семантических полей в разных языках. Например, понятие «одежда», сопряженное с функцией защиты от холода и покрывания тела в повседневной жизни, позволяет также сформировать представление об эстетических факторах культуры и национального колорита (вкус, мода и пр.). Так, специфика русской национальной одежды состоит в свободном покрое, стремлении к уюту, нередко в ярком цвете. Русская традиционная одежда часто вышита узорами, которые могли иметь символические значения. Помимо этих символических значений, у слов, обозначающих предметы одежды, со временем развиваются переносные значения. Например, рубашка носится очень близко к телу, в связи с чем у слова *рубашка* появилось переносное значение «собственность», как в выражениях *оставаться в одной рубашке, снять с себя [последнюю] рубашку*.

Говоря о китайской одежде, следует отметить, что больше всего в Китае ценятся атлас и шелк, китайский халат и куртка. В Китае вид и покрой одежды исторически служил своего рода маркером социального статуса человека. Полководец и государственный деятель III в. н. э. Чжу Гэлян говорил *chen³ ben³ hu¹ yi¹* «Я был всего лишь простым человеком» (букв.: ‘чиновник’ + ‘я сам’ + ‘простая ткань’ + ‘одежда’). В этом выражении сочетаются унижение и гордость. Это высказывание отражает типичное духовное состояние китайской интеллигенции: в бедности есть возможность работать над собой, а на службе чиновник всегда озабочен мирскими делами.

СОПОСТАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ ВНУТРЕННЕЙ СЕМАНТИКИ

Такое сопоставление основывается на способах употребления слова, выделенных в ходе речевого анализа. В качестве примера рассмотрим существующую в обоих языках модель предложения «как только X, сразу Y» – «gang¹ yi¹ X, jiu⁴ Y». Она выражает быструю смену действий и значение непосредственного следования, однако временной разрыв между действиями вариативен, что, в свою очередь, относится с изменениями внутреннего смысла высказывания. Так, в составе конструкции могут быть использованы различные временные наречия: в китайском языке это наречия *li⁴ ke⁴* «тотчас, сразу же», *li⁴ ji⁴* «немедленно», *ci⁴ ran³* «вдруг, внезапно». В русском языке наиболее употребительны наречия *сразу же, мгновенно, сейчас же, тотчас, уже*. Другие наречия вносят дополнительные компоненты значения. С помощью наречия *вмиг* подчеркивается мгновенность следования действия, выраженного в главном предложении, за действием, выраженным в придаточном (*Ты чуть вошел, я вмиг узнала, вся обомлела, замерла*). Наречие *вдруг* несет функцию усиления эффекта внезапности

(*Только принялся за обед, вдруг шорох шагов по снегу*). Союз и передает значение непрерывности действия (*Только солнце взошло, и опять – наутек*). В русском языке имеются и способы, не имеющие соответствий в китайском языке. Союз *а* в начале второго предложения указывает на мгновенную последовательность действий при том, что действие, обозначенное во втором предложении, происходит вследствие, обозначенному в первом предложении (*Только заведет глаза, а ветерок заюлит, заюлит в прореху и опять разбудит*). Значение непосредственного следования действий может передаваться и интонацией, а на письме – знаком тире (*Чуть солнце – под окном уж вызывает веселая синица*).

СОПОСТАВЛЕНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Структурное или функциональное сопоставление не всегда позволяет всесторонне раскрыть признаки двух сопоставляемых языков, поэтому при данном виде сопоставления лучше применить структурно-функциональную модель-синтез, то есть представить линейную речь в виде синтагматической оси, на которую проецируется коммуникативное или содержательное значение парадигматической оси. Это можно представить в виде следующих пар соотношений:

Метафорический образ – метафорический образ;
Ассоциация по сходству – аналогическое умозаключение;
Парадигматическая связь – синтагматическая связь;
Означающее (синхронический срез) – означаемое (диахронический срез);
Лексика; значения в словаре – фраза (высказывание), семантика.

Рассмотрим следующий пример.

В соответствии с прагматическими основами диалога конструкция «как только А, сразу С» – «*gāng¹ yí¹ A, jiù⁴ C*» является эллиптической, то есть потенциально содержит сегмент, не обозначенный в высказывании: А – (В) – С. Очевидно, данная конструкция подчеркивает разнoplановость действий, происходящих друг за другом: «как только А, (еще не произошло В), как сразу С» [Ван Хунь-юй 2001]. Например: *Только они сели за стол, как кто-то постучал к ним*. В предложении опущен промежуточный пункт «не успели поесть».

В «Грамматике русского языка» также отмечено это явление как указание на непосредственное следование действий друг за другом, на минимальность интервала между ними или на его отсутствие [Грамматика 1954]. Если дополнить приведенный пример опущенным промежуточным пунктом, эффект минимальности временного интервала между действиями будет утрачен. Такое опущение промежуточного пункта высказывания является выразительным средством, акцентирующим внимание реципиента не на актуальной последовательности фактов, а на экспрессивной оценке говорящего.

Использование эллиптической конструкции, с точки зрения когнитивной лингвистики, позволяет говорящему сообщить в первую очередь ту информацию, которую слушатель не может предугадать.

ПОЛНОТА НАБЛЮДЕНИЯ

Всякое исследование начинается с наблюдения. При этом степень понимания напрямую зависит от полноты наблюдения. Полнота наблюдения в значительной степени зависит от широты поставленных вопросов, ответы на которые помогают создать целостную картину наблюдения. Соответственно, чем больше точек наблюдения, тем глубже познание предмета. В ходе наблюдения тех или иных языковых явлений факты языка (предмет исследования) выделяются в тексте или в потоке речи и включаются в назначеннную систему, после чего результаты наблюдения тем или иным образом резюмируются.

Например, наблюдая формальное образование конструкции «*как только* (*едва* *лишь*, *чуть* *только* и т.п.) *X*, *сразу* (*вдруг*, *как* и т.п.) *Y*» (*gang¹yi¹ X, jiu⁴ Y*) в русском и китайском языках, мы заметили, что в китайском языке ее вариантов очень мало. Возможны только эквивалентные варианты *gang¹gang¹/cai² gang¹yi¹ X, jiu⁴ (bian⁴) Y* ‘*едва лишь X, как (стало) Y*’. В то же время в русском языке ее варианты более многочисленны и строятся в основном на эквивалентном употреблении составных союзов:

- (1) на основе частицы *только*, например, *чуть только, как только*;
- (2) на основе частицы *едва* например, *едва только, едва лишь*;
- (3) широко употребительные союзные частицы *лишь, чуть, стоит как*.

Некоторые из союзов могут попарно сочетаться в предложении (+), некоторые нет (–). Эти соотношения могут быть представлены в виде таблицы:

Таблица

	<i>Едва</i>	<i>Как</i>	<i>Лишь</i>	<i>Стоит</i>	<i>Только</i>	<i>Чуть</i>
<i>Едва</i>	0	+	+	–	+	–
<i>Как</i>	+	0	+	+	+	+
<i>Лишь</i>	+	+	0	+	+	+
<i>Стоит</i>	–	+	+	0	+	+
<i>Только</i>	+	+	+	+	0	+
<i>Чуть</i>	–	+	+	+	+	0

Попутно заметим, что свободные союзные варианты типа *только лишь, лишь только* в китайском языке не встречаются.

ОПИСАТЕЛЬНАЯ ПОЛНОТА

Описание закономерно отражает результаты наблюдения. Только полнота описания может способствовать полному отражению результатов исследования. Предметы окружающей действительности многогранны, поэтому любое описание всегда неполноценно и способно отразить только одну или несколько сторон явления. Сопоставительное описание должно ограничиваться рамками исследуемой темы. Примеры описательной полноты:

1) В китайском языке «*gang¹yi¹ X, jiu⁴ Y*» является устойчивой, монолитной конструкцией. Без каждого из компонентов конструкция не может выражать то же значение; каждый из компонентов конструкции в отдельном употреблении имеет значение, отличное от его значения в составе конструкции.

2) В русском языке конструкция «*как только X, сразу Y*» не подпадает под подобные ограничения, и ее смысл может быть передан по-разному. Конструкция не является нерасчленимой. Ее компоненты могут употребляться как самостоятельно, так и в паре с союзом *как*. При этом конструкция с двумя компонентами, как правило, способствует достижению полноты коммуникации. Например: *Едва лишь мать вошла, (как) дети бросились к ней*. Для выражения одного и того же значения в конструкции может употребляться как составной, так и простой союз: *Чуть (Чуть только) тучка закроет солнце, лес сразу становится угрюмым*.

ПОЛНОТА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Если описание дает представление о языковых фактах, то интерпретация подразумевает их теоретическое толкование и обоснование. Сюда относятся, например, теория валентности, грамматика падежей, трансформационно-генеративная грамматика

и др. Полнота интерпретации проявляется не в многочисленности выявленных аспектов, а в глубине анализа, выявлении сущности исследуемых объектов.

Существует два вида интерпретации: индуктивный и дедуктивный. Дедуктивная интерпретация предполагает первичное теоретическое толкование, или выдвижение гипотезы, в подтверждение которой затем приводятся данные полноты наблюдения и полноты описания. Такой метод направлен на конструирование теоретической модели, в рамках которой осуществляется последующее рассмотрение и толкование. Данные двух видов интерпретации формируют ее полноту.

Применяя метод интерпретации, важно соотносить теорию с языковым материалом. Так, говоря о фонологических особенностях фразеологизмов в русском языке, можно выявить следующие явления. Во-первых, они часто рифмуются: *на вкус и на цвет товарища нет*; *Федот, да не тот*. Во-вторых, им бывает свойствен параллизм: *тише воды, ниже травы; сказано – сделано*. В-третьих, в них выделяются стихотворные размеры: *воля ваша, дело в шляпе, пуще глаза – хорей; ни то ни се, горит в руках – ямб; лебединая песня – анапест; молодо-зелено, сказано – сделано – дактиль; от слушаю к слушаю – амфибрахий*. Особенность китайских фразеологизмов заключается в их четырехсложном строении. Конструкция из четырех слогов, записываемая четырьмя иероглифами (так называемый чэньюй), образует законченную форму и создает особую фонологическую структуру, выполняющую и особые эстетические функции. Как отмечает Сян Гуанчжун [Сян Гуанчжун 1997], на основании фонетической структуры и параллизма создаются *jūn¹ qī² mēi³* (красота-стройность), *hūi² huān² mēi³* (красота-обратность), *ciō⁴ zōng¹ mēi³* (красота-синтез). В основе такого строения фразеологизмов в китайском языке лежит дуализм (парность), присущий в целом китайскому мышлению и всей китайской культуре, отраженный в изречении: *tian¹ dì⁴ hē² qī⁴, wú⁴ ou² zǐ⁴ shēng¹ yí¹* («небо и земля находятся в согласии, и предметы рождаются попарно»).

Как можно заключить в итоге, сопоставление основывается на описании, интерпретации и сравнении языковых фактов двух или более языков (диалектов). Как и всякий полезный инструмент научного анализа, метод сопоставления включает в себя все новые аспекты лингвистических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грамматика 1954 – Грамматика русского языка. Т. II. М., 1954.
Ван Хуньюй 2001 – *Ван Хуньюй*. О конструкции «как только» // Китайская филология (Чжунго юйвэнь). 2001. № 2 (на кит. яз.).
Син Фуи 2003 – *Син Фуи*. Избранные статьи. Ухань, 2003 (на кит. яз.).
Сян Гуанчжун 1997 – *Сян Гуанчжун*. Чэньюй – речения и их взаимосвязь с окружающим миром, культурными традициями и особенностями языка // Китайская филология (Чжунго юйвэнь). 1997. № 2 (на кит. яз.).
Цуй Вэй 2000 – *Цуй Вэй*. Введение в сопоставительную лингвистику. Харбин, 2000 (на кит. яз.).

Перевод с китайского К.А. Маркиной

© 2009 г. О.А. АНИЩЕНКО

ЭВОЛЮЦИЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ РЕЧИ: ОТ ТЕХНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ДО ЖАРГОНА

Статья посвящена истории формирования и изучения русского молодежного жаргона в аспекте его терминообозначения на разных этапах развития языка. Хронология функционирования лингвистических терминов выявляется на богатом мемуарно-художественном, публицистическом, историческом и научном материале. Автор прослеживает эволюцию молодежного социолекта и трансформацию обозначений: от технического выражения до технического языка; от школьного жаргона до молодежного жаргона.

Молодежный жаргон, активно проникающий сегодня в общенародную речь и оказывающий все более ощутимое влияние на русский литературный язык, является объектом живого интереса исследователей: изучается взаимодействие молодежного жаргона с другими социальными диалектами, его понятийно-тематический состав и стилистическая окрашенность, анализируются источники пополнения и словообразовательные модели жаргонной лексики. Рассматриваются также вопросы выбора терминов для обозначения молодежной речи (особого состава слов и выражений). При этом для номинации молодежной лексики активно используются французские термины «жаргон» (*jargon*), «арго» (*argot*), а также заимствованный из английской лексикологии термин «сленг» (*slang*).

Однако молодежный жаргон, отличающийся новизной и экспрессией, существует не одну сотню лет, и остаются открытыми вопросы: А какими были первые обозначения молодежного социолекта? Как сама молодежь определяла созданные в ее среде слова и выражения? Вот вопросы, на которые отсутствуют пока ответы в отечественной лингвистике. Для полной картины понятийно-терминологической системы необходимо проследить путь развития русского молодежного жаргона, обратившись к его истокам, к его истории.

История молодежного жаргона начинается с формирования лексико-фразеологического состава различных школьных жаргонов. Первые упоминания о специфических школьных лексемах находим в художественных произведениях «Бурсак» (1824 г.) В. Нарежного, «Тарас Бульба» (1834 г.), «Вий» (1835 г.) Н. В. Гоголя, «Пан Халявский» (1839 г.) Квитки-Основьяненко, изображающих старую бурсу XVII–XVIII веков – старинную Киевскую академию, первое высшее учебное заведение в России.

Писатель В. Нарежный первым в 1824 г. знакомит читателей со своеобразной ученической иерархией, отраженной в наименованиях лиц – учащихся различных отделений семинарии: «...почтенное сословие бурсаков образует в малом виде великолепный Рим, и консул управляет оным вместе с сенатом. В консулы избирается старший из богословов, а прочие богословы и философы образуют сенаторов; риторы составляют ликторов, или исполнителей приговоров сенатских; поэты называются целерами или бегунами, которые употребляются на рассылки...» [Нарежный 1887: 11].

Вслед за В. Нарежным Н. В. Гоголь, фиксируя принятые в семинарском кругу обозначения (*философ*, *богослов*, *ритор*, *авдитор*, *паля* и др.), вводит авторский комментарий – «слово техническое»: «Бурса и семинария носили какие-то длинные подобия сюртуков, простиравшихся по сие время – слово техническое, означавшее: далее пя-

ток» [Гоголь 1960: 214–215]. Гоголевское «слово техническое» – это, возможно, первое обозначение молодежного жаргонизма, которое позже часто будет встречаться в мемуарной литературе: «...кстати упомянуть о некоторых **технических словах**, имевших право гражданственности в одном только корпусе, и, сколько мне известно, не попавших ни в один диксионер...» [М.Л. 1862: 398]; «**технический школьный термин**» [Эвальд 1900: 70]; «**техническое выражение**, хорошо известное и начальству» [Измайлов 1903: 53].

А благодаря роману «Пан Халявский» Г.Ф. Квитки-Основьяненко становятся известными выражения **«таинственный бурсацкий язык»** и **«жаргон заговорщиков»**. Автор сатирически рисует образ наставника (домине), который обучение латинскому языку свел к окончанию «ус»: «Латынь же, преподанная им ученикам, свелась к окончанию "ус", которым они коверкали обыкновенные слова, превращая свою речь в своеобразный жаргон заговорщиков. Учителю понравилась вишневка, и один из братьев в присутствии папеньки и маменьки спешит пообещать домине: "Я украдентус у маментус ключентус и нацедентус из погребентус бутылентус"» [Квитка-Основьяненко 1971: 87].

Примеры латинизирования русских слов бурсаками ранее (в 1831 г.) высмеял Н.В. Гоголь в предисловии к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» («один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латынищиком, что позабыл даже язык наш православный. Все слова сворачивает на ус. Лопата у него лопатус; баба – бабус»), а позже (в 1863 г.) – Н.Г. Помяловский в «Очерках бурсы» («Как сказать по латыни: лошадь свалилась с моста? – Молодец отвечает: "Лошадендум свалендум с мостендум"»). Подобное «засекречивание» слов – своеобразный **«тарабарский»** прием школьников; о нем упоминает в предисловии (см. раздел «Языки искусственные») к «Толковому словарю живого великорусского языка» и В.И. Даль, выделяя среди разновидностей **искусственного языка «тарабарский язык»** школьников, состоящий в перестановке или замене согласных, а также «говор по-хсрам», когда за каждым слогом приговаривают «хер» [Даль 1978: LXXVI–LXXVIII]. (Однако тарабарский язык, созданный в результате перестановки, замены или добавления слогов, не тождествен жаргону. Как справедливо отмечают ученые, это глубоко различные лексические системы и по словоизводству, и по социальной природе [Поливанов 1931: 58; Грачев 1997: 99].)

Кроме этого языкового приема, Г.Ф. Квитка-Основьяненко запечатлевал также специфические семинарские наименования (*субботки, ритор, палия* и др.).

К первым, кто заявил о бытовании в закрытых учебных заведениях специфических лексем, относится и В.И. Даль, закончивший в 1819 г. Петербургский морской корпус и в 1830-х годах написавший автобиографическую повесть «Мичман Поцслусв», где отметил **«принятые и понятные»** в кадетском обиходе слова, предлагая читателям разгадать их тайный смысл: «...вот вам, – обращается к читателям тонкий знаток русского языка, – целый список новых слов, принятых и понятных в морском корпусе; читайте и отгадывайте: *бадяга, бадяжка, бадяжник, новичок, свести, обморочить, нетленный, копчинка, старик, старина, стариковать, кутило, огуряться, огуряло, отказаной, отчаянныи, чугунный, жилить, жила, отжилить, прижать, прижимало, сходить, втереть очки, живая очки, распечь, распекало, отнуть, накласть горячих, на фарте, на вагане, на шарапе, фурочкой, фурка и прочее*» [Даль 1897: 382].

Таким образом, можно предположить, что первые фиксации русских школьизмов относятся к 1820–1830-м годам, причем, они единичные и не называются термином «молодежный жаргон».

Данный термин, как показывают наши наблюдения, в XIX веке не употреблялся. Сами носители жаргона (а это можно проследить по многочисленным воспоминаниям о школьной жизни, которые печатались на страницах журналов и выходили отдельными изданиями во второй половине данного столетия – в скобках отмечено время создания источников) определяют его чаще как «язык» с характерным определением-уточнением: **«местный язык»** (Н. Герасимов. Долбня (Воспоминания из училищной

жизни), 1860; Н.Г. Помяловский. Очерки бурсы, 1863; Из воспоминаний институтки 60-х годов, 1887), «технический язык школьников» (А.Н. Афанасьев. До гимназии и в гимназии, 1872), «корпусный язык» (Д. Завалишин. Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822, 1873), «наш воспитаннический язык» (В.В. Стасов. Училище правоведения сорок лет тому назад, 1881), «свой особенный язык» (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Семья и школа, 1880), «условный язык» (М. Малеонский. Владиславлев. Повесть из быта семинаристов и духовенства, 1883), «кадетский язык» (М.Я. Ольшевский. Первый кадетский корпус в 1826–1833 гг., 1886), «бурсацкий язык» (Н.Г. Помяловский. Очерки бурсы, 1863; Д. Н. Мамин-Сибиряк. Семья и школа, 1880), «наш школьный язык» (В. Эвальд. Из школьных воспоминаний, 1890), «институтский язык» (А.Н. Энгельгардт. Очерки институтской жизни былого времени, 1890; Из воспоминаний институтки 60-х годов, 1887), «язык воспитанниц» (А.Н. Энгельгардт. Очерки институтской жизни былого времени, 1890), «язык семинаристов» (М. Малеонский. Владиславлев. Повесть из быта семинаристов и духовенства, 1883), «корнетский язык» (Г. Домрачев. Корнеты и сугубцы, 1912).

Как синоним термину «язык» употребляется в воспоминаниях М. Малеонского (бывшего семинариста) и А.Н. Энгельгардт (бывшей институтки) термин «наречие»: «школьное наречие» (М. Малеонский. Владиславлев. Повесть из быта семинаристов и духовенства, 1883), «институтское наречие» (А.Н. Энгельгардт. Очерки институтской жизни былого времени, 1890). Однако предпочтительным все же остается обозначение «язык».

Активное употребление в мемуарной литературе термина «язык» объясняется тем, что в XIX веке он был традиционным при обозначении различных социально-обусловленных вариантов языка.

«У каждого нашего сословия, – писал В.Г. Белинский, – всё своё особенное – и платье, и манеры, и образ жизни, и даже язык. Чтобы убедиться в этом, стоит только провести вечер, на котором сошлись бы нечаянно чиновник, военный, духовный, студент, семинарист, профессор, художник, увидя себя в таком обществе, вы можете подумать, что присутствуете при разделении языков» [Белинский 1896: 290–291].

При изучении словаря той или иной социальной группы, того или иного сословия указывался определенный круг носителей языка, например: «Словарь языка шерстобитов», «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка», «Язык швецов Симбирской губернии». Названия этих и других работ в данной области отражают лингвистическую традицию. Ей следует и Д.К. Зеленин (1905 г.), рассматривая **условный технический язык** «представителей самых разнородных профессий».

Зачатки такого языка, по его мнению, наблюдаются и «в школах, особенно в закрытых учебных заведениях», где «в обращении ходят всегда более или менее значительное число условных технических выражений» [Зеленин 1905: 109]. (Как видим, обозначение **«техническое выражение»**, введенное для определения слов «школьарского происхождения» Н.В. Гоголем, сохраняет свою свежесть и в начале XX века.)

Термином «язык» оперирует и Бодуэн де Куртене, различая «языки известных ремесел, званий (например, язык актеров) и общественных классов, язык мужчин и женщин, язык различных возрастов, язык различных переходных положений (например, язык солдатский, язык каторжников и заключенных и т.п.)» [Бодуэн де Куртене 1963: 74–75]. Среди своеобразных **«условных языков»** ученый выделяет также «язык студентов, гимназистов, семинаристов, институток и т.д.» [Бодуэн де Куртене 1908: X].

При этом Бодуэн де Куртене условный язык учащейся молодежи называет **полутайным жаргоном**. «Существуют, – отмечает он, – языки тайные и полутайные, так называемые “жаргоны”: язык студентов, язык гимназистов, язык странствующих торговцев (например, в России язык оленей, язык костромских шерстобитов и т. п.), язык уличных мальчишек, язык проституток, язык хулиганов, язык мошенников, воров и всякого рода преступников и т. п.» [Бодуэн де Куртене 1963: 75].

Ученый, как видим, ставит знак равенства между терминами «язык» и «жаргон».

Подобную лингвистическую тенденцию отражают также литературные памятники конца XIX века, в которых особенности словоупотребления школьников характеризуются не только через компонент «язык», но и с использованием обозначения «жаргон»: «бурсацкий жаргон» (Э – г – Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830–1840 гг. (Из воспоминаний бывшего студента), 1881); «гимназический жаргон» (Н.А. Бундас. Очерки из жизни С-кой гимназии в 50-х годах, 1897; А.И. Куприн. На переломе, 1900 г.; В.Г. Короленко. История моего современника, 1905); «кадетский жаргон» (К.М. Станюкович. Маленькие моряки, 1893); «особый жаргон» (Л.И. Януш. Полвека назад (Воспоминания о Втором Московском кадетском корпусе), 1907); «институтский жаргон» (Н.А. Лухманова. Девочки: Воспоминания из институтской жизни, 1899; Ф.Л. Из воспоминаний о Московском Александровском институте, 1900; Л.А. Чарская. Записки институтки, 1905); «училищный жаргон» (А.А. Измайлова. В бурсе, 1903) и т.д.

И если В.И. Даля специфические кадетские выражения называет «принятыми и понятными в кадетском обиходе», то П.И. Мельников (Андрей Печерский) во вступительной статье к первому посмертному полному изданию сочинений В.И. Даля (1897 г.), подчеркивая автобиографический характер повести «Мичман Поцелуев», акцентирует внимание читателей на знакомстве героя с «кадетским жаргоном», «перечисленным во время сочинения повести не по записи, а по памяти, как сказывал Владимир Иванович» [Мельников 1897: IX].

В комментариях от редакции (журнал «Русское богатство», 1912 г. № 11) к статье Г. Домрачева о первых днях его пребывания в кавалерийском училище читаем: «И вот, черта за чертой, пред нами рисуется этот замкнутый исключительный мирок, культивирующий, по странной преемственности, свои особые традиции, проникнутые особым “духом” с совершенно особыми нравами и с **собственным жаргоном**».

Таким образом, на рубеже веков, наряду с термином «язык», применительно к словарю молодежи становится употребительным и термин «жаргон».

Существует мнение, что в начале XX века он «преимущественно связывается с языковой практикой преступного мира», с воровской средой [Подберезкина 2006: 140]. Можно ли с этим согласиться?

Воровской жаргон, арго (первые его обозначения – **условный язык преступников, байковый язык, музыка**) начинает изучаться, как считает М.А. Грачев, с середины XIX века [Грачев 2005: 17]. Специфика же речевого общения учащихся не являлась объектом научных исследований в дореволюционной России. Первая (и весомая) научная попытка рассмотреть причины появления специфических школьных лексем, проанализировать их семантику и способы образования была предпринята Д.К. Зелениным в его известной работе «Семинарские слова в русском языке» [Зеленин 1905].

Начинает привлекать широкое внимание языковедов и становиться предметом научных исследований молодежная речь лишь в 1920–1930-е годы, когда реформируется система образования, отменяется дореволюционное разделение школ, устанавливается совместное обучение мальчиков и девочек. Революция и гражданская война породили армию беспризорников, и школьный язык в силу известных причин подвергся влиянию **латной музыки, жаргону тюрьмы**. (Именно под таким названием выходит в свет в 1908 г. словарь В.Ф. Трахтенберга с небольшой вступительной статьей И.А. Бодуэна де Куртене (всего две страницы), в которой словосочетание **латная музыка** встречается двенадцать раз! [Грачев 2005: 18].) За арготическим фразеологизмом закрепляется неразрывная связь с преступностью и правонарушителями, а обозначение **жаргон** приобретает негативную, сниженную окраску.

В 20-х годах XX в. общественность и лингвисты были обеспокоены «массовым проникновением словечек преступников в речь подрастающего поколения» [Грачев 2005: 60], одна за другой выходят статьи, посвященные данной проблеме, среди которых выделяются работы Е.П. Луповой «Из наблюдений над **речью учащихся** в школах II ступени Вятского края» (1927 г.), М.А. Рыбниковой «Об **искажении и огрубении речи учащихся**» (1927 г.), П.С. Богословского «К вопросу о составе лексики современно-

го школьного языка» (Из материалов изучения языка учащихся пермских школ) (1927 г.), С.А. Копорского «Воровской жаргон в среде школьника» (1927 г.) и др.

Так, М.А. Рыбникова пишет «об искажении и огрубении речи учащихся», подчеркивает широкую распространенность среди молодежи слов, «многие из которых идут от «блатной музыки», т.е. из воровского жаргона тюремных завсегдатаев» [Рыбникова 1927: 246]. П.С. Богословский, задавая вопрос: «Каково содержание лексики современного школьного языка?», отмечает огромное количество слов, необычайно грубых по содержанию, а по своему происхождению наводящих на весьма грустные размышления [Богословский 1927: 24]. «Несомненно, – заключает автор, – что лексика школьного языка пополнилась элементами «Блатной музыки» через посредство малолетних «правонарушителей»» [Богословский 1927: 24].

Один из первых исследователей послереволюционной языковой ситуации в России С.А. Копорский также подчеркивает, что уже в двадцатые годы речь школьников была заметно окрашена элементами **воровского жаргона** [Копорский 1927].

Проблему «речевого хулиганства» в «школьной и комсомольской среде» продолжают в 1931 году Е.Д. Поливанов и В.В. Стратен.

В статье «О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции» Е.Д. Поливанов обращает внимание на то, что «зачатки бурно разросшегося сейчас «речевого хулиганства» были присущи русской средней школе уже довольно давно», и вспоминает свои гимназические годы (годы вокруг первой революции – 1905 г.), когда школьники активно использовали в разговоре жаргонные слова, которые, с одной стороны, объединяли их с уличными хулиганами, а, с другой стороны, будучи специфическими, ограничивались стенами школы [Поливанов 1931: 161–162]. «Снижение штиля» современного языка учащихся в сторону социальных низов, он объясняет влиянием «блатной речи»: «...«снижающий штиль» жаргон существует в школе потому, что у школьников хронически существует потребность определять себя и собеседника именно в вышеуказанном смысле – в виде хулиганов или в виде играющих «под хулиганов»» [Поливанов 1931: 164].

Мысль об объединяющей (школьников с беспризорниками) функции блатного жаргона развивает В.В. Стратен: «Сибирские школьники говорят почти так же, как киевские или одесские беспризорные, а ленинградские, напр., или иркутские беспризорные – как полтавские или ярославские школьники. Это один и тот же жаргон, основанный на блатном арго и только кое в чем видоизмененный и обновленный» [Стратен 1931: 141–142].

Таким образом, первый этап изучения молодежной речи совпадает с бурной активностью, «разгулом» воровского жаргона и его влиянием на формирование словарного состава молодежного жаргона. Неудивительно поэтому и развитие негативной оценки понятия «жаргон», и «возмущенное негодование по этому поводу пуритов-педагогов». Вместе с тем, авторы критических статей не только призывают бороться с «порчей языка», но и отмечают выразительность, экспрессивность жаргонных слов. У жаргона, как подчеркивает сам носитель и создатель его в школьные годы Е.Д. Поливанов, «более богатое (т.е. более обильное отдельными представлениями) смысловое содержание, чем у их обыкновенных (а потому и пустых в известном отношении) эквивалентов из нормального языка» [Поливанов 1931: 163].

Исследователи тех лет считают закономерным создание специального лексикона в ученической корпорации.

При этом необходимо отметить нередкое использование в статьях обозначения термина «жаргон» с указанием на школьную среду: «школьный жаргон», «слова школьного жаргона», «русский школьный жаргон», «жаргон средней школы» и т.д. Это говорит о том, что в данный период в отечественной социолингвистике (среди основателей которой – Е.Д. Поливанов и В.В. Стратен) признается существование различных видов жаргона, в том числе и школьного. «Жаргон средней школы» рассматривается как особая разновидность социально-групповых диалектов [Поливанов 1931: 168]. И борьба общественности была направлена не на него как на естественную дет-

скую потребность в языковой новизне, а на проникающую в него арготическую лексику, которая, «снижая штиль», вносила излишнюю грубость. В этом плане характерно мнение М. Рыбниковой: «Сила жаргона – в его необычности и выразительности. Дети всегда любят тайную речь, то говорят “на шицах”, то переставляют слоги слова, то просто пускают в ход “словечки”» [Рыбникова 1927: 247].

Таким образом, нельзя безоговорочно разделять точку зрения на то, что в начале XX века термин «жаргон» ассоциируется преимущественно с преступной средой.

Этот период – 1920–1930 годы – способствовал привлечению внимания к проблемам образования, к школьной системе преподавания, а также к социальному составу учащихся и их специальному словоупотреблению – **школьному жаргону**.

В последующие годы изучение школьного жаргона, несмотря на появление нового лексического материала, будет приостановлено. В аргологии (жаргонологии) наступает определенное «затишье» [Елистратов 2000: 576]. Это связано с политическими условиями в стране, с официальным запрещением изучать русский жаргон.

Исследования школьного (студенческого) жаргона возобновляются в конце 50-х – нач. 60-х гг. ХХ века [Костомаров 1959; Скворцов 1964; Леонова 1966]. Свое отношение к этому языковому явлению одним из первых выскажет К.И. Чуковский: «...кто из нас, стариков, не испытывает острой обиды и боли, слушая, на каком языке изъясняется иногда наше юношество!» [Чуковский 1962: 101]. Поднимая вопросы культуры речи, писатель называет жаргон «юнцов» вульгарным, «людоедским» (сравнивая с речью Элочки-людоедки, «высмеянной Ильфом и Петровым») и считает, что борьбу с ним необходимо начинать в школе, «где и зарождается этот жаргон» [Там же: 103]. Однако писатель предлагает не только бороться за чистоту русского языка, но и постараться понять подростков, которым хочется «новых, небывалых, причудливых, экзотических слов – таких, на которых не говорят ни учителя, ни родители, ни вообще старики». «Это бывает со всеми подростками, – отмечает К.И. Чуковский, – и нет ничего криминального в том, что они стремятся создать для себя язык своего клана, своей “касты” – собственный, молодежный язык» [Там же: 105].

Пытаясь разобраться в причинах возникновения жаргона, он (в 1966 г.) дополняет главу «Вульгаризмы» в книге «Живой как жизнь»: появляются рассуждения о том, что литература призвана отражать живую разговорную речь и что несправедливо обвинять ее в распространении жаргона. «Сколько бы ни сустились пуристы, живая разговорная речь непременно просочится и в романы, и в рассказы, и в повести, и в стихи, отражая в себе умственный и нравственный облик той социальной среды, которая сформировала эту разговорную речь» [Чуковский 1966: 129].

Появляется также ссылка на статью Л.И. Скворцова «Об оценках языка молодежи» (1964 г.), в которой автор рассматривает структурно-семантические особенности **молодежного жаргона**. Л.И. Скворцов оперирует определением «молодежный», считая, что оно отвечает духу времени. В послевоенное время в стране постепенно складываются все необходимые условия для объединения молодых людей (школьников, студентов, молодых рабочих, музыкантов и т.д.). Средства массовой информации, газеты, радио, телевидение, художественная литература, кинофильмы, песни – все способствовало распространению общих увлечений, своеобразной моды одеваться и схожему речевому поведению. Популярными становятся «стиляги», их лексика, а также «профессиональный жаргон музыкантов (“лабухов”), в состав которого входит много арготических слов и элементов старых условных языков» [Скворцов 1966: 9]. Этот разряд «лабушско-стиляжей» по происхождению лексики активно усваивается молодежью, в частности студенчеством, чей жаргон, как отмечает Л.И. Скворцов, «становится господствующим» в **молодежном жаргоне** [Скворцов 1966: 8].

И вот, что характерно: К.И. Чуковский, дополняя свои наблюдения, включает в свои рассуждения определение «молодежный», подробно раскрывает состав носителей жаргона.

Сравним две редакции: 1962 и 1966 гг.

Чуковский К.И. Живой как жизнь (Разговор о русском языке). М.: Молодая гвардия, 1962	Чуковский К.И. Живой как жизнь // Чуковский К.И. Собр. соч.: В 6 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 3.
«...кто из нас, старики, не испытывает острой обиды и боли, слушая, на каком языке изъясняется иногда наше юношество!» (с. 101)	«...кто из нас, старики, не испытывает острой обиды и боли, слушая, на каком языке изъясняется иногда наше юношество – школьники, студенты, молодые рабочие» (с. 122)
“Но можем ли мы так безапелляционно судить этот жаргон?» (с. 105)	«И кроме того: можем ли мы так безапелляционно судить этот “молодежный” жаргон?» (с. 130)
«...и нет ничего криминального в том, что они стремятся создать для себя язык своего клана, своей “касты” – собственный, молодежный язык» (с. 105)	«...и нет ничего криминального в том, что они стремятся создать для себя язык своего клана, своей “касты” – собственный, “молодежный” язык» (с. 131)
	«Адвокаты “молодежного” жаргона говорят, будто он служит теснейшему сближению школьников и повышает их коллективное чувство» (с. 132)

Обозначение «молодежный» автор заключает в кавычки, подчеркивая тем самым новые тенденции в обществе и в языке, и правомерно, на наш взгляд, делать вывод о том, что термин **«молодежный жаргон»** становится широко употребительным с 1960-х гг. Немаловажную роль в его популяризации сыграли научные изыскания Л.И. Скворцова. «При относительной единовозрастности той или иной группы говорящих, – отмечает ученый, – жаргонная речь выступает как характерная черта языка поколения (особенно молодого). Это и дает возможность ставить вопрос о современном молодежном жаргоне (сленге) как одном из социально-речевых стилей нашего времени» [Скворцов 1966: 8].

В дальнейшем **школьный (студенческий) жаргон** будет рассматриваться как **разновидность молодежного жаргона**, с годами все более обогащающегося. Объектом внимания станут не только жаргоны учащейся молодежи (в основном – студентов), но и такие проявления молодежной речи, как: **жаргоны солдат и матросов срочной службы, жаргоны неформальных молодежных объединений (хиппи, панков, металлистов, фанатов), жаргоны хипхоперов, компьютерщиков, уличных музыкантов, толкинистов, про-геймеров и др.** ([Скворцов 1964; Лошманова 1975; Копыленко 1976; Дубровина 1980; Лукашанец 1982; Крысин 1989; Запесоцкий, Файн 1990; Мазурова 1991; Рожанский 1992; Зайковская 1993; Ермакова 1996; Береговская 1996; Марочкин 1998; Мокиенко, Никитина 2000; Никитина 2003; Грачев 2006] и др.).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что русский молодежный жаргон имеет многолетнюю историю развития и функционирования. Литературные памятники (первые фиксации относятся к началу XIX века) отражают не только его эволюцию, но и трансформацию обозначений: от технических выражений до технического языка; от школьного жаргона до молодежного жаргона. Новая терминология была обусловлена изменениями в общественной жизни, изучением русских социолектов и новыми лингвистическими тенденциями, при этом на смену нейтральным обозначениям («техническое выражение», «язык») приходит оценочное «жаргонизм» (негативная окраска которого приобретается в 20–30-е гг., когда молодежная речь в силу известных причин подвергается влиянию уголовного арго).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белинский 1896 – В.Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. 4. СПб., 1896.

- Береговская 1996 – Э.М. Береговская. Молодежный сленг: формирование и функционирование // ВЯ. 1996. № 3.
- Богословский 1927 – П.С. Богословский. К вопросу о составе лексики современного школьного языка // Уральский учитель. 1927.
- Бодуэн де Куртене 1908 – И.А. Бодуэн де Куртене. Предисловие // В.Ф. Трахтенберг. Блатная музыка. СПб., 1908.
- Бодуэн де Куртене 1963 – И.А. Бодуэн де Куртене. Язык и языки // И.А. Бодуэн де Куртене. Избр. труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.
- Гоголь 1960 – Н.В. Гоголь. Вий // Н.В. Гоголь. Собрание художественных произведений в пяти томах. Т. 2. М., 1960.
- Грачев 1997 – М.А. Грачев. Русское арго. Монография. Н. Новгород, 1997.
- Грачев 2005 – М.А. Грачев. От Ваньки Каина до мафии. СПб., 2005.
- Грачев 2006 – М.А. Грачев. Словарь современного молодежного жаргона. М., 2006.
- Даль 1897 – В.И. Даль. Мичман Поцелуев // Полн. собр. соч. В. Даля: В 10 т. Т. 2. СПб.; М., 1897.
- Даль 1978 – В.И. Даль. Языки искусственные // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Т. 1. М., 1978.
- Дубровина 1980 – К.Н. Дубровина. Студенческий жаргон // ФН. 1980. № 1.
- Елистратов 2000 – В.С. Елистратов. Аргот и культура // В.С. Елистратов. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг. Около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. М., 2000.
- Ермакова 1996 – О.П. Ермакова. Семантические процессы в русском молодежном жаргоне // Поэтика, стилистика, язык и культура / Под ред. Н.Н. Розановой. М., 1996.
- Зайковская 1993 – Т.В. Зайковская. Пути пополнения лексического состава современного молодежного жаргона: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Запесоцкий, Файн 1990 – А.С. Запесоцкий, А.П. Файн. Эта исполненная молодежь: Проблемы неформальных молодежных объединений. М., 1990.
- Зеленин 1905 – Д.К. Зеленин. Семинарские слова в русском языке // Русский филологический вестник. Т. I–IV. Варшава, 1905. № 3–4.
- Измайлов 1903 – А.А. Измайлов (Смоленский). В бурсе (Бытовая хроника в двух частях). СПб., 1903.
- Квитка-Основьяненко 1971 – Г.Ф. Квитка-Основьяненко. Пан Халявский. М., 1971.
- Копорский 1927 – С.А. Копорский. Воровской жаргон в среде школьников: По материалам обследования ярославских школ // Вестник просвещения. 1927. № 1.
- Копыленко 1976 – М.М. Копыленко. О семантической природе молодежного жаргона // Л.П. Крысин, Д.Н. Шмелев (ред.). Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Костомаров 1959 – В.Г. Костомаров. Откуда появилось слово «стиляга» // Вопросы культуры речи. М., 1959. Вып. 2.
- Крысин 1989 – Л.П. Крысин. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Леонова 1966 – Н.А. Леонова. О произношении современной молодежи // Уч. зап. Курского гос. пед. ин-та. 1966. Т. 25. Вып. 2.
- Лошманова 1975 – Л.Т. Лошманова. Жаргонизированная лексика в бытовой речи молодежи 50–60-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975.
- Лукашанец 1982 – Е.Г. Лукашанец. Лексические заимствования и их нормативная оценка (На материале молодежного жаргона 60–70-х гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Луппова 1927 – Е.П. Луппова. Из наблюдений над речью учащихся в школах II ступени Вятского края // Труды Вятского научно-исслед. ин-та краеведения. Вятка, 1927. Т. 3.
- Мазурова 1991 – А.И. Мазурова. Сленг хип-системы // По неписанным законам улицы. М., 1991.
- Марочкин 1998 – А.И. Марочкин. Лексико-фразеологические особенности молодежного жаргона (На материале речи молодежи г. Воронежа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998.
- Мельников 1897 – П.И. Мельников (Андрей Печерский). Владимир Иванович Даль. Критико-биографический очерк // Полное собрание сочинений В.И. Даля. Т. 1. СПб.; М., 1897.
- Мокиенко, Никитина 2000 – В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- М.Л. 1862 – М.Л. Несколько заметок о втором кадетском корпусе // Военный сборник. 1862. № 4.

- Нарежный 1887 – *В. Нарежный*. Бурсак. СПб., 1887.
- Никитина 2003 – *Т.Г. Никитина*. Словарь молодежного сленга (Материалы 1980–2000 гг.). 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003.
- Подберезкина 2006 – *Л.З. Подберезкина*. «Корпоративный язык» в аспекте социальной дифференциации языка (к вопросу о термине) // Слово в словаре и дискурсе. Сб. научн. статей к 50-летию Харри Вальтера. М., 2006.
- Поливанов 1931 – *Е.Д. Поливанов*. О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции // Е. Поливанов. За марксистское языкознание. М., 1931.
- Рожанский 1992 – *Ф.И. Рожанский*. Сленг хиппи: Материалы к словарю. СПб.; Париж, 1992.
- Рыбникова 1927 – *М. Рыбникова*. Об исказении и огрублении речи учащихся // Родной язык в школе. 1927. № 1.
- Скворцов 1964 – *Л.И. Скворцов*. Об оценках языка молодежи (Жаргон и языковая политика) // Вопросы культуры речи. М., 1964. Вып. 5.
- Скворцов 1966 – *Л.И. Скворцов*. Взаимодействие литературного языка и социальных диалектов (на материале русской лексики послеоктябрьского периода): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
- Стратен 1931 – *В.В. Стратен*. Арго и арготизмы // Труды комиссий по русскому языку. Т. 1. Л., 1931.
- Чуковский 1962 – *К.И. Чуковский*. Живой как жизнь (Разговор о русском языке). М., 1962.
- Чуковский 1966 – *К.И. Чуковский*. Живой как жизнь // К.И. Чуковский. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1966.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2009 г. М.И. ИСЛАЕВ

КРУПНЕЙШИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ КОНЦА XIX В. И НАЧАЛА XX В. АКАДЕМИК Вс.Ф. МИЛЛЕР (к 160-летию со дня рождения ученого)

В статье описывается жизнь и творчество крупнейшего представителя русской филологической науки конца XIX – начала XX вв. Вс.Ф. Миллера.

В.Ф. Миллер родился в Москве седьмого апреля 1848 г. в интеллигентной семье видного поэта-переводчика Федора Богдановича Миллера, атмосфера в которой благоприятствовала духовному становлению будущего академика.

Исключительная способность к языкам проявилась у В.Ф. Миллера еще в годы учёбы в пансионе, когда он овладел в совершенстве двумя западными языками: немецким и французским. Тогда же изучил он и английский язык, затем овладел итальянским и санскритом.

Будучи еще совсем юношей, В.Ф. Миллер под влиянием востоковеда Павла Яковлевича Петрова заинтересовался восточной филологией и в 1865 году поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В стенах университета В.Ф. Миллер приобретает глубокие знания в области народной словесности, сравнительного языкознания и санскрита.

В 1870 году В.Ф. Миллер окончил Московский университет и был оставлен по представлению проф. Петрова для подготовки к профессорскому званию на кафедре сравнительного языкознания. Здесь ученый развел кипучую деятельность по дальнейшему изучению санскрита, русской словесности, языков прибалтийских народов и т.д.

Наибольший интерес вызывала у В.Ф. Миллера арийская (индоиранская) ветвь индоевропейской семьи языков. Научные изыскания в этой области закономерно привели русского ученого к иранским языкам народов России. А среди них, как известно, особую ценность для сравнительного изучения представляет осетинский язык. Интерес ученого к осетинскому языку усугубляется еще и другим. Уже тогда выявились преемственная связь осетин с сарматами и скифами.

Занятия В.Ф. Миллера осетинским языком в основном проходили в самой Осетии. Первую поездку в Осетию В.Ф. Миллер совершил в 1879 году. Исследователь собрал большой языковой материал, который составил первый том его известных «Осетинских этюдов». На Кавказе В.Ф. Миллер был и в следующем, 1880 году, углубляя свои познания в осетинском языке и собирая новый языковой материал.

В 1881 году В.Ф. Миллер совершает третью поездку на Кавказ. В том же году он принимает активное участие в V археологическом съезде в г. Тифлисе, где выступает с обширным докладом по истории, археологии, этнографии, фольклору и языку осетин. Здесь же ученый предлагает программу по изучению осетинского языка и под-

черкивает исключительную важность для осетиноведения изучения диалектов. Было указано также на необходимость начать составление осетинско-русско-иностранных словаря. Как мы убедимся далее, свою обширную программу В.Ф. Миллер не только наметил, но и осуществлял до конца своей жизни.

Следующие две поездки на Кавказ состоялись в 1885–1886 гг. Первую из них В.Ф. Миллер совершил с известным кавказоведом М.М. Ковалевским. Они побывали не только в Осетии, но и в Кабарде, где производили археологические раскопки и собирали фольклор. В своей последней поездке (1886 г.) В.Ф. Миллер посетил Горную Кабарду и Чечню. Результаты этой поездки опубликованы в первом выпуске «Материалов по археологии Кавказа». Тогда же записаны татские (горских евреев) тексты.

Во время своих пяти поездок на Кавказ В.Ф. Миллер изучал языки, этнографию, фольклор и историю различных народов. Много написано им работ по кавказским языкам. Однако основное внимание ученый уделял осетинскому языку. Среди многочисленных работ В.Ф. Миллера в этой области особое место занимают его «Осетинские этюды».

Первая часть «Осетинских этюдов» [Миллер 1881] появилась в 1881 г. В ней В.Ф. Миллер дает образцы фольклорных записей на разных диалектах и говорах, которые тщательно прокомментированы, переведены на русский язык и сохраняют свое значение и сейчас, как зафиксированный в определенный период фольклорный и языковый материал.

Через год (1882 г.) вышла из печати вторая часть «Этюдов» (более 300 страниц). После краткого авторского предисловия следует довольно подробная для своего времени библиография, в которой перечисляются книги текстов духовного содержания на осетинском языке, текстов по народной поэзии, сочинений об осетинском языке, путешествий, по этнографии, истории. Затем идут шесть глав грамматики осетинского языка.

Первая глава посвящается рассмотрению «Звуков осетинского языка и их выражения азбукой». Здесь дается довольно подробное описание звукового состава обоих диалектов. При этом, автор все время исходит из положений своего предшественника А. Шегрена, дополняя и углубляя его исследования.

Дальнейшее развитие выводов «Осетинской грамматики» стало возможным кроме всего еще и потому, что за прошедшие после ее появления 40 лет далеко шагнула вперед и сама наука о языке, и в частности, учение о звуках речи.

Многие фонетические положения А. Шегрена были уточнены и существенно исправлены. В.Ф. Миллер устанавливает 31 согласных, вместо 37 шегреновских и 7 (в дигорском диалекте 6) гласных, вместо 10 у А. Шегрена.

В отличие от А.М. Шегрена В.Ф. Миллер выявил также природу смычно-гортанных и указал на иноязычный источник их появления.

Во второй главе говорится о диалектах осетинского языка. Вначале автор называет три диалекта: иронский, дигорский, туальский (юго-осетинский). Однако затем заявляет, что между иронским и дигорским диалектами отличие значительно большее, нежели между туальским и иронским и правильнее называть туальский наречием иронского, указывая при этом на некоторые особенности юго-осетинских говоров.

Далее В.Ф. Миллер подробно рассматривает звуковые соответствия иронского и дигорского, устанавливает более архаичный характер дигорского диалекта. Но автор замечает и другое, что в некоторых случаях иронский сохранил более древние формы. Например, в конце слова иронскому *-м* в дигорском соответствует *-н*. Исторически, как правило, здесь было бы *-м* (скажем, диг. *нон* «имя» – ир. *ном*, древнеиранское *на-ма*). То же самое можно сказать об иронском элементе *-дз*, которому в дигорском соответствует *-й*. Иронский здесь также ближе к древнесиранскому *-ти*. Так, древнесиранское *кути* «собака», иронское *куыдз*, дигорское *куй* и т.д.

Глава третья посвящена изучению «отношений звуков осетинского языка к звукам иранского языка». Автор прослеживает становление осетинских звуков из древнесиранского. Раз и навсегда доказав иранский характер осетинского языка, он опреде-

лил его место среди других индоевропейских языков. Кроме истории языка здесь автор исследовал также ряд фонетических явлений, как-то: появление протетических гласных, влияние гласных друг на друга при встрече, ослабление гласных, их опущение и др.

В четвертой главе рассматривается осетинское словообразование. Даётся подробный обзор словообразовательных суффиксов. Притом, изучение ведется в историческом плане, т.е. там, где это возможно, восстанавливаются более древние формы суффиксов.

Отдельно останавливается автор на «сложных именах» (существительных и прилагательных), группируя их по «классам».

В пятой главе изучается один из наиболее важных разделов осетинской морфологии – склонение. Рассмотрение идет в следующем порядке:

- 1) образование множественного числа,
- 2) падежные окончания,
- 3) склонение имен существительных,
- 4) имена прилагательные,
- 5) местоимения,
- 6) имена числительные.

Автор отмечает агглютинативный характер образования множественного числа. «В противоположность принципам индоевропейского склонения, – пишет он, – примета множественного числа предшествует падежным окончаниям, а не следует за ними. Тот же принцип, напоминающий склонение урало-алтайских и угрофинских языков, как известно, находим в языках новоиранских, например, в новоперсидском» (с. 119).

При более глубоком изучении осетинского склонения В.Ф. Миллер пришел к выводу, что к 8 падежам, определенным А. Шегреном, следует добавить еще два: адессивный (местный внешний) и соединительный (союзный).

Далее В.Ф. Миллер подробно рассматривает становление всех падежных окончаний.

Следующий наиболее важный грамматический раздел «Спряжение» исследуется в шестой главе книги. И в данном случае В.Ф. Миллер развивает и углубляет положения А. Шегрена, пополнив их своими собственными наблюдениями. Кроме того, у автора под рукой были посвященные осетинскому глаголу исследования иранистов: австрийского этнографа и языковеда Фридриха Мюллера и русского ираниста Карла Залемана.

Материал рассматривается В.Ф. Миллером в следующем порядке:

- 1) личные окончания,
- 2) виды глагольных основ,
- 3) наклонения,
- 4) вспомогательные глаголы,
- 5) времена,
- 6) страдательный залог,
- 7) описательные формы спряжения,
- 8) сложные – глаголы с предлогами,
- 9) именные формы глагола,
- 10) таблицы спряжения.

Как всегда, и здесь автор рассматривает явления современного осетинского языка не только в плане описательном, но и под углом зрения их становления и развития.

В перечисленных шести главах второй части «Осетинских этюдов» В.Ф. Миллера глубокому историческому изучению подвергаются все основные вопросы осетинской фонетики и морфологии. В этом отношении данное грамматическое исследование представляет собою превосходный материал для исторической грамматики осетинского языка.

Работа В.Ф. Миллера, написанная спустя почти 40 лет после «Осетинской грамматики» акад. Шегрена, явилась вторым капитальным трудом по осетинскому языку.

Осетинское языкознание стало отныне на научную основу сравнительно-исторического изучения.

Во вторую часть «Этюдов», кроме рассмотренного нами грамматического исследования, автор включил в качестве седьмой главы самостоятельную этнографическую работу «Религиозные верования осетин», рассказывающую о верованиях осетин, осетинских дзуарах (святых местах поклонения духам-покровителям), общественных праздниках, домашних обрядах, преданиях о небесных светилах и т.д.

Первые две части «Осетинских этюдов» были представлены автором в качестве докторской диссертации.

Третья часть «Осетинских этюдов» В.Ф. Миллера вышла в 1887 г. [Миллер 1887]. В нее включены разные по своему характеру материалы. Но основная часть исследования посвящена историческим вопросам. В начале книги идет работа «Исторические сведения об осетинах и вопрос о происхождении этого народа». В первой главе ее говорится о территории, границах и соседях осетин, о названиях, которые они дают соседним народам. Рассматривается также древняя территория осетин, занятая в настоящее время другими народами. Разбираются слова, свидетельствующие о северном происхождении этого народа и их раннем быте. Автор останавливается и на источниках сведений о прошлом осетин.

Глава вторая посвящается предкам осетин – аланам. Доказывается, что имя кавказских алан распространялось и на осетин. Обобщаются сведения средневековых писателей-историков об аланах и т.д.

В третьей главе автор исследует различные аспекты вопроса о времени поселения предков осетин на севере Кавказа. Он приводит исторические доказательства того, что осетины являются одними из потомков проживающих некогда в Причерноморских степях скотов и сарматов, о чем свидетельствуют многочисленные топонимические названия, а также собственные имена тех времен, сохранившиеся в надписях на различных предметах и в записях средневековых историков.

Следующая историческая работа, помещенная в третьей части «Этюдов», называется «Экскурсом о болгарах и аланах в новом списке географии, приписываемой Моисею Хоренскому». Здесь также излагаются исторические сведения о непосредственной родственной связи осетин и алан.

Третья историческая работа «Экскурс о скифах» на богатом историческом и лингвистическом материале доказывает так называемую «иранскую гипотезу скотов». Согласно этой гипотезе скифы принадлежали (во всяком случае определенная их часть) к числу ираноязычных народов.

Далее в книге идут «Грамматические экскурсы в области осетинского языка». Они представляют собой результаты дальнейшей работы В.Ф. Миллера над грамматикой осетинского языка и являются дополнением ко второй части «Этюдов». Новые выводы касаются разделов фонетики, словообразования, склонения, спряжения и словоизводства. Изложение материала тесно связывается автором с соответствующими положениями своего предшествующего исследования.

Последний раздел третьей части «Этюдов» содержит фольклорный материал, куда вошли пословицы, загадки на двух основных диалектах осетинского языка и образцы южно-осетинского наречия.

Тексты снабжены переводами на русский язык и некоторыми комментариями. В конце книги помещены указатели имен и предметов и отдельных осетинских слов.

Появление «Осетинских этюдов» В.Ф. Миллера было выдающимся событием не только для осетиноведения, но и для иранистики. Иранская филология пополнилась обширным исторически освоенным языковым материалом такого архаического языка, как осетинский. Исследования В.Ф. Миллера получили самые восторженные отзывы иранистов. Примечательно, что именно за «Осетинские этюды» автору была присуждена ученая степень доктора сравнительного языкознания (5 февраля 1884 г.).

О том, насколько укрепился после выхода «Осетинских этюдов» авторитет В.Ф. Миллера как лучшего специалиста по осетинскому языку, свидетельствует хотя бы следующий факт.

В конце XIX века группа немецких иранистов задумала издание большого коллективного труда по языкам, истории литературы древних и современных иранских народов: «Grundriss der Iranischen Philologie» («Основы иранской филологии»). Раздел осетинского языка был поручен немецкому лингвисту Гюбшману, однако, тот отказался от предложения в пользу русского ученого В.Ф. Миллера, которого считал лучшим для своего времени специалистом по осетинскому языку.

В.Ф. Миллер принял предложение и написал для упомянутого коллективного труда ценнейшее исследование «Die Sprache der Osseten» («Язык осетин»), который вышел в Страсбурге на немецком языке в 1903 году [Миллер 1962].

Во введении и трех разделах работы (фонетика, морфология, словообразование) дается дальнейшее углубленное и систематизированное исследование всех основных сторон осетинского языка. Здесь чувствуется отточенное перо маститого ученого, который за 20 лет, прошедшие после выхода «Осетинских этюдов», не покидал занятий осетинским языком.

Во «Введении» даны сведения о границах распространения осетинского языка, о связях осетин со скіфами и сарматами.

Раздел Фонетики по сравнению с «Осетинскими этюдами» дается более стройно и на дополнительном материале. В морфологии добавлены главы о послелогах, наречиях, союзах и междометиях. Большую ценность представляет и вновь написанная глава о заимствованных словах в осетинском языке.

Как уже было сказано, книга была написана на немецком языке. Для целей сборника автору пришлось перевести свою транскрипцию с русской основы на латинскую, как это было принято для всего коллективного труда. Однако В.Ф. Миллер, будучи горячим патриотом, решил издать результаты своих последних исследований на русском языке. Для этого требовалось выбрать то новое, что дано в последнем исследовании, перевести на русский и изложение, и транскрипцию. Необходимо было также связать положения новой работы с соответствующими местами «Осетинских этюдов», чтобы сохранить цельность и монолитность всех исследований по осетинскому языку.

В.Ф. Миллер, который был исключительно трудолюбивым человеком, проделал всю эту работу за весьма короткий срок. В результате, уже в 1904 году выходит на русском языке его новая работа «Ossetica», которая является органически единой и неотъемлемой частью «Осетинских этюдов» [Миллер 1904].

Следующей наиболее крупной осетиноведческой работой В.Ф. Миллера является «Осетинско-русско-немецкий словарь», к составлению которого исследователь приступил еще в начале своих занятий осетинским языком.

В.Ф. Миллер придавал особенно большое значение составлению осетинского словаря. Притом, он подчеркивал два момента. Во-первых, словарь должен был включать лексику обоих диалектов: иронского и дигорского. Это было важно как для научного значения словаря, так и с точки зрения развития литературного языка, которому надлежало впитать в себя лексические богатства всех говоров и диалектов. Во-вторых, словарь должен был быть, по мнению его автора, трехъязычным. Наряду с русским, осетинские слова следовало переводить на один из западно-европейских языков. Это вытекало из того, что осетинский язык представляет большую ценность для западно-европейских специалистов по сравнительному языкознанию.

В.Ф. Миллер был намерен издать свой словарь вскоре после выхода второго тома «Осетинских этюдов». Об этом свидетельствует его письмо к редактору газеты «Терек» (напечатанное в № 78 от 3 июля 1883 года), где говорилось: «Я имею полное основание, что месяца через три этот труд будет окончен в рукописи». Однако работа над словарем затянулась. По-видимому, причиной этому была не только исключи-

тельная занятость автора, но и его стремление сделать словарь максимально полным. Автор хотел также дать полный список заимствованных слов.

В результате, словарь остался после смерти В.Ф. Миллера в рукописи на карточках свыше 8000, которые поступили вместе с его библиотекой в Азиатский музей Академии наук. Сначала намеревался издать словарь академик К.Г. Залеман, но этому помешала последовавшая в 1916 году кончина ученого.

Впоследствии издание словаря было осуществлено А.А. Фрейманом (I том вышел в 1927 г., II – 1929, III – в 1934 гг.), который его значительно пополнил и расширил.

Мы рассмотрели основные работы академика В.Ф. Миллера, посвященные изучению осетинского языка. Среди многочисленных трудов ученого имеется еще целый ряд работ, в которых изучаются отдельные вопросы истории осетин и осетинского языка. Значительная часть этих работ посвящается историческим связям осетин со скифо-сарматами и аланами, историческим судьбам осетинского народа. Во многих работах отражены результаты той кропотливой работы, которую проводил ученый по изучению истории слов. Им установлены или предложены этимологии нескольких сотен осетинских слов.

Огромен объем исследований В.Ф. Миллера по вопросам осетинского языка и истории осетинского народа. «...Мы предполагаем, – писал ученый, – издать ряд материалов и исследований, имеющих целью изучение языка осетин, их эпических сказаний, религиозных воззрений и их прошлого... Какая судьба загнала осетин в нынешние места их поселения, какое воспоминание сохранили они о своем прошлом, какие сведения сохранились о них в исторических документах, каков склад их жизни, каковы их религиозные воззрения, какое место занимает их язык в группе иранских языков, каков современный его строй, на какие наречия он распадается, каковы произведения осетинской поэзии – вот вопросы, которые занимали нас в наших занятиях и на которые мы по возможности старались дать ответ» [Миллер 1881. Предисловие: 1]. Эта грандиозная программа была с честью выполнена в многочисленных осетиноведческих трудах В.Ф. Миллера, среди которых особое место занимают его «Осетинские этюды», справедливо названные В.И. Абаевым «своего рода энциклопедией осетиноведения» [Абаев 1964].

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать некоторые обобщения.

Во-первых, работами В.Ф. Миллера окончательно установлен иранский характер осетинского языка, определено его место среди индоевропейской семьи языков вообще, и среди иранской ее ветви в частности. Во-вторых, академик В.Ф. Миллер ввел материал осетинского языка в русло сравнительного индоевропейского и иранского языкознания. В-третьих, своими трудами В.Ф. Миллер построил твердый фундамент истории осетинского языка, а также древней истории осетин, осетинской этнографии и фольклористики.

Наконец, языковой материал, зафиксированный в трудах В.Ф. Миллера (особенно его тексты), представляют большую ценность для последующих исследователей языка и фольклора осетинского народа.

Таким образом, труды В.Ф. Миллера подняли осетиноведение на огромную высоту, составив новый этап, этап сравнительно-исторического всестороннего изучения осетин **миллеровский этап осетиноведения**.

* * *

Помимо осетин, В.Ф. Миллер посвятил целый ряд работ другим кавказским народам.

В частности, он много занимался изучением языка и фольклора другого ираноязычного народа Северного Кавказа – горских евреев, а также кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей. Проблемы фольклора и этнографии изучал ученый во время многочисленных своих поездок на Кавказ [Калоев 1963].

Отрадно отметить, что докт. фил. наук Алиевой подготовлено переиздание (при моем участии) миллеровских «Трудов, посвященных фольклору народов Северного Кавказа. Тексты. Исследования», которые в издательстве «Наука» опубликованы в юбилейном (2008) году.

В круг научных интересов В.Ф. Миллера, наряду с кавказоведением и востоковедением входила также славистика, вкус к которой у молодого ученого прививается благодаря общению с Ф.Ф. Фортунатовым и Ф.И. Буслаевым. Характерно, что после отставки последнего (1892 г.) именно Миллеру предложили занять кафедру истории русского языка и словесности, которую он возглавлял до 1903 г. В том же году он получает звание заслуженного профессора Московского университета.

Активную исследовательскую деятельность ученый сочетает с преподавательской работой. Так, наряду с Московским университетом, читает лекционные курсы в Московских высших курсах.

Из научно-организаторской деятельности В.Ф. Миллера отметим то, что он с 1884 по 1897 гг. был Хранителем Дашковского Этнографического Музея при Румянцевском Музее и составил уникальное в своем роде описание его коллекций, а с 1897 по 1911 гг. был директором Лазаревского Института Восточных языков.

В 1911 г., уже маститым и всесторонним ученым, В.Ф. Миллер был избран ординарным академиком Императорской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности. Переехав в Петербург, он продолжает преподавательскую деятельность (в Педагогическом женском институте) и одновременно выполняет обязанности Председателя Отдела этнографии Императорского Русского Географического Общества и редактора журнала «Живая старина». Он также принимает самое активное участие в подготовке трудов Академии наук, в частности издания русских исторических песен от времен Ивана Грозного до эпохи Петра Великого [Богданов 1914].

5 ноября 1913 г. выдающийся ученый скончался от сердечного приступа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1964 – *В.И. Абаев. В.Ф. Миллер и осетинское историческое языкознание // Изв. СОНИИ. Т. XXIV.* Орджоникидзе, 1964.
- Богданов 1914 – *В.В. Богданов. Всеволод Федорович Миллер. М., 1914.*
- Миллер 1881–1887 – *В.Ф. Миллер. Осетинские этюды, I. М., 1881; II – М., 1882; III – М., 1887.*
- Миллер 1904 – *В.Ф. Миллер. Осетика. М., 1904.*
- Миллер 1962 – *В.Ф. Миллер. Язык осетин / Пер. с немецкого М.И. Исаева; ред., предисл. и примеч. В.И. Абаева. М.; Л., 1962.*
- Калоев 1963 – *Б.А. Калоев. В.Ф. Миллер – кавказовед. Орджоникидзе, 1963.*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

E. Stark, E. Leiss, W. Abraham (eds.). Nominal determination: Typology, context constraints, and historical emergence. Amsterdam: John Benjamins, 2007. – viii, 370 p. (Studies in Language Companion Series; 89). – ISBN 978 90 272 3099 7

Рецензируемая книга «Именная детерминация: Типология, контекстные ограничения и историческое развитие» под редакцией Э. Штарк, Э. Ляйс и В. Абрахама посвящена вопросам синхронного, диахронического и типологического анализов показателей именной детерминации в языках мира. В сборник включены работы, представленные на семинаре «Эволюция и функции именной детерминации» (*Evolution and functions of nominal determination*), проходившего в рамках XXVII ежегодного съезда немецкого лингвистического общества (февраль 2005 г., Кёльн), а также несколько дополнительных статей, посвященных данной теме.

Книга состоит из обширной вводной статьи, написанной редакторами, и 13 статей, разделенных (довольно условно) на три группы. Первая группа статей посвящена синхронному анализу именной детерминации и связям такого анализа с теориями диахронического развития категории детерминации. Статьи второй группы посвящены типологическим характеристикам категории именной детерминации и особенностям усвоения этой категории детьми. Наконец, в третью группу включены статьи, в центре внимания которых находятся вопросы исторической эволюции категории именной детерминации в германских и романских языках.

Сборник открывает обширная вводная статья, в которой редакторы дают обзор основной проблематики, затрагиваемой в различных статьях сборника. Это вопросы о соотношении категории детерминации и понятия определенности, об универсальности и эволюции категории детерминации в языках мира и об усвоении этой категории детьми в процессе овладения языком. В заключение дается обзор статей, представленных в сборнике.

Первый раздел открывается статьей В. Абрахама «Дискурсивное связывание: группа детерминанта и местоимения в немецком, нидерландском и английском языках». В статье исследуются правила выбора антецедента для различных анафорических средств в германских языках: указательных и личных местоимений, а также определенного артикла, употребленного в функции местоимения. Автор показывает, что основным критерием при выборе антецедента является его тема-рематический статус и (в меньшей степени, при наличии нескольких потенциальных антецедентов) его линейная позиция. Так, если личные местоимения (как и определенные именные группы) в качестве антецедента в предыдущем предложении выбирают топикальные именные группы, то указательные местоимения и артикли, употребленные в местоименной функции, всегда выбирают антецедент, входящий в состав ремы. Ср. следующие примеры из немецкого языка:

- (1) Hans_i traf Alfons_j. Er_i trug ein Regenmantel.
Ганс встретил Альфонса. Он был в плаще.
- (2) Hans_i traf Alfons_j. Der_i trug ein Regenmantel.
Ганс встретил Альфонса. Тот был в плаще.

В примере (1) личное местоимение *er* выбирает в качестве антецедента топикальную именную группу *Hans* из предыдущего предложения. В примере (2) определенный артикль в функции местоимения *der* выбирает в качестве антецедента именную группу *Alfons*, имеющую статус ремы.

Выводы об анафорических свойствах артикла в местоименной функции на синхронном уровне автор далее использует в своей второй статье «Дискурсивно-функциональная кристаллизация исторически исходного указатель-

ного местоимения», посвященной диахроническому развитию немецкого артикля, также включенной в этот сборник.

Интересно, что в русском языке указательное местоимение *тот* имеет дистрибуцию, схожую с дистрибуцией указательных местоимений и артикля в местоименной функции в немецком и нидерландском. Так, в предложении (2) при переводе на русский язык скорее всего будет использовано именно это местоимение.

В статье Э. Штарк «Род, число и неопределенные артикли: о "типологической неоднозначности" итальянского языка» сравнивается дистрибуция трех типов неопределенных именных групп (без артикля, с неопределенным артиклем и с так называемым «паритивным артиклем») в испанском, итальянском и французском языках и предлагается диахроническое объяснение обнаруженных различий между этими родственными языками. Во французском языке именные группы без артикля практически не употребляются, в то время как именные группы с партитивным артиклем имеют широкую дистрибуцию, и их употребление сильно грамматикализовано. В испанском, наоборот, широко употребляются именные группы без артикля, а партитивный артикль вообще отсутствует. На основании этих и ряда других отличий некоторые исследователи предлагали относить французский и испанский языки к двум разным морфосинтаксическим типам. Итальянский язык занимает промежуточную позицию между французским и испанским: с одной стороны, в нем при определенных условиях допускается употребление именных групп без артикля, а с другой стороны, в нем имеется партитивный артикль, хотя его употребление и менее грамматикализовано, чем во французском языке. Автор исследует историю возникновения партитивного артикля в итальянском языке и дистрибуцию других типов неопределенных именных групп в разные периоды развития этого языка и выдвигает следующие диахронические объяснения наблюдаемых различий между испанским, итальянским и французским языками. Во-первых, отсутствие однозначного показателя множественного числа (как в итальянском и французском, но не в испанском языке) коррелирует с возникновением партитивного артикля. Во-вторых, развитие системы обязательного использования артикля в неопределенных именных группах (как во французском языке) связывается с полной утратой «лексической мотивации» грамматического рода, существовавшей в латинском языке, в котором, как показывает автор, различие в грамматическом роде между однокоренными существительны-

ми часто соответствовало различию в «исчисляемости – неисчисляемости».

В следующей статье, озаглавленной «Скрытое маркирование определенности/неопределенности и аспектуальности в древнеисландском, готском и древнесверхнеменемецком языках», Э. Ляйс указывает на то, что, помимо явного маркирования детерминации при помощи артиклей, в языках мира существуют другие, скрытые или более сложные механизмы маркирования определенности/неопределенности. К таким механизмам относятся, во-первых, синтаксическая позиция именной группы. Автор отмечает, что во многих языках (как, например, в чешском) определенность именной группы кодируется путем постановки этой именной группы в позицию топика. Во-вторых, в некоторых языках определенность/неопределенность именной группы кодируется выбором падежного маркирования этой именной группы в позиции дополнения в сочетании с аспектуальными свойствами глагола. Так, по утверждению автора, в русском языке сочетание несовершенного вида глагола с прямым дополнением в родительном падеже кодирует неопределенность, а сочетание совершенного вида глагола с прямым дополнением в винительном падеже кодирует определенность именной группы. В то же время сочетание совершенного вида глагола с прямым дополнением в родительном падеже приводит к 'паритивному' прочтению. Ср. следующие примеры:

- (4) Он принес папиросы.
(5) Он принес папироc.

Кроме того (и это нам представляется особенно интересным), Ляйс показывает, что аналогичные механизмы используются в некоторых языках для кодирования перфективности/имперфективности глагола. Так, в древнеисландском языке вынос глагола в начальную топикальную позицию кодирует перфективность. А в финском языке перфективность/имперфективность глагола зависит от падежного маркирования дополнения: дополнение в генитиве приводит к перфективной интерпретации, в то время как дополнение в партитиве – к имперфективной. На основании подобных фактов автор делает вывод о том, что определенность в именной группе и аспектуальная характеристика глагола – это единная грамматическая категория. Такое единство автор объясняет схожестью мерсологических характеристик исчисляемых vs. неисчисляемых существительных и перфективных vs. имперфективных форм глагола соответственно. Отметим, что, на наш взгляд, такое объяснение как минимум не полно, так как противопостав-

ление исчисляемых/неисчисляемых существительных не эквивалентно противопоставлению определенных/неопределенных именных групп.

Важным выводом автора является то, что диахроническое развитие категорий определенности и аспектуальности тесно взаимосвязано. Это подтверждается, как указывает автор, тем фактом, что в языках с развитой аспектуальной системой обычно отсутствуют категория артикля, а в языках с артиклами часто отсутствует грамматическая категория аспекта.

Основываясь на этих идеях, автор предлагает анализ диахронического развития категории определенности в немецком языке, связывая возникновение артиклей с распадом аспектуальной системы и утратой «сложного» механизма кодирования определенности сочетанием аспектуальных характеристик глагола с выбором падежной формы дополнения. Далее, Ляйс анализирует категорию определенности в древнескандинавском, готском и древневерхненемецком языках и показывает, как эти языки вписываются в предложенную схему диахронического развития.

Завершается статья обсуждением различий между артиклами (детерминантами) и указательными местоимениями. При этом автор, подчеркивая основополагающий характер этих различий, предлагает объяснение тому, почему именно указательные местоимения являются универсальным источником возникновения артиклей.

Статья Б. Баэр «Определенный артикль в индоевропейских языках: возникновение новой категории?» состоит из двух частей. В первой части автор показывает, что развитие определенного артикля в романских языках, начавшееся еще в ранней латыни, происходило независимо от греческого языка. Во второй части рассматриваются другие способы кодирования определенности/неопределенности в индоевропейских языках: различные парадигмы прилагательных (сильное vs. слабое склонение прилагательных в немецком, полные vs. краткие формы прилагательных в славянских языках), аспектуальные характеристики глагола и падежное кодирование, а также деривационные аффиксы. Автор приходит к выводу о том, что, скорее всего, «понятие» определенности существовало в индоевропейских языках до возникновения артиклей.

Последняя статья первого раздела написана А. Егер и озаглавлена «“Отрицательные” изменения: об истории немецких неопределенных детерминантов в сфере действия отрицания». В статье автор анализирует дистрибуцию различных типов неопределенных именных

групп в отрицательных и других «неутвердительных» контекстах (вопросительные, условные предложения, дополнение к предлогу *без*) в разные периоды развития немецкого языка. Автор показывает, что в древнес- и средневерхненемецком существовало четыре типа неопределенных именных групп, допустимых в сфере действия сентенциального отрицания:

а) именные группы без артикля, употреблявшиеся как в утвердительных, так и в неутвердительных и отрицательных контекстах;

б) именные группы с неопределенным детерминантом *ein*, также употреблявшиеся во всех перечисленных контекстах;

в) именные группы с детерминантами *einig*, *dehein(ig)/kein*, употреблявшиеся только в неутвердительных контекстах (в том числе в сфере действия отрицания);

г) именные группы с детерминантами *nikein(ig)/nehein*, употреблявшиеся только в отрицательных, но не в других неутвердительных контекстах.

Со временем употребление именных групп без артикля сокращается, а детерминанты типа (г) исчезают. Их место занимают детерминанты типа (в), дистрибуция которых, таким образом, сужается до отрицательных контекстов. При этом детерминант *dehein(ig)/kein* вытесняет детерминант *einig*. В результате такого развития, в современном немецком языке отсутствуют именные группы типа (в), т.е. так называемые «слабые отрицательные местоимения» (weak negative polarity items).

Второй раздел книги открывает статья Л.С. Стван, озаглавленная «Функционирование исчисляемых существительных в единственном числе без артикля в английском языке». В этой статье автор исследует дистрибуцию именных групп без артикля в единственном числе, в вершинах которых стоят исчисляемые существительные. Ср. следующие примеры:

(6) I work at home, and I have found that this arrangement has a tremendous potential for personal growth, because nobody will notice if you eat as many as 20 lunches a day.

Я работаю дома, и я обнаружил, что в таком положении вещей заключен огромный потенциал для личностного роста, так как никто не заметит, если вы пообедаете даже 20 раз за день.

(7) Off and on since then, the companies have skirmished in court.

С тех пор компании то прекращали, то возобновляли борьбу в суде.

(8) An amendment to the Senate's anti-drug bill would have barred alcohol companies from sponsoring any sort of event at all on campus.

Поправка к биллю, предложенному в сенате и направленному против наркотиков, должна была запретить алкогольным компаниям спонсировать любые мероприятия на территории университетов.

Автор показывает, что такие именные группы могут выполнять три функции:

- а) они могут выступать в роли определенных именных групп, обозначая известные объекты (см. пример 6);
- б) они могут отсылать к деятельности, связанной с каким-то местом (см. пример 7);
- в) они могут иметь генерическое прочтение (см. пример 8).

В статье Т. Куши и К. Купса «Определенный артикль в нереферентных объектных именных группах: сравнение французского и итальянского языков» исследуется одно существенное различие в дистрибуции определенного артикля во французском и итальянском языках. Представляется, что во французском языке определенный артикль гораздо реже употребляется в составе нереферентных объектных именных групп, чем в итальянском. Ср. следующие примеры:

(9) Ит. Se Mario avesse una / la macchina, potrebbe andare in Spagna.

(10) Фр. Si Mario avait une / *la voiture, il pourrait aller en Espagne.

Если бы у Марио была машина, он мог бы поехать в Испанию.

Авторы приводят результаты корпусного исследования и анкетирования, которые подтверждают это наблюдение. На основании полученных данных и на основании гипотезы о том, что употребление определенного артикля в нереферентных контекстах свидетельствует о большей его грамматикализации, авторы делают вывод о том, что определенный артикль в итальянском языке находится на более поздней ступени грамматикализации, чем во французском. Интересно, что авторы не оспаривают выводы других исследователей (в частности мнение Э. Штарк, приведенное в статье, рассмотренной выше), что неопределенный артикль во французском языке более грамматикализован, чем в итальянском.

Д. Биттнер в статье «Исходные функции определенных детерминантов и групп детерминанта в процессе усвоения немецкого как первого языка» исследует использование определенного артикля немецкоговорящими детьми с начала овладения языком до четырех лет. Он показывает, что дети с самого начала употребления определенного артикля имеют представление о его основной функции: индивидуализа-

ции определенного референта. Кроме того, уже в течение первых двух или трех месяцев употребления определенного артикля дети усваивают его грамматические характеристики, связанные с падежным маркированием. Точнее, они связывают определенные формы артикля с определенной синтаксической функцией (форма *der* связывается с функцией подлежащего, форма *den* – с функцией дополнения, в то время как форма *die* не связывается с конкретной синтаксической функцией). Необходимой предпосылкой для таких обобщений является возникновение в речи ребенка финитных форм глагола. При этом даже в три года у детей не наблюдается усвоение распределения форм артикля в зависимости от грамматического рода. Наконец, третий и, наверное, основной вывод автора заключается в том, что дискурсивные функции артикля и именных групп с артиклем также усваиваются детьми очень рано – в течение двух-трех месяцев после начала употребления артикля в местоименной функции и в составе именных групп. При этом артикли в местоименной функции употребляются для отсылки к достаточно актуализированному референту, в то время как полные именные группы с определенным артиклем используются для обозначения референтов, которые не были до сих пор актуализированы или не находились в центре внимания адресата.

Третий раздел сборника открывает вторая статья В. Абрахама «Дискурсивно-функциональная кристаллизация исторически исходного указательного местоимения», которая уже упоминалась выше. Основываясь на выводах о дистрибуции различных анафорических средств в современном немецком языке, которые были изложены в первой статье, Абрахам исследует процесс возникновения артикля в истории немецкого языка. Основная идея автора заключается в том, что детерминант в функции артикля в составе именной группы возник в результате грамматикализации детерминанта в местоименной функции. Этот процесс, как и в работе Э. Ляйс, связывается с разрушением аспектуальной системы глагола.

В статье А. Бартра-Кауфман «Именные группы без детерминанта в пассивных конструкциях ранних романских языков» проводится формально-синтаксическое исследование именных групп без артикля в староиспанском и старокаталанском языках. Автор показывает, что, в отличие от современных испанского и каталанского языков, в староиспанском и старокаталанском именные группы без артикля в единственном числе допускались в позиции субъекта пассивной конструкции. Автор рассматривает дистрибуцию разных типов именных групп без артикля и делает вывод о

том, что в старокаталанском и староиспанском категория детерминации сице окончательно не сформировалась и именные группы могли лицензироваться другими функциональными вершинами: грамматическим родом, аффиксами номинализаций и числом.

Статья Т. Лондаля «О структуре и эволюции именных групп в норвежском языке» посвящена формально-синтаксическому анализу именной группы в современном норвежском языке в сравнении с древнескандинавским языком (Old Norse). Как указывает автор, определенный артикль в древнескандинавском мог быть полноценным словом, предшествующим существительному, или энклитикой, следующей за существительным. В современном норвежском языке этот артикль грамматикализовался в суффикс, но при этом возникла конструкция с двойным маркированием определенности, т. с. именная группа, в которой одновременно присутствует детерминант и аффиксальный показатель определенности. С формальной точки зрения, автор объясняет это различие между древнескандинавским и современным норвежским наличием в последнем проекции *nP*, которая находится достаточно низко в структуре именной группы и в которой располагается аффиксальный показатель определенности. В древнескандинавском языке, напротив, проекция *nP* отсутствует. При этом и в современном норвежском, и в древнескандинавском постулируется высоко расположенная проекция *DP*, в вершине которой располагается детерминант. Как указывает автор, такой анализ имеет два существенных следствия: во-первых, согласно этому анализу функциональные проекции не универсальны, т.е. могут присутствовать не во всех языках, а во-вторых, данный анализ предполагает возможность грамматикализации «вниз» (из более высокой позиции в синтаксическом дереве в более низкую).

В статье Ф. Осавы «Возникновение группы детерминанта с точки зрения онтогенеза и филогенеза: корреляция между *DP*, *TP* и аспектом в древнеанглийском языке и при усвоении первого языка» сравнивается структура именной группы в староанглийском и современном английском языках. Автор пытается доказать, что в древнеанглийском языке отсутствовала функциональная категория детерминанта и что употребление имен в аргументных позициях лицензировалось наличием падежных показателей (автор опирается на теорию, предложенную в [Higginbotham 1985]). Кроме того, автор указывает на то, что не существует твердых свидетельств наличия в древнеанглийском языке проекции *TP* (*tense phrase*). Таким образом, подтверждается параллелизм между

структурой клаузы и структурой именной группы.

Возникновение категории детерминации в английском языке автор связывает, во-первых, с утратой морфологических показателей падежа, а во-вторых, с упрощением аспектуальной системы глагола (в этом автор следует за идеями, выдвинутыми в работах [Abraham 1997; Leiss 1999; 2000], ср. также идеи, изложенные в статье Э. Ляйс в настоящем сборнике).

Завершается статья обсуждением ряда фактов из области усвоения языка детьми. Автор показывает, что усвоение категории детерминанта и функциональной категории «время» *T°* (вершины проекции *TP*) происходит позже, чем усвоение аспектуальных различий. Таким образом, по мнению автора, наблюдается параллелизм между этапами диахронического развития языка и этапами его усвоения (от системы с аспектуальными различиями, но без категорий детерминанта и *T°*, к системе с этими функциональными категориями). Отметим, однако, что данный параллелизм между онтогенезом и филогенезом является неполным: если в процессе эволюции языка возникновение категории детерминации и (возможно) *T°* связывается с утратой грамматической категории аспекта (и соответственно, с утратой механизма кодирования определенности с использованием аспектуальных характеристик глагольной формы), то в процессе усвоения языка об утрате аспектуальных противопоставлений речи не идет.

Последняя статья сборника написана Дж. Вуд и озаглавлена «Указательные и притяжательные местоимения: от древнеанглийского к современному английскому языку». В этой статье рассматриваются именные группы, включающие одновременно указательные и притяжательные местоимения. Автор показывает, что в древнеанглийском языке существовало три типа подобных конструкций, формально различавшихся порядком следования элементов именной группы:

- а) указательное местоимение + притяжательное местоимение + существительное;
- б) притяжательное местоимение + указательное местоимение + существительное;
- в) притяжательное местоимение + существительное + указательное местоимение.

Вуд доказывает необходимость постулировать различные синтаксические структуры для этих типов конструкций и исследует их диахроническое развитие.

Рассматриваемый сборник несомненно представляет интерес как для лингвистов, занимающихся исследованием структуры именной группы на синхронном уровне, так и для тех, кто интересуется процессом эволюции

именной группы в диахронической перспективе и особенно вопросами возникновения артикля. Важной особенностью этого сборника статей является то, что многие авторы учитывают в своих исследованиях достижения как формальной, так и функциональной лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Abraham 1997 – W. Abraham. The interdependence of case, aspect and referentiality in the history of German: The case of the verbal gen-

- itive // Parameters of morphosyntactic change. Cambridge, 1997.
Higginbotham 1985 – J. Higginbotham. On semantics // Linguistic inquiry. 1985. 16.
Leiss 1999 – E. Leiss. Gender in Old High German // Gender in grammar and cognition. Berlin, 1999.
Leiss 2000 – E. Leiss. Artikel und Aspekt: Die grammatischen Muster von Definitheit. Berlin, 2000.

С.А. Минор

The Munda languages / G. D. S. Anderson (ed.), London; New York: Routledge, 2008.

G.D.S. Anderson. The Munda verb: Typological perspectives. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007. 306 p.

Г. Андерсон, директор общественной организации Living tongues (Институт изучения языков, находящихся под угрозой), занимался полевой лингвистикой чуть ли не во всех частях света – в южной Сибири (он автор тувинской, тофаларской и хакасской грамматик), в Боливии, в Орегоне и в восточной Индии, где исследовал языки группы мунда (ветвь австроазиатской семьи). За последние два года вышли сразу две крупные книги о языках мунда, в одной из которых Андерсон является автором, а в другой – редактором (и автором ряда статей). Коллективная монография «Языки мунда», выпущенная в известной серии «Языковые семьи» издательства Routledge в 2008 году, по типу соответствует другим томам этой серии, французской «Les langues du monde» или русской «Языки мира»: это большой том (почти 800 страниц) со вступительным очерком о языковой группе и главами по конкретным языкам, причем описание их подчинено заданной структуре. Книга Андерсона «Глагол мунда: типологические перспективы», изданная годом раньше, посвящена различным типологическим характеристикам (с преимущественным влиянием к морфемике и компаративной реконструкции грамматики) глагола языков мунда.

Языкам мунда «повезло»: словесность и культура этих маргиналов традиционного индийского общества достаточно быстро стали описываться миссионерами. Они же заложили основы европейской лингвистической традиции их исследования, с 1900–1920-х годов складывается представленная большим числом качественных работ соответствующая отрасль лингвистической индологии, и крупнейшие языки мунда описаны весьма непло-

хо. Обратили внимание на них и компаративисты (прежде всего Х. Пиннов), и типологии (такие, как К. Масика, М. Хаспельмат и М. Митун). Однако далеко не все известные факты проинтерпретированы в свете современной науки, а для «малых» языков мунда они еще и отнюдь не полностью собраны, поэтому можно не сомневаться, что работа лингвистов с этой интересной группой языков будет продолжаться еще долго. В частности, надо отметить, что генетическое разнообразие различных ветвей языков мунда, как часто бывает, обратно пропорционально количеству носителей. Крупнейшие и наиболее стабильные языки группы – так называемые «северные мунда»: шестимиллионный сантали (третий по числу говорящих австроазиатский язык вообще, после вьетнамского и кхмерского), полуторамиллионный мундари, миллионный хо и полуторамиллионный корку – очень близки между собой (особенно это касается первых трех, так называемых «языков кхервари»). В то же время многие языки очень дробной южномундской подгруппы (корва, гутоб, ремо, гта) насчитывают не более нескольких тысяч носителей и находятся в довольно «агрессивной» иноязыковой среде (индоарийской и дравидской), а некоторые (например, горум) уже явно вымирают. Есть и «малые» языки и наречия северной ветви, о которых далеко не все известно. У ряда языков обеих ветвей имеются малоизученные смешанные («ариизированные» и «дравидизированные») разновидности. Некоторые этнические группы (надо учитывать и весьма разнообразные этнонимы разных групп мунда) в масштабах Индии просто «не замечаются» переписями, так что неудиви-

тельно, что ряд языков и диалектов открыт только в последние десятилетия – после века с лишним изучения группы! В таких условиях фиксация и исследование особенностей «малых» языков приобретает первоочередное значение. Обзорных изданий по языкам мунда в целом такого типа еще не существовало, и издание «Языки мунда», как говорится во вводной главе, «служит первым шагом в том, чтобы пролить свет на примечательные черты отдельных языков мунда и семьи в целом» (с. 6).

Авторский коллектив книги «Языки мунда» включает признанных экспертов по данной проблематике, выполнивших большую полевую работу с носителями языков; многие из них работали также с другими языками Индии – индоевропейскими, как А. Гриффитс или А. Гхош, или дравидскими, как М. Кобаяси. Начать, конечно же, надо с Н. Зайда, хотя он замыкает список авторов (это тот самый случай, когда *last but not the least*) и по английскому алфавиту, и по избранной тематике – одна из двух его статей посвящена загадочному нихали, который «языком мунда» может быть назван предельно условно, поскольку неясно не только то, мунда ли это, но и то, язык ли это вообще. Зато редакторы посвятили профессору Зайду весь сборник, и это никаких вопросов не вызывает. Н. Зайд – основатель изучения истории языков мунда на Западе и первоходец научного описания целого ряда языков и даже ветвей этой группы; впрочем, без ссылок на него не может обойтись ни одна работа о любом языке мунда. Науку США, кроме Зайда и самого главного редактора, Грегори Андерсона, представляет также К. Дэвид Харрисон, близкий коллега Андерсона по институту «Living tongues». В Европе работают Арло Гриффитс и Феликс Рау (оба – Лейден) и Джон Петерсон (Оснабрюк), в Японии – Масато Кобаяси и Тосики Осада, и конечно же, видными именами представлена лингвистика самой Индии – это Арун Гхош, Маниципа Паттайк и Ганеш Мурму (последний является самым известным лингвистом из носителей языков мунда, причем в рецензируемом издании он пишет не о своем родном сантали, а о малоизученной разновидности мундари, имеющей ряд характерных особенностей, системно противопоставляющей ее основным диалектам).

Первая глава «Введение в языки мунда» написана Г. Андерсоном (с учетом консультаций Н. Зайда). В ней кратко обсуждаются проблемы истории и классификации этих языков (сам Андерсон предлагает начинать с 1990-х годов альтернативную классификацию языков мунда с иной группировкой язы-

ков южной ветви), а также очерк истории их изучения. В конце главы Андерсон перечисляет то, чем интересны языки мунда для исследователя – это развитая система указательных местоимений, тесно переплетенная система маркирования залога, валентности, лица, вида и времени (характерная для одной из подгрупп – языков кхервари), развитая именная инкорпорация (язык сора), редупликация, взаимодействие отрицания и видовременных показателей. Отмечается также общая неразработанность в литературе ряда первоочередных описательных проблем – прежде всего это фонология и синтаксис, систематическое описание которых пока существует далеко не для всех языков.

Главы со второй по тринадцатую представляют собой описания отдельных языков по следующей схеме: введение (общая характеристика, социолингвистическая ситуация, письменность) – фонология – морфология – синтаксис – семантика/дискурс (для ряда языков информация о дискурсе не приводится) – лексика – краткий текст, снабженный поморфемной нотацией и переводом. Для многих языков приводится несколько кратких текстов-образцов; корпус текстов мунда, представленный в книге, характеризуется разнообразием жанров (бытовой рассказ, сказка, миф, загадки, художественная литература европейского образца, запись лекции для школьников). Порядок подразделов внутри этих крупных частей также по возможности унифицирован, хотя, как всегда бывает в таких изданиях, объем в зависимости от интересов автора и полноты существующих описаний языка распределен по-разному. Хотя все же в ряде случаев можно было бы унифицировать подачу материала сильнее, чем это сделали редакторы (особенно это касается информации по фонетике и фонологии). Предлагаемые в книге описания ориентированы прежде всего не на теорию, а на данные; это эксплицитно отмечает, в частности, Осада в своей статье о мундари (с. 119).

Вторая глава (автор Арун Гхош) посвящена языку сантали – как уже сказано, это крупнейший из всех языков мунда по числу носителей, а кроме того, единственный из всех, имеющий в Индии официальный статус. Сантали также первым получил научное описание, а появившиеся на рубеже XIX и XX столетий труды норвежских миссионеров Ларса Скрефсрода и его ученика Пауля Боддинга задали «планку» качества для исследователей языков мунда и, на наш взгляд, остаются до сих пор непревзойденными. Статья Гхоша, фактически – мини-монография; в ней 88 страниц, это самый большой текст в

книге. Не всё на этих страницах хорошо смотрится в рамках коллективного издания (например, обсуждение генетической классификации языков мунда отчасти дублирует вступительную статью), но в целом можно только приветствовать новое, с учетом современных полевых данных, грамматическое описание, казалось бы, лучше всего описанного языка этой группы. Здесь также освещена социальная история этого языка, проблема сантальской орфографии (несмотря на скромный уровень грамотности среди санталов, у них имеется пять письменностей – одна из которых специально изобретена для этого языка – и у каждой есть свои приверженцы и периодические издания!). Очерк выделяется подробным описанием фонологии, гармонии гласных и морфонологии сантали, сочетаемости и минимальных пар, а также релевантных правил (правда, несколько комичное ощущение производит состоящая из одних плюсов таблица на с. 21, из которой видно, что все гласные могут встречаться во всех позициях); морфология и особенно синтаксис описаны сжато, но с максимально допустимой полнотой и с большим числом примеров. Из морфологических наблюдений отметим такую новую тенденцию, как употребление двойственного числа в качестве вежливого «вы» (с. 33), (о данном явлении, взаимодействующем с инклузивностью, см. [Cysouw 2005], в т.ч. и на материале мунда), описание экспрессивных образований, возникающих путем частичной эхо-редупликации, по популярной в Азии модели вроде *шашлык-машлык* (с. 74–75). В описании глагола у автора преобладает чисто структуристское разграничение значений многочисленных сантальских форм на «определенные результативные /нерезультативные /предварительные» и т.п., отчасти восходящие, по-видимому, к описаниям Х.-Й. Пиннова для прото-мунда (с. 57) и проч.

В целом для очерка Гхоша характерно критическое отношение к предыдущему описанию сантали [Neukom 2001], с его точки зрения, «данные Нойкома в основном взяты у Боддинга» (с. 98, в конце ценного комментария к библиографии), и во многих местах ссылки на эту книгу идут с целью критически отвести точки зрения, высказываемые в «some literature». Нам бы хотелось несколько защитить швейцарского лингвиста. В своей работе он привлекал данные большого числа работ, в том числе недавних и малоизвестных, и уж конечно, никак не сводятся к Боддингу многие его описательные решения и характеристики, некоторыми из которых, впрочем, пользуется и сам Гхош, например,

категория ирреалиса или глагольная сериализация. На с. 66–67 Гхош приводит пример отрицания аориста (не меняющегося на плюсквамперфект) и говорит, что это происходит вопреки тому, что утверждает Нойком. Однако правило об обязательной замене аориста на плюсквамперфект при отрицании имеется практически во всех грамматиках и Нойкомом не придумано; такой механизм также весьма часттен в текстах, и в частности, именно он срабатывает в предложении 23 приводимого самим же Гхошем рассказа (с. 91). Речь может идти о последовательном недосмотре всех грамматистов, вариативности, семантика которой еще не выявлена, диалектных различиях, диахронических изменениях – о чем угодно, только не о личной ошибке или недобросовестности Нойкома.

Тосики Осада, автор третьей главы – о языке мундари (жена Осады – носительница этого языка), в отличие от Гхоша, заканчивающего изложение обзором литературы, с него начинает, причем самокритично говорит про свою собственную грамматику 1992 г., весьма известную работу: «раздел о синтаксисе в ней очень плох» (с. 100). Рецензируемая глава такой оценки никак не заслуживает, хотя материал распределен далеко не везде так же равномерно, как в очерке Гхоша о сантали: например, имеется пункт «Ориентация/направление» с лаконичной фразой «в данном исследовании не рассматривалась», в разделе с многообещающим названием «Семантика» мы видим перечень глаголов мундари, которые на английский переводятся ‘to cut’ (ср. русск. *резать, стричь, рубить, колоть, кромсать, строгать* – на наш взгляд, чего-либо особо экзотичного в мундари не наблюдается), и больше ничего (с. 153); в то время как разнообразные экспрессивные образования в мундари, образуемые при помощи одиннадцати (!) различных типов редупликации, разбираются на шести страницах (с. 139–145)¹. Среди других интересных сюжетов, особо привлекших внимание Т. Осады – интонация в мундари (с. 104–105), развенчание легенды о мундари как о языке без частей речи, чему была посвящена отдельная статья автора (с. 106–107), различное морфосинтаксическое поведение актантов разных типов (с. 122–125) и особенно подробно рассмотренные сериальные глагольные конструкции (с. 134–138),

¹ Все то же верно (кроме степени подробности, с которой излагаются экспрессивы) и для написанной Осадой в соавторстве пятой главы, посвященной хо и малым языкам кхервари.

где большое число глаголов фактически грамматикализуется, в том числе такие экзотические, как 'съесть' или 'сорвать' (подробнее см. ниже, в обсуждении книги Андерсона «Глагол мунда»).

Четвертая глава (ее авторы – Масато Кобаяси и сантал Ганеш Мурму) посвящена идиому, обычно не описывающемуся как самостоятельный язык – это кера-мундари, вариант языка мундари, на котором говорят ораоны (дравидский народ, по традиционной культуре близкий к народам мунда; большинство их говорит на языке курух), живущие в районе столицы штата Джаркханд – города Ранчи. Это первое систематическое описание диалекта кера, построенное в виде описания различий между кера и другими диалектами мундари, а также с акцентом на влияние со стороны других языков. Как это ни поразительно, но бесспорных случаев дравидского субстратного влияния на грамматику и лексику этого диалекта не отмечено, да и спорных очень мало. Ряд специфических черт сближает кера-мундари с сантали, есть заметные индоарийские влияния. Кажется, интерпретация примера (42), с. 179, как свидетельства перехода вторичного показателя прогрессива в показатель прошедшего времени или перфекта не единственная возможная; в контекстах с предельным глаголом типа '*I did not prepare food*' под отрицанием возможны конативная интерпретация ('и не пытался') и общефактическая ('не готовил'); ср. также конативное употребление этой же формы в сантали [Sitchinava 2007: 316].

В пятой главе, напротив, разбираются несколько самостоятельных «языков», а именно крупный язык хо и так называемые «малые языки кхервари». Не совсем ясно, сколько этих малых языков вообще существует: языки кхервари весьма близки друг к другу, а исследователи часто смешивают самоназвания этносов с обозначением каст или тому подобных группировок. Авторы главы (Андерсон, Осада и К. Харрисон) выделяют таковых пять: бхумидж. корва, асури, бирхор и тури. Прежде всего разбираются данные хо; данные остальных языков приводятся в качестве параллелей. В целом эти языки не демонстрируют каких-либо ярких характерных явлений и в одних отношениях ближе к мундари, в других – к сантали. Это единственная глава, где есть отдельный раздел (к тому же иллюстрированный, что тоже уникально для книги), посвященный разрабатываемой в настоящем время письменности хо.

Шестая глава (автор Н. Зайд) посвящена языку корку. Это самый западный австроазиатский язык вообще, дальний эсклав

языков мунда – на нем говорят скорее даже в западной части субконтинента (на границе Мадхья-Прадеш и Махараштры). Корку испытал сильно индоарийское влияние и в ряде отношений отделился от остальных языков мунда – например, в нем развилось противопоставление по тону (в ряде слов имеющее и грамматическую нагрузку); в отличие от других северных мунда, в большинстве случаев в этом языке на вершине не маркируется субъект переходного глагола, зато глагольные словоформы включают локативные показатели – аналог *Aktionsart*; из индоарийских языков заимствуется большое количество вспомогательных глаголов. В целом язык корку пока не во всех отношениях изучен достаточно – его научное исследование начало всего лет пятьдесят назад сам Н. Зайд и долгое время не имел продолжателей.

Начиная с седьмой главы излагаются сведения о южных мунда; как уже говорилось, это языки сравнительно малочисленные по числу говорящих (за небольшими исключениями), практически бесписьменные и малоизученные. Авторский коллектив провел в годы, непосредственно предшествующие выходу книги, значительные полевые работы с носителями, однако надежные данные о некоторых аспектах этих языков, включая их диалектную структуру, пока отсутствуют. Седьмая глава (Андерсон и Харрисон) посвящена языку сора, крупнейшему из южных языков мунда, пока не находящемуся в опасности вымирания. Для языка сора, как и большинства южных мунда, чрезвычайно характерна сильно развитая инкорпорация имени, где не редкостью являются 4- и более частные композиты, характерно сочетание инкорпорированных имен с сильно развитой системой вспомогательных глаголов, вербализирующих имя; данной системе в очерке посвящено 10 страниц. (В противоположность этому, в северных мунда инкорпорация отсутствует, а словообразование вообще развито мало.) В соре имеются показатели косвенного падежа (один из которых происходит из грамматикализованного слова 'тело'), причем один из этих показателей используется вместе с отрицанием (авторы осторожно предполагают возможность «понижения объекта» наподобие русского генитива при отрицании или аналогичных явлений в финно-угорских языках), сильно упрощена видовременная система (до простой оппозиции «прошедшее vs. непрошедшее»).

В восьмой главе (авторы Г. Андерсон и Ф. Рау) рассматривается язык горум, распространенный в штате Орисса. Это беспись-

менный вымирающий язык; молодое поколение народа переходит на язык ория, да и старшее употребляет горум в основном как тайный язык (чтобы не быть понятыми молодежью). Для него характерна такая значимая система фонации, как *creaky voice* ('скрипучий голос') и ряд других просодических феноменов, связанных с глottальными эффектами; при этом система согласных упрощена. Развитие инкорпорации, как и в языке сора, весьма значительно.

Девятая глава (Дж. Петерсон) посвящена языку кхария, распространенному на юге Джаркханда. Часто его объединяют в особую группу с языком джуанг, но, с точки зрения Андерсона, сходство между этими языками носит вторичный арсальный характер, а с исторической точки зрения они разошлись рано. Во многом язык кхария заметно отличается от большинства южных мунда языков: в нем сохранилось двойственное число, а с фонологической точки зрения, например, избегаются односложные слова. Ряд вопросов, связанных с инкорпорацией, в кхарии представляет теоретический интерес, например, является ли именная группа местоименного субъекта инкорпорированной. С точки зрения семантики глагола чрезвычайно интересно наличие инновативного (и считающегося рядом носителей «неправильным») «прошедшего II», по семантике «не отличающегося от прошедшего», а по форме образованного от перфекта в прошедшем (с. 462). Нам представляется возможным, что данная форма представляет собой результат развития формы плюсквамперфекта к значению 'неактуальное прошедшее'; требуются дополнительные исследования. Статья сопровождается цинной аннотированной библиографией.

В десятой главе разбирается малоизученный язык джуанг (более-менее исследованной можно считать в нем только глагольную морфологию); пометы «не исследовано» встречаются на месте пунктов описания неоднократно. Автор очерка, М. Паттайк, на наш взгляд, излишне некритично воспринимает данные справочника «Ethnologue» о численности населения или тем более о статистических параметрах лексикона (ср. критику сведений «Ethnologue» в очерке Н. Зайда о корку). Существует гипотеза Г. Андерсона, согласно которой джуанг – изолят в рамках группы мунда. Помимо изначальной обособленности (вместе с кхария или отдельно), язык джуанг испытал сильное влияние индоарийского языка ория, утратив глottальную смычку как фонему и заимствовав образование относительных предложений, системы эвиденциальности и анафоры. Своеобразием

отличается в джуанг также субъектно-объектное маркирование глагола; видо-временная система сложнее, чем в других южных мунда (есть трехчастная временная система и несколько сочетающихся с ней аспектуальных показателей).

Одннадцатая глава, написанная Андерсоном и Харрисоном, излагает сведения о языке ремо (другое название – бонда), почерпнутые в ходе масштабных полевых исследований в 2005–2007 гг. Ремо – бесписьменный язык, его ближайший родственник – язык гутоб, с которым они образуют некоторое единство, а также, возможно, кхария (не исключено, что это сходство арсальное). Народ ремо, живущий на юге штата Орисса, считается наименее «цивилизованным» и наиболее «жестоким» из народов мунда, такая репутация долго способствовала изоляции и сохранению языка, но в последнее время индоарийское влияние стало угрожать его стабильности. Среди характерных черт этого языка – наличие фонологических носовых гласных (что отмечено в северных мунда языках, например, в сантали, но южным не свойственно), большое число морфонологических чередований. Типологически заметной даже на фоне Индостана особенностью в языке ремо являются пять степеней удаленности в действительных местоимениях («близко», «далеко» и три промежуточные стадии, что отмечено также в нескольких дравидских языках). Имеется ряд системных различий между «равнинными» и «горными» диалектами.

Двенадцатая глава (автор – А. Гриффитс) посвящена языку гутоб, носители которого живут на границе штата Орисса с Андхра-Прадеш; некоторое время он считался диалектом языка ремо. Прогнозы сохранения языка неблагоприятные, молодое поколение переходит на десийский диалект языка ория, являющийся лингва- franca в зоне расселения носителей южных языков мунда. Одна из ярких черт – различие значений видо-временных и модальных показателей в положительных контекстах и при отрицании (подробнее см. ниже, в обсуждении книги «Глагол мунда»).

Языку гта (или, возможно, языки; здесь также выделяются горная и равнинная разновидности, но разница между ними, насколько можно судить по скучным данным, доступным по горному гта, значительна) обсуждается в тринадцатой главе, написанной Г. Андерсоном. Это также бесписьменный язык того же региона, точно место которого в классификации южных мунда неясно. Одна из замечательных особенностей, выделяю-

щих гта на фоне других языков мунда, видна уже в его названии – в нем исключительно распространены кластеры согласных в начальной позиции. Обычно как в северных, так и в южных мунда сочетания согласных встречаются только в середине слова. Подобную фонологическую структуру слова имеют многие австроазиатские языки, дальние родственники мунда, однако велика вероятность того, что это не архаизм, а вторичное развитие. Нехарактерна для языков мунда и относительно сложная падежная система гта (обычно как северные, так и южные языки «обходятся» послелогами и в редких случаях небольшим числом базовых падежей; преобладает вершинное маркирование). Очень необычна и видо-временная-модальная система – противопоставляются два показателя, каждый из которых имеет целый ряд употреблений в разных контекстах (с. 724):

<i>-ke</i>	<i>-ge</i>
неопределенность	определенность
ближнее движение	дальнее движение
утверждение	эвиденциальность
состояние/настоящее	изменение/прошедшее
со вспом. глаголом =	со вспом. глаголом =
перфект	плюсквамперфект
хабитуалис/общее	определенное
настоящее	прошедшее
вопросительность	ответ
отрицание	запрет
отдаленное прошедшее	недавнее прошедшее
актантный фокус	фокус деятельности
нейтральный	маркированный

Отмечается ряд внешних «непоследовательностей» в таком распределении значений; например *-ge* одновременно выступает как эвиденциальный показатель (противопоставленный прямому утверждению), но в то же время выступает как показатель прямого утверждения в ответ на вопрос.

Наконец, последняя, четырнадцатая глава книги – написанный в свободной форме очерк Н. Зайда «О нихали» (ранее публиковался в иной редакции). Нихали (у ряда авторов нахали) – это загадочный язык, на котором говорит часть (существенно меньшая, по некоторым данным, около 5 тысяч человек) одноименной этнической группы на западе Индии, имевшей устойчивый «криминальный» статус в индийском обществе. Отсюда имеющая большую распространение версия,

что они – не что иное, как тайное воровское арго, использующее слова разных естественных языков. Но если они – все же язык, развившийся «на перекрестке» влияния различных языковых семей нормальным образом, пусть даже в ряде случаев и использующийся потом билингвами в качестве тайного арго (ср. выше, судьба языка горум), неясно, какова его исходная генетическая принадлежность. Присутствующая в нем лексика мунда дала основание рассматривать причислять нихали к «дальним осколкам» языка давних жителей Индостана, подобно языку корку (распространенному, к слову, примерно там же); есть и точка зрения, согласно которой они – изолированный язык, осколок еще одной языковой семьи субконтинента, от которой не осталось больше ничего. Зайд приводит все точки зрения и анализирует аргументы в пользу каждой из них, но выбор затруднен ограниченностью и внутренними противоречиями доступного материала. Остается желать, чтобы такой материал скорее появился, и основательное заключение сделалось бы возможным; употребительность нихали весьма незначительна, и если он исчезнет, то вопрос «что это было?» останется навсегда неразрешимым.

Перейдем теперь к изданной в 2007 г. книге Г. Андерсона «Глагол мунда». По числу анализируемых типологических характеристик книга делится на семь глав с прибавлением первой, вводной главы, посвященной общему очерку фонологии, именной морфологии и синтаксиса языков мунда и их общих типологических характеристик в генетическом и ареальном контексте. Во вводной главе описание дается на материале нескольких языков-представителей основных ветвей (разница между северными и южными мунда языками существенна на всех уровнях), с комментариями по поводу исторического развития данных черт, ареального индоарабского и дравидского влияния и реконструкции протоязыка мунда (кос в чем эти комментарии, как и сопровождающие их карты, пересекаются с вводной главой Андерсона к изданию «Языки мунда», хотя в книге «Глагол мунда» изложение более подробное). В пределах заданного объема этот очерк достаточно удачен, хотя, например, некоторые формулировки можно было уточнить. Например, говорится (с. 11), что в сантали, как кажется, помимо приведенных в таблице гласных фонем, есть еще и набор назализованных гласных – во-первых, это было известно и предыдущим исследователям, во-вторых, на следующей же странице приво-

дятся собранные самим же автором минимальные пары вида «назализованные vs. неназализованные гласные» (но без списка фонем; такой список можно найти, например, в издании «Языки мунда» в статье о сантали А. Гхоша, с. 20); не дается также отдельная таблица фонологически значимых глottализованных, придыхательных и преназализованных смычных. В области морфологии обращает внимание материальное совпадение генитивных показателей [-itʃ'] (одушевленные имена) vs. [-ak'] (неодушевленные имена, с. 24) с таким же образом распределенными словообразовательными показателями отглагольных имен (с. 17); кажется, что эти две функции следует рассматривать вместе как свойства одних и тех же показателей, тем более что для языков мунда, как и для многих других групп Евразии, как раз характерно использование падежного маркирования вершинного глагола для образования придаточных (с. 27, 142–143), а лексические основы не распределены жестко по частям речи (с. 33).

Во второй главе книги описан залог – в языках мунда это категория с богатым набором граммем, включающая каузатив, реципрок, пассив, медий, бенефактив и рефлексив, а в ряде языков выделяются и другие залоговые/деривационные категории, например, пермиссив в сантали и корку. Отмечено, что лишь некоторые маркеры этих категорий можно реконструировать на уровне праязыка мунда (или тем более на австроазиатском уровне), многие возникли в отдельных языках независимо и демонстрируют типологическое разнообразие (префиксация, инфиксация, двойное маркирование и т.п.). При этом маркирование рефлексива и пассива во многих языках сближается (типологически частотное совмещение, присутствующее хотя бы в русском -ся), а рефлексив используется в значении ‘самостоятельно’, что также известное типологическое свойство. С точки зрения грамматикализации весьма интересно превращение глагола ‘есть, принимать пищу’ в показатель пассива в кхария и джуанг. Типологические параллели этого явления Андерсон не рассматривает, так что остановимся на них чуть подробнее. Данные мунда сопоставляются в [Haspelmath 1990: 41, 64] с типологической параллелью из корейского. С точки зрения Б. Хайне и Т. Кутевой [Heine, Kuteva 2002: 122], добавляющих сюда еще и схожую конструкцию из китайского языка, концептуальный механизм этой грамматикализации неясен, и для его анализа нужен дополнительный материал. Данные других языков (турецкого,

персидского; в багвалинском, чепанг и хауса – аспектуальные употребления) собраны в [Naess 2001] и [Майсак 2005: 318]. На наш взгляд, здесь возможно развитие пассивного значения из ‘переносить, претерпевать [что-л. неприятное]’ (ср. он проглотил обиду), так и из значения медия – ‘сделать что-л. для себя’; из языков мунда именно это значение является основным в сантали (и мундари – см. выше в изложении очерка Т. Осады), в связи с чем интересно употребление глагола ‘есть’ со значением ‘делать Р, чтобы прожить’ в языке лаху (ср. [Matisoff 1991:440–441]). Далее в обсуждаемой главе книги Андерсона рассматривается подсистема бенефактива («аппликатива»), характерная для языков кхервари. Особое внимание удалено категории «версии» (дискурсивного выделения, или в другой терминологии – фокуса), описываемой на материале исчезающего языка горум; это фактически ‘case study’. Причем для маркирования этой категории в горум используется, помимо аффиксов (один из которых восходит к глаголу ‘приходить’ – можем добавить к предлагаемым автором тюркским и бурушаски параллелям еще европейские конструкции вроде ‘пошел и сделал’ [Майсак 2005: 164], сюда же исторически относится, вероятно, и каталанская конструкция с *anar* [Detges 2004]), еще и уже упоминавшийся «скрипучий голос» (steaky voice).

Третья глава книги посвящена маркированию референции в глаголе мунда. Языки этой группы характеризуются пестротой типов согласования и представляют интересный материал для типологии. В большинстве языков представлено маркирование субъекта, объекта (прямого и косвенного), а в некоторых языках и посессора. В части языков в схожих функциях выступают преимущественно проклитики, в других – энклитики. Такое яркое явление, как маркирование субъекта энклитикой не при вершине (а именно, при предшествующем глаголу слове либо в Ваккернагелевой позиции) отмечено и в южных мунда, и в языках кхервари, но развилось в обеих ветвях, по-видимому, независимо; возможно, это результат переинтерпретации проклитик как энклитик, либо же показатели субъекта в кхервари вообще представляют собой позднюю инновацию, учитывая то, что они материально совпадают с объектными и различаются от них лишь позицией (с. 70–82). Объект маркируется обычно после видо-временного суффикса, причем южные мунда языки не отличают прямой объект от косвенного, а северные используют для косвенного одушевленного объекта уже упоми-

навшийся показатель бенефактива или особое кодирование для адресата. Аналогично распределено и маркирование посессора (в южных мунда действует «подъем посессора» в позицию объекта, северные мунда имеют специальный набор показателей для согласования с посессором – последнее довольно необычно для языков мира). Таким образом, в северных мунда (в частности, в языках кхервари) представлено согласование глагольной словоформы по пяти актантам – субъекту, прямому объекту, адресату, бенефактивному адресату и посессору объекта (с. 96), хотя это отчасти «компенсировано» тем, что в этих языках, как уже сказано, субъектная клитика обычно переносится на другую словоформу. Отмечено также (примущественно в южных мунда) множественное маркирование одного и того же актанта, по-видимому, это связано с коммуникативным выделением.

В главе четвертой исследуются вид, время и наклонение, а также маркирование переходности; в языках мунда это тесно связанные вещи, видовые показатели здесь имеют совершенно разные алломорфы при переходных и непереходных глаголах (это разграничение является общим для большинства языков – в некоторых южномундских оно утрачено – и, по-видимому, присутствовало еще в праязыке). В языке корку переходность интересным образом взаимодействует с одушевленностью (с. 125 и сл.). Время в языках мунда представляет собой, как писал еще Масперо, относительно позднее явление; первоначально это были типичные «одномерные» глагольные системы с одной позицией для маркирования вида и наклонения, причем видовые формы получают временную интерпретацию по умолчанию. Ряд видо-временных показателей носит внешний (полувспомогательный) характер по отношению к словоформе и занимает особую позицию, не «склеенную» с переходностью. Характерны с этой точки зрения вторичные показатели аспекта и неактуального прошедшего в северных мунда, которым в книге, на наш взгляд, не уделено достаточного внимания (см. также ниже). В частности, Андерсон объединяет эти показатели по семантическому принципу в одну «серию А» с показателями хабитуалиса/будущего времени (хотя и положение их в словоформе, и просодический статус совсем разный, если не сказать прямо противоположный), кроме того, почему-то выделяется единый показатель «имперфекта» – сантали *kan* *tahēkan*, мундари *tan* *taiken* и проч. (с. 113–114). Но ведь в сантали

tahēkan часто выступает и без *kan* – с перфектом, плюсквамперфектом/ирреалисом, дуративом² – чему достаточно примеров не только в грамматиках (начиная уже с трудов преподобного Ларса Скрефсруда), но и в подлинных фольклорных текстах [Bodding 1923–1929], причем получаются весьма нестричильные значения. Один пример с дуративом ниже приводит и сам Андерсон (с. 116). В южных мунда сильнее грамматикализованы вторичные показатели перфекта и прогрессива в кхария (с. 111), в джуанг для образования прогрессива в прошедшем используется редупликация, а в корку она образует большое число видо-временных форм (с. 129), причем для этого языка характерна не только полисемия, но и синонимия недавно грамматикализовавшихся показателей. Для наклонения в северных мунда характерно (и типологически необычно) внешнее маркирование непереходного императива и эксплицитное выражение субъекта (с. 135–137). Отметим, что значительная часть видо-временных показателей, а именно, грамматикализованных вспомогательных и полуспомогательных глаголов и иных конструкций, обсуждается не в этой главе, а в специально посвященной этой проблематике заключительной Главе восьмой.

Глава пятая посвящена системе отрицания, которая в южных мунда выступает как отдельная категория. Здесь же (а не в разделе «наклонение») рассмотрен и прохитив, поскольку, в отличие от императива, в языках мунда это обычно форма с финитной морфологией. В ряде языков имеется нестандартное взаимодействие отрицания с глагольным временем: в горум разные отрицания для прошедшего и непрошедшего, в языке сора формы под отрицанием часто немаркированы по времени. Максимально далеко это взаимодействие заходит в «малых» южных языках – ремо, гта и особенно гутоб, где в положительном и отрицательном спряжении почти все видо-временные показатели имеют разные значения: отрицание при про-

² Сочетания с аористом *-ke-* представлены в ряде грамматик, но в текстах мис их найти не удалось [Sitchinava 2007]. из семантических соображений они также кажутся маргинальными, хотя в принципе и возможными. В упомянутой работе дается описание семантики *-le-* и *-tahēkan-*, которая к «предшествованию» или «имперфекту», с моей точки зрения, не сводится; см. также упомянутую работу [Neukom 2001].

шедшем времени имеет значение проходить в настоящем, а отрицание в прошедшем имеет суффикс непрошедшего. При сочетании отрицательной частицы с плюсквамперфектом в гутоб на сцену выходит такой нетрадиционный способ выражения отрицания, как редупликация (с. 157–158), в гта редуплицируется отрицательный прогресив в прошедшем (с. 159). К сожалению, в этот ряд фактов не включена кратко упомянутая в сноске к предыдущей главе замена в северных мунда аориста *-ke-* на «плюсквамперфект» *-le-* при отрицании (см. выше, в обсуждении очерка А. Гхона о сантали). Добавим от себя, что сокращенная, лишняя части маркирования и иногда «сдвинутая назад» видо-временна парадигма при отрицании свойственна и другим языкам мира, в частности, многим языкам банту [Contini-Mogava 1989; Урманчева 2003: 469–472], а формальная редупликация при отрицании плюсквамперфекта и прогресива, возможно, связана с парадоксальным усилением компонента хабитуальности/множественности «не-события» (ср. преимущественное употребление в русском языке XVII в. после отрицания многократного вторичного имперфектива: *не езжал*, *не прашивал* и т.п.). В джуанг отмечено двойное отрижение с поствербальным отрицательным наречием, совершенно подобно французскому *ne...pas* (с. 150–151).

Шестая глава – самая большая в книге (почти 50 страниц) – посвящена инкорпорации имени. Здесь типологический материал привлечен максимально. Г. Андерсон считает классификацию М. Митун, выделяющей четыре типа именной инкорпорации, недостаточной; он приводит примеры из языков Америки и кетского, где инкорпорированные имена могут быть антецедентами анафорических показателей (схожие примеры со сложными словами в немецком и итальянском дает И. А. Мельчук [Мельчук 1997: 210–211]), а иногда инкорпорируются формы со словоизменительными показателями (с. 172–173), что Митун, с его точки зрения, не предусматривает. Андерсон отмечает, что языки мунда не соответствуют предположению, выдвинутому в связи с известной «гипотезой неаккузативности» Д. Перлмуттера, о том, что так называемые «неэргативные» глаголы не допускают инкорпорации (с. 174). В южномундском языке сора (с. 175 и сл.), как и во многих других австроазиатских языках, «свободные» формы существительных носят явно вторичный характер и специально образуются из односложных инкорпорированных корней путем добавления префикса, редупликации, инфиксса или ком-

бинации этих приемов (в соответствии с общим для этих языков фонологическим ограничением, согласно которому полноударное слово не может быть короче двух мор), отмечены случаи инкорпорации супплетивного корня. В сора представлена и довольно редкая в языках мира инкорпорация агенса переходного глагола (по типу «ты тигромаймаешься» в смысле ‘тебя поймает тигр’; ср. нарушающее правила образования русских сложных слов *мухоество* ‘посдание мухами’ у капитана Лебядкина в «Бесах» Достоевского [Тестелец 2001: 341]), а также множественная инкорпорация нескольких актантов или нескольких (сериализованных) предикатов, типа «принести-дать-рис», «прилипнуть-грязь-рука-тебе» и даже сочетание того и другого («желать-есть-пирог-рот-тебе»), последнее отмечено и в языках Америки (фокс), и в папуасских (йимас). Похожие (хотя и не столь разветвленные и продуктивные) системы представлены в других южных мунда и рассмотрены более кратко. В северных мунда есть лишь отдельные реликты системы, похожей на представленную в сора; помимо их, элементы инкорпорации (типа «скало-лазать») представлены очень ограниченно и представляют собой, возможно, инновацию под индоарабским влиянием. В конце главы (с. 204 ff) рассмотрены параллели из австроазиатских языков разных групп – кхаси, никобарских и некоторых других.

Седьмая глава посвящена такой морфосинтаксической категории, представленной во многих языках мира, как «переключение референции» (switch reference), и представляет собой переработанную версию совместной статьи автора с Дж. Н. Бойлом³. Напомним, что эта категория указывает на (не)кореферентность подлежащего следующего (простого) предложения подлежащему предыдущего; в русском языке функции, очень близкие к показателю «иного подлежащего» (different subject), выполняет местоимение *тот* (*Вера училась в Бауманском университете, куда поступила по наставлению мамы*; – уважаемого бухгалтера-экономиста. *Та*, заранее расписала будущее дочери, мечтая, чтобы *та*, пошла по ее, стопам («Лиза», июнь 2004)). В ряде языков мунда (как и в некоторых других языках мира) показатели переключения референции используются в прямом значении лишь в нарративе,

³ В главе остался такой недосмотр, естественный для отдельной статьи, как указание при первом упоминании языков их альтернативных названий.

а в иных видах дискурса (например, в условных предложениях в диалоге) они грамматикализованы как показатель некоторых синтаксических конструкций независимо от кореферентности подлежащих. Соответствующая система является общей чертой южных языков мунда; с точки зрения Андерсона, вероятные ее следы также в северных мунда позволяют предполагать глубокую архаичность этой категории.

В последней, восьмой главе с привлечением большого числа типологических параллелей обсуждаются конструкции со вспомогательным глаголом и иные явления, связанные со «сложным предикатом», а именно конструкции с «легким глаголом», «эхо-образования», сериальные конструкции; автор считает, что данные типы конструкций образуют континуум, который не может быть «порублен» (*chopped*) на четко выделяемые универсальные для всех языков дискретные типы, как иногда предполагается в генеративистской литературе (с. 236). Данный материал чрезвычайно интересен с точки зрения грамматикализации различных полнозначных глаголов: данные языков мунда (как и других в южноазиатском ареале) демонстрируют самые разные этапы этого процесса. Часть форм, имеющих полувспомогательный статус, уже анализировалась выше, в четвертой главе. Как и ожидается типологически (ср. прежде всего не упоминаемую автором книгу [Bybee et al. 1994]), чаще всего при помощи вспомогательных глаголов (не всегда, впрочем, уже прозрачных семантически), в южных мунда выражаются семантически «молодые» категории, прежде всего перфект и прогрессив, а также комплектив. В качестве показателя последнего и родственных значений грамматикализуются такие глаголы, как ‘бросать’, ‘идти’ (в горум ‘идти’ означает также непроизвольное действие), ‘давать’ (также для каузатива). В выборе конкретных путей грамматикализации Андерсон допускает ареальное влияние со стороны дравидских языков (или взаимовлияние). Это относится и к такой черте обсуждаемых конструкций в ряде языков (например, горум), как двувершинное словоизменительное маркирование как вспомогательного, так и полнозначного глаголов, что весьма характерно и для дравидских языков (с. 253–256); отмечено также известное в Евразии распределенное маркирование части значений на вершине, а части – на вспомогательном глаголе (с. 257 и сл.). Образование этих показателей во многом зависит от того, относится ли глагол к переходным или непереходным. Есть примеры путей грамматикализации, кото-

рые кажутся уникальными, например, в языках мундари и сантали глагол ‘выдергивать’ (*to pluck*) превратился в показатель быстрого, внезапного, сильного действия (в очерке Т. Осады из книги «Языки мунда», см. выше, отмечена также его терминативная семантика – ‘прекращать’).

Замечания к этой книге хотелось бы начать с того, что семантика глагольных форм представлена порой достаточно скучно: морфемика и роль грамматических показателей в той или иной реконструкции в ряде случаев интересует автора явно больше, чем конкретные значения этих форм в системе и в типологическом освещении. В этой связи все же нельзя не удивиться отсутствию ссылок на уже упоминавшуюся грамматику Л. Нойкома «*Santali*» [Neukom 2001], вышедшую в 2001 году в известной серии мюнхенского издательства «Lincom», там же, где тремя годами ранее книга самого Андерсона о хакасском (при том что автору известна работа Нойкома о маркировании актантов в этом языке, опубликованная годом ранее), так что нам придется еще раз взять книгу Нойкома под защиту. В этой книге автор, например, подробно говорит о такой категории в сантали (общей, сколько можно судить, для всех языков кхервари), как ирреалис. Данная функция во всех отношениях выдающегося сантальского показателя *-le-*, с опорой на типологические работы М. Митун, выделена им, на мой взгляд, вполне убедительно. Отмечает Нойком и ряд специфических функций показателя *-tahēkan-*, в том числе структурирование дискурса – ввод нового эпизода. У Андерсона мы видим лишь беглые «ярлыки» для того и другого (*-le-* означает «предшествование» – anteriority и «иногда реализуется как плюсквамперфект», с. 121, а иногда «лишено показателей финитности», с. 120), не всегда верные содержательно (например, прогрессив в прошедшем он называет «имперфектом», в то время как в обсуждаемых языках кхервари прогрессив и дуратив в прошедшем вполне противопоставляются), а сочтанис этих двух показателей, как мы уже говорили, вообще не предусмотрено.

Обсуждая историческое развитие глагольных категорий и превращение вспомогательного глагола в аффиксы, автор ссылается на некоторые работы в области грамматикализации – прежде всего на совершенно необходимый в этой области «Лексикон» Хайнс и Кутевой (хотя и не во всех случаях, где эта работа содержит важный для излагаемого вопроса материал, – например, в уже обсуждавшемся детективном сюжете с глаголом ‘есть’), а также на их же работы по вспомо-

гательным глаголам. Однако он не упоминает важные работы о грамматикализации многих других авторов. Работы М. Митун об инкорпорации или М.Б. Бергельсон и А.А. Кибрика о переключении референции привлечены, а огромный пополненный новыми данными по сравнению с материалом Митун раздел об инкорпорации в книге Э. Даля [Dahl 2004], работы Дж. Байби о грамматикализации времени и вида (столь уместные в заключительной главе) или работы М. Хаспельмата, вполне актуальные для ряда других тем – нет. Часто перед нами хорошо изложенный материал для типолога, а еще не типологический анализ. Конечно, надо учитывать и ограничения объема и необходимость дать как можно больше фактов собственно языков мунда.

Сравнительно-исторические экскурсы, при всей их увлекательности и частой убедительности, местами немножко грешат абсолютизацией реконструкции грамматики на уровне «дробных прайзыков». Наряду с версиями, возводящими те или иные показатели к «прото-южному мунда» или «прото-сораджурай-горум», часто не менее конкурентоспособны и варианты ареального взаимовлияния родственных языков. Наконец, в связи с компаративистской реконструкцией мунда, может быть, стоило бы упомянуть работы в этой области Ю. К. Лекомцева, которыми он был поглощен в последние годы жизни, тем более что автор много работал в России, и в списке литературы есть несколько русскоязычных работ.

Все это в общем не противоречит задачам, которые поставил себе сам автор, и не умаляет ценности того, что есть в этой работе – она и не претендует на то, чтобы быть последним словом по заявленной теме, и ее название «Типологические перспективы» об этом свидетельствует. Автор дал ценный, удачно структурированный свод материала, снабженный большим количеством убедительных трактовок, реконструкций и типологических параллелей из десятков самых разных языков мира. На тему глагола в языках мунда можно написать еще не одну книгу, но без книги Андерсона при этом не обойтись. И эта книга, и изданный под редакцией Андерсона том «Языки мунда» должны стать настольными для всякого, кто занимается языками мунда или даже просто ссылается на их материал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Майсак 2005 – Т.А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- Мельчук 1997 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. М.; Wien, 1997.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Урманчиева 2003 – А.Ю. Урманчиева. Отрицательные формы глагола в языках Африки: морфология и семантика // В.А. Виноградов, И.Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания. Глагол. М., 2003.
- Bodding (ed.) 1923–1929 – P.O. Bodding (ed.) Santali folk tales / Ed. by the Rev. P.O. Bodding. V. I–III. Oslo, 1923–1929.
- Bybee et al. 1994 – J.L. Bybee, R. Perkin, W. Paagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Contini-Morava 1989 – E. Contini-Morava. Discourse pragmatics and semantic categorization. The case of negation and tense-aspect with special reference to Swahili. В., 1989.
- Cysouw 2005 – M. Cysouw. A typology of honorific uses of clusivity // E. Filimonova (ed.). Clusivity. Amsterdam, 2005.
- Detges 2004 – U. Detges. How cognitive is grammaticalization? The history of the Catalan perfect perifrastic // O. Fischer, M. Norde, H. Perridon (eds.) Up and down the cline: The nature of grammaticalization, Amsterdam, 2004.
- Haspelmath 1990 – M. Haspelmath. The grammaticalization of passive morphology // Studies in language. 1990. 14(1).
- Heine, Kuteva 2002 – B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2002.
- Matisoff 1991 – J.A. Matisoff. Areal and universal dimension of grammaticalization in Lahu // E.K. Traugott, B. Heine (eds.), Approaches to grammaticalization. V. 2. Amsterdam, 1991.
- Naess 2001 – A. Naess. «Eat» as auxiliary // LINGUIST List 12.1631, 2001, Jun 20 [<http://www.linguistlist.org/issues/12/12-1631.html>]
- Neukom 2001 – L. Neukom. Santali. München, 2001.
- Sitchinava 2007 – D. Sitchinava. Past markers in Santali: a typology-oriented approach // C. Masica (ed.) Old and new perspectives on South Asian languages: grammar and semantics. Delhi, 2007.

Д.В. Сичинава

Взаимоотношения языка и традиционной культуры – это объект исследований так называемого «узкого» направления этнолингвистики¹. В отличие от этнолингвистики «широкой», реконструирующей славянскую мифологическую картину мира и методологически уже сформировавшейся как направление, этнолингвистика «узкая», сосредоточенная на реконструкции традиционной языковой картины мира, еще ищет и осмысливает себя и свою процедуру анализа. Отправной точкой ее формирования была семантическая реконструкция лексики, тесно связанной с мифологией, – культурной терминологией и мифологически мотивированной обиходной лексики и фразеологии, что объединяло ее в задачах с «широкой» этнолингвистикой, а именно в реконструкции древних мифологических представлений. Постепенно, наряду с исследованием подобных специфических и периферийных, зачастую реликтовых, для языковой системы фактов, «узкая» этнолингвистика обратилась к этнокультурной интерпретации народного языка в целом, то есть стала примерно в такое же отношение к диалектному материалу, в каком современная теоретическая семантика находится к литературному языку. В этом она нашла себя, из составной части «широкой» этнолингвистики превратившись в самостоятельную дисциплину. Ставление «узкой» этнолингвистики шло спонтанно, в работах разных исследователей, но очень многим оно обязано работам Е.Л. Березович, основные направления и результаты которых нашли отражение в данной монографии. Проблематика работы и способы решения задач испытывали на себе влияние, с одной стороны, исследований московских этнолингвистов, особенно С.М. Толстой, ставшей ответственным редактором этой книги, с другой – традиций уральской школы ономастики и лексикологии.

Монография не имеет единого сюжета – их в ней много. Это собрание исследований, посвященных тематически самым разнообразным фрагментам русского народного языка и

культуры и объединенных в пять разделов: «Лексическая семантика в этнолингвистической перспективе», «Человек и пространство в зеркале языка», «Семантическая реконструкция лексики и фразеологии», «Культурные коды и культурный текст» и «Языковой миф».

Наиболее классическим с точки зрения традиций московской этнолингвистической школы является третий раздел «Семантическая реконструкция лексики и фразеологии», в котором рассматриваются слова и фразеологизмы, мотивированные народными верованиями: мифологическая мотивировка свадебной фразеологии (отказов при сватовстве), названий дожинального снопа и всенника, семантика слова *типун*, мифологический образ жабы и пр.

Прочие разделы в большей или меньшей степени воплощают индивидуальный научный метод и исследовательский ракурс автора, отличный от классического для московской этнолингвистической школы. На изложении его сущности и представляется особенно важным остановиться в настоящей рецензии.

Первую отличительную его особенность составляет объект исследования. Это не только диалектная лексическая периферия (мифологическая, обрядовая терминосистемы), но и ядро лексико-семантической системы русского языка, изучаемого как макросистема, состоящая из литературной, диалектных и жаргонных форм, за которой на страницах книги встает образ человека и пространства. Первый и в особенности второй раздел монографии дают образцы семантического анализа, весьма близкого и тематически, и методически к исследованиям, осуществляемым в рамках отечественной лексической семантики и школы концептуального анализа, но выполненного на диалектном материале. (См. в разделе «Лексическая семантика в этнолингвистической перспективе» анализ лексики межличностных отношений, лексики, обозначающей отношение к труду, к еде, соседскому общению и гощению и позволяющей реконструировать своеобразие русской народной аксиологии; в разделе «Человек и пространство в зеркале языка» следующие обширные этюды: семантический портрет слова *люди*, языковой стереотип инородца (иноzemца) и в частности цыгана, концепт дурака, концепт чуда, а также пространственные концепты: захолустья, своей и чужой земли.) Для славянской этно-

* Работа выполнена при поддержке гранта № НШ-943.2008.6.

¹ Термины «узкая» и «широкая» этнолингвистика используются вслед за Н.И. Толстым. Подробно о научном контексте рецензируемой работы см. во «Введении» к монографии.

лингвистики, несомненно, новым является как сам факт обращения к антропологическим смыслам в русской традиционной культуре, так и их синхронное описание по данным современных русских говоров и жаргонов. В отличие от обычной для этнолингвистики диахронической реконструкции, ориентированной на описание «славянских древностей», в монографии дается реконструкция синхронной русской этнической картины мира. Основанная не только на литературном, но прежде всего на богатейшем диалектном материале она, бесспорно, выигрывает в объективности у аналогичных по ракурсу описаний, предпринимаемых в современной лингвокультурологии и базирующихся на данных литературного языка. Особенno ярко преимущества привлечения диалектного материала раскрываются перед читателем в анализе этнических стереотипов. С одной стороны, диалект дает широту номинаций, позволяющих лингвистически объективно реконструировать тот или иной образ, а с другой – делает реконструкцию объемной и объективной, отражая взгляд человека из народа, нередко отличный от «элитарного», – то есть подлинно русскую картину мира².

Главным источником производимой автором реконструкции является мотивация слова, а сама монография фактически посвящена исследованию номинативной системы языка. Это вторая важная черта используемого в работе метода, отличающего его от большинства синхронных лингвокультурологических исследований. Лексическая семантика с ее опорой на сочтасмость, круг объектов и субъектов действия или признака, парадигматические и синтагматические связи и морфологические особенности слова, рассматриваемого вне диахронии, обычно при реконструкции картины мира не использует этот важнейший для этнолингвистики источник концептуальной информации: семантико-мо-

тивационные отношения, по словам самого автора, «незаслуженно обойдены вниманием исследователей» (с. 116). Мотивация признается автором наиболее лингвистически объективным источником знания о мире: «ценность этого источника концептуальной информации определяется тем, что заложенный в названии признак отражает такое знание об объекте, которое срослось с языковой формой, а потому доступно для всех носителей языка» (Там же). Обоснование мотивации как объективного источника коннотации, над поисками которого «бьется» лексическая семантика, легко в основу раздела о языковом образе инородца («Человек этнический в зеркале языка: к методике описания»), в котором на основании номинативного спектра этнонима и последующей систематизации мотивов, отраженных в номинации, составлен его коннотативный спектр. Та же процедура анализа применена при описании концепта захолустья и языкового образа дурака, причем в организации последнего систематизация мотивов доведена до уровня кодов (соматического, социального, технического и пр.). В монографии предлагается много этиологических решений, проясняющих мотивацию, в том числе на основании привлечения культурного контекста («языковые факты, которые... не составляют фонетических трудностей... но не прозрачны с точки зрения мотивации, которая выясняется при обращении к некоторому культурному контексту» (с. 239).

Теоретические проблемы извлечения из языковых форм концептуальной информации автор подробно рассматривает в разделе «Лексическая семантика в этнолингвистической перспективе», содержащем методологическую основу книги и «узкой» этнолингвистики в целом. «Задача реконструкции традиционной языковой картины мира... требует поиска таких источников этнокультурной информации, которые бы позволяли представить последнюю наиболее полно и системно» (с. 19), – замечает автор. В главе «К этнолингвистической интерпретации семантических полей» намечены уровни организации слов и их системы, к которым исследователь должен обращаться при реконструкции картины мира. Наряду с мотивацией и культурной символикой – традиционными для этнолингвистики уровнями анализа концептуальной информации – автор рассматривает такие источники, как набор лексических единиц (vs. смыслов), составляющих поле, и взаимодействие лексики (vs. смыслов) данного поля с другими полями (лакуны и маркировка, детализация смыслов, проекции одних смыслов на другие, место смыслов в системе). Эти источники весьма

² Монография базируется на большом по объему материале русских народных говоров и жаргонов, заимствованному из всех возможных лексикографических источников, картотеки топонимической экспедиции Уральского университета и собственных записей автора. Почти исчерпывающий характер материала, опора на факты неизменно делает анализ чрезвычайно тонким и нетривиальным (см. главу «Еще раз о русском авось», где на основании диалектных контекстов разгадана мотивация этого этиологически загадочного слова).

редко попадают в поле зрения исследователя диалектного языка по той простой причине, что их привлечение требует широчайшего охвата материала (исследователь литературной семантики может извлечь данную информацию из своего языкового сознания, а этнолингвисту для этого требуется провести огромную подготовительную работу по сбору лексики по словарям или в полевых условиях, чтобы выводы и наблюдения были объективны). Автор обращает внимание на важность собственно семантического уровня в исследовании, вводит его в научный оборот. Интересны содержащиеся в этом разделе наблюдения относительно различий в организации некоторых участков полей (трудолюбие, скучность, рассеянность, интеллект, отношение к еде) в диалектном и литературном языке.

Наряду с традиционным языковым материалом – лексикой – в этом теоретическом разделе в поле этнолингвистического исследования вводится и совершенно новый материал – ономастика, открытый автором для лингвокультурологических исследований. Рассмотрению его возможностей как источника знаний человека о мире посвящена глава «Ономастическая семантика», теория которой разработана в предыдущей монографии автора «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте».

Топонимия во всех образующих монографию сюжетах является непременной составляющей и богатейшим источником реконструкции народного мировоззрения, а семантическая жизнь имен собственных ее лейтмотивом. Так же как и лексика, топонимия выражает мнение человека о мире, во-первых, в способе мотивации – называния того или иного места через некоторое понятие, и во-вторых, – в переносных употреблениях по отношению к другим географическим объектам и семантических дериватах в нарицательной лексике. Эти возможности топонимии раскрываются автором в главе «“Свои” и “чужие” земли», где исследуется топонимический код в номинации – выделяются закономерности использования топонимов во вторичной функции и мотивы, отражаемые в подобном использовании названий, с одной стороны, деревенского мира, а с другой – общеизвестных географических объектов типа *Москва, Питер, Урал, Париж* и пр.

Изучение мотивации слова и поиск закономерностей в их развитии поднимает в монографии проблему кода. Проблеме кода в лексико-семантической и обрядово-игровых системах посвящен четвертый раздел монографии «Культурные коды и культурный текст». В главе «Пищевой код в дискурсе иг-

ры» рассматривается функционирование пищевых образов в игровой номенклатуре (названиях игроков, их действий, игровых предметов и пр.) и в сопровождающих игру текстах. Наиболее часто игра использует образы каши, кваса, хлеба, масла, сала и соли. Участие каждого вида пищи в игровом дискурсе проиллюстрировано обширным лексическим, фразеологическим и фольклорным материалом. В сопоставлении с внеигровыми употреблениями соответствующих пищевых лексем, а также с близкими к игровым обрядовыми действиями выделяются семантические мотивы, реализуемые пищевыми образами в игре (для большинства продуктов сквозным мотивом является семантика удара, кроме того каждый продукт реализует в игре свой набор признаков). Данное исследование чрезвычайно интересно для познания как донорской (пищевой), так и реципиентной (игровой) систем: синонимические связи, семантика и коннотации пищевых лексем в периферийных употреблениях; семантика элементов игры, проявляющаяся на «пленке» пищевого кода и в обрядовом контексте, структурирование области игры с помощью номинации.

В главе «Явление лексической ксеномотивации» исследуется этнический код в лексике, а именно типология использования обозначений чужих народов в качестве основ для негативно-оценочной вторичной номинации, лишенной какой бы то ни было объективной мотивировки и отражающей обобщенное представление народа о чужом как аномальном. В основе данного кода лежат такие модели, как 'чужой' – 'неправильный', 'странный', 'поддельный', 'непонятный' и пр., одинаково реализуемые различными производящими основами вне зависимости от их исходной семантики. Данные модели представлены в таких тематических сферах, как астрономия (луна, созвездия), метеорология (слепой дождь, мороз, туман), вредные насекомые (прежде всего тараканы), дикие, ядовитые растения, сурrogаты материалов, болезни, отрицательные черты характера и др. В каждой из этих групп приводится богатейший иллюстративный материал, включающий русские, инославянские, романские, германские, угрофинские диалектные и литературные данные, что делает данное исследование важным вкладом в лексическую типологию. Семантические дериваты от названий чужих народов рассматриваются автором как мотивационное макрогнездо – «языковые факты, возникшие в результате семантической деривации и объединенные семантической общностью производящих слов» (с. 448). Особого внимания заслуживает предлагаемая ав-

тором теория устройства vs. описания этого интереснейшего типа лексико-семантических систем, характеризующаяся рядом параметров: наличием ограниченного круга тематических сфер и значений, обслуживаемых ксеномотивацией, внутригнездовых и внешних параллелей, соотнесением с культурными мотивами.

Автору свойственно глубокое видение формальных механизмов в развитии лексики. Как этимолог, Е.Л. Березович в семантических трансформациях слова нередко, наряду с когнитивной основой, видит чисто языковые причины, которые наравне с понятийными связями принимают участие в формировании концепта. Ее интересует не только, как устроен мир, но как устроен язык. Авторский метод характеризуется вниманием к внутрисистемной, внутриязыковой жизни слова, взаимодействию его с близкими по звучанию словами. В отличие от близкого явления – литературной паронимии, – в системе диалекта фонетические аттракции играют важную роль и создают семантические притяжения. В результате этих притяжений формируется морфосемантическое поле, которому автор придает большое значение в развитии диалектной лексико-семантической системы. Аттракция и факт морфо-семантического поля сыграли большую роль в формировании северно-русского концепта чуда, формально и содержательно взаимодействующего с чужим и чудью – объединяемых как связью нечистого и чужого, так и близостью корней. Это привело к возникновению, во-первых, трудно этимологизируемых лексем, для которых возможна разная формальная мотивация, и во-вторых, круга общих значений, выражаемых словами с этими корнями: оборотничество, нечистая сила, дорусское население, ряжение, колдовство, неряшлисть, юродство, озорство) (глава «Чудесное в пространстве»).

Внутриязыковым возможностям порождения смысловых связей посвящен пятый раздел «Языковой миф», в котором рассматривается проблема развития текстов, мотивированных не представлением человека о действительности, а собственно языковыми механизмами – возникающими в системе смысловыми и звуковыми притяжениями, на основании которых носитель традиции в стремлении познать и объяснить действительность приписывает ей те или иные реально не свойственные ей черты. Наиболее часто языковые мифы развиваются в сфере народной медицины – в процессе осмыслиения болезни и способов лечения на основании ее названия. На примере диалектных названий болезни ячмень пока-

зываются, как из фактов языковой системы возникает миф и как он потом в свою очередь стимулирует появление новых языковых фактов. В двух типах номинации данной болезни – от названий зерновых культур и собаки – возникают различные аттракции с корнями другой семантики (*пес* – *пест*, *сука* – *сучок*, *жиг* – *жиг*), соотносимые с методами лечения этой болезни. Наличие семантической мотивировки не удовлетворяет автора: названия, притянутые к полям «зерно» и «собака», семантически мотивированы и сами по себе, но автор их понимает как аттракции к указанным полям (*сучок* как производное от *сука*, *жига* от *жига*). Во второй главе данного раздела реконструируется языковой миф, связанный с именем *Афанасий* и отраженный в его коннотациях, проявляющихся в семантике его нарицательных производных. Наричательные производные *Афанасия* появляются среди обозначений негативных черт человеческого характера, кислой пищи, частей тела, предметов и в терминологии игр, реализуя в этих тематических сферах сквозные мотивы глупости, медлительности, неудачливости, неряшливы. Выявить эти мотивы позволяют синонимичные номинации с прозрачной внутренней формой. Причины формирования образа простофили, стоящего за именем *Афанасий*, носят чисто языковой характер, это прежде всего рифмы и созвучия данного имени с другими словами (квас и пр.), запустившие дальнейшее действие языкового механизма. В третьей главе демонстрируется процесс мифологизации в топонимии: как носитель традиции интерпретирует с помощью легенд внутреннюю форму географических названий.

Монография Е.Л. Березович, реализующая различные возможности и формы анализа «узкой» этнолингвистики дает возможность методологически познать эту область как своеобразную лингвокультурологическую дисциплину. Это своеобразие определяется, во-первых, материалом, который может быть любым – и чисто литературным, и диалектным, но главное – народным. А во-вторых, – обращением к контексту (отсюда диахрония, факты других форм культуры, общеславянский ракурс), состоящий в богатстве номинаций и невербальных обозначений, служащих для этнолингвиста источником объективной информации об этническом своеобразии картины мира.

Е.И. Якушкина

Название книги А.Л. Верлинского демонстрирует сложность проблемы, которой книга в значительной части посвящена, проблемы соотношения слов и вещей. Как замечает автор в Предисловии: «Эта книга не является историей античных учений о возникновении языка в обычном смысле». Непосредственный предмет исследования – рассуждение о возникновении языка в I книге «Исторической библиотеки» Диодора, при этом ставится цель доказать, что Диодор излагает (через посредничество Гекатея Абдери) учение Демокрита. Это доказательство развернуто в серию подробных и многосторонних комментариев, и читатель, который возьмет на себя труд последовать за аргументацией А.Л. Верлинского, во-первых, получит удовольствие от чтения русской книги по классической филологии (что, к сожалению, бывает редко), во-вторых, признает, что тема, заявленная в названии, освещается в монографии гораздо с большей полнотой, чем это может показаться на первый взгляд.

А.Л. Верлинский, кроме собственно Диодора (I 8), рассматривает ряд текстов, важных для понимания античных учений о языке. Прежде всего, это Витрувий (II 1, 1) и Лактаний (Inst. VI 10, 13–15). Как доказывает А.Л. Верлинский, сообщения Диодора, Витрувия и Лактания о развитии цивилизации и возникновении языка восходят к единому источнику (Глава I). Далее, рассматривается доксографический пассаж Прокла из комментария к «Кратилу» (In Crat. 16 p. 25 Pasquali = Democritus fr. B26 DK 563 Luria). Излагаемая Проклом доксография приписывает Демокриту учение об установлении ($\thetaέσει\ tā\ \dot{\theta}\nu\dot{\mu}\dot{\alpha}\tau\alpha$) и случайности ($tύχῃ\ tō\ \dot{\theta}\nu\dot{\mu}\dot{\alpha}\tau\alpha$) имен (Глава II § 1). А.Л. Верлинский защищает достоверность этого свидетельства, полемизируя с неоднократно выражавшимся скептицизмом, при этом рассматривается и комментируется другой весьма важный фрагмент Демокрита (Sext. Adv. Math. VIII 184 = fr. 57 Luria). Из слов Прокла следует, что Демокриту была известна проблема многозначности, и этот вопрос разъясняется в специальном разделе (II § 2), где комментируются слова Федры («Ипполит», 385–387), демонстрирующие знакомство Еврипида с идесей многозначности. Далее (гл. III) автор рассматривает относящиеся к наименованию фрагменты Парменида (28 B DK), и Ксенофана (B8, 9 DK), к проблеме $\nuόμος$ – $\phiύσις$ привлечен фрагмент Эмпедокла (B9 DK) отрывки из ранних трактатов Гиппократова корпуса (De Arte II. De Natura hominis V), да-

лее, – другой трактат из Гиппократова корпуса, De Morbo sacro, в котором А.Л. Верлинский находит приближение к «лингвистическому конвенционализму». Глава IV посвящена двум концепциям, связанным с установлением языка, а именно, мифологеме «учредителя имен» и, с другой стороны, идеи появления членораздельной речи, понимаемой как важнейшая часть цивилизации. Эту идею, возможно, развивал Архелай и, вероятно, Протагор, поэтому данный раздел монографии посвящен анализу диалога «Протагор» Платона, тут же обсуждаются релевантные отрывки из трагиков. Таким образом, А.Л. Верлинский дает очень полный обзор источников, отражающих мнения о происхождении языка, сложившиеся к последней четверти V в. до н. э., эпохи, на которую приходится расцвет Демокрита. Глава V посвящена собственно Демокриту, но Демокритом не ограничивается, и читатель найдет здесь пространные комментарии к «Кратилу», менее пространные – к «Филебу», замечания о софистах Антифоне и Ликофоне и многое другое. В главе VI предлагается столь же детальный анализ эпикурейских текстов, прежде всего, отрывка из «Письма к Геродоту» (= Diog. Laert. X 75–76), а также Диогена из Энсады и Филодема. Рядом с хорошо известными и многократно обсуждавшимися эпикурейскими высказываниями о происхождении и развитии языка А.Л. Верлинский ставит интереснейший и редко вспоминаемый отрывок из Клавдия Птолемея (De Iudicandi facultate IV, 2–6). Наконец, в VI главе мы находим анализ имеющих отношение к теме частей V книги Лукреция (специальный § 2 посвящен стихам 1028–1090), впрочем, Лукреций упоминается и в предшествующих главах. Здесь же обсуждается совсем редкий документ, книга «О Красном Море» этнографа Агатархса, в которой описываются «дикие люди», использующие нечленораздельную речь и жесты, – этому вопросу А.Л. Верлинский придает оправдано большое значение.

Читателю, который хотел бы получить фундаментальный филологический комментарий к источникам, будет довлетворен книга А.Л. Верлинского. Все тексты, попавшие в поле зрения автора, исследуются в тончайших деталях, при необходимости обсуждаются и текстологические проблемы. По каждому вопросу мы находим самый полный и компетентный обзор старой и новой научной литературы. Однако платой за полноту является трудность изложения и сложность композиции. А.Л. Верлинский строит материал,

следуя логике своей аргументации, и новые, часто фундаментальны, проблемы вводятся *ad hoc*, как разъяснения и добавления, и часто эти разъяснения разрастаются в пространные экскурсы. Нужно, впрочем, заметить, что экскурсы и отвлечения очень интересны, и читатель, преодолевший сложности изложения, будет вполне вознагражден. Отметим ради примера рассуждение о выражении *κοινὴ διάλεκτος* (с. 73) или комментарий к загадочному выражению Демокрита (?) «имена богов – звучащие изваяния» (с. 222). Что касается текстов, то мы могли бы указать на несколько подлинных комментаторских удач, таких, как разъяснения к § 76 «Письма к Геродоту» Эпикура (с. 306). Серьезное чтение V книги Лукреция сдво ли будет возможно без участия комментариев А.Л. Верлинского.

То, что в риторике называлось *inventio* ‘приисканис’, в книге А.Л. Верлинского не только чрезвычайно разнообразно и широко, но и охватывает разные уровни филологического исследования. Автор свободно перемещается от обсуждения глобальных философских концепций к толкованию слов и объяснению синтаксических конструкций. Систематически проводимая связь общих вопросов с филологическим анализом текстов на уровне слова и буквы – большее достоинство обсуждаемой книги.

Принятый в книге способ цитирования нельзя признать удобным. Большинство текстов дается в русском переводе со вставками греческих или латинских слов. Понятно, что именно в такой форме предстают источники во многих западных, особенно англоязычных, работах последних десятилетий, однако это упрощение не сообразуется с содержанием и филологическим уровнем книги, которая требует от читателя постоянной и самой тщательной работы с первоисточниками. Отрывок из «Письма к Геродоту» приводится полностью по-гречески с переводом и критическим аппаратом (с. 273), хотя как раз по поводу «Письма» не обсуждаются текстологические проблемы. Некоторые отрывки цитируются в оригинале и в переводе, но без критического аппарата, однако основной источник по Демокриту, фрагмент B26 DK (Прокл) не приводится полностью ни по-гречески, ни по-русски (с. 92 и сл.).

Нам показалось, что ветвящаяся структура и перегруженность содержания создавали для автора такие же трудности, с какими столкнется и читатель. При глубочайшей и тончайшей разработке мелких деталей в самых критических и важных пунктах доказательства оказываются недостаточными.

Напомним, что в монографии доказывается, что теория происхождения языка, излагаемая

Диодором, восходит к Демокриту. Идея эта далеко не новая: после работы Рейнхардта [Reinhardt 1912], отрывок из Диодора был включен Дильсом в число «фрагментов» (серия «B») Демокрита, за Дильсом в целом последовал С.Я. Лурье¹. Однако общепринятой эта атрибуция не стала. Значение Демокрита как одного из первых теоретиков языка сдавали нужно доказывать, поэтому любые аргументы в поддержку словесной или идейной аутентичности фрагмента B5 DK имеют большую ценность.

В самом общем виде аргументация А.Л. Верлинского строится следующим образом:

(1) Источником Диодора была единственно «Египетская история» Гекатея, что «исключает влияние эпикуреизма» по хронологическим соображениям (с. 15).

Заметим, что, к сожалению, хронология Гекатея никак не обсуждается, хотя он был старшим современником Эпикура, и только самые ранние датировки «Египетской истории» могут иметь решающее значение.

(2) Диодор излагает принципиально иную схему исторического развития, чем Эпикур.

(3) Учение о языке, имплицируемое рассказом Диодора, принципиально отличается от учения Эпикура. Главное отличие в том, что для Диодора язык – θέση ‘по установлению’, что согласуется с конвенционализмом Демокрита, а для Эпикура язык – φύση ‘по природе’.

Остановимся кратко на третьем пункте.

В «Письме к Геродоту» Эпикур описывает, как в первобытную эпоху возникали первичные звуки (первая стадия развития языка): природа человека испытывает некоторое претерпевание, в ответ на это претерпевание человек издает звук. В разных местах человеческая природа была разная, поэтому разными были претерпевания и разные звуки, по этой причине впоследствии получились разные языки, пользующиеся разным фонетическим материалом. Если, далее, предположить, что претерпевания мотивированы внешними объектами (Эпикур о таковых не упоминает²), то мы получим физическую, даже

¹ Фрагмент B5 DK включает целиком текст Диодора I 8; в собрании Лурье I 8, 3–4 = fr. 566 (возникновение языка), а §§ I 8, 1–2; 5–7 составляют fr. 558.

² Эпикур говорит υφ' ἐκάστων τῶν παθῶν καὶ τῶν φαντασμάτων ‘(звуки произносились) под действием специфического претерпевания и видимости (образ воспринимаемого объекта)’. Я не могу согласиться с тем, что выражение φαντάσματα ‘предполагает связь слова и предмета’ (с. 290 со ссылкой на [Vlastos 1946]).

каузальную, цепь: объект – претерпевание – звук. Конечно, это означает, что «слова по природе», – но слова, взятые только как звуковые комплексы. Чтобы звук стал знаком, движение надо развернуть в обратном направлении: звук – претерпевание – объект. Эту цепочку едва ли можно мыслить как физическую и каузальную. Действительно, далее, описывая вторую стадию, Эпикур говорит о том, как разные народы установили (*τεθῆναι*) разные имена, и стали пользоваться ими как знаками. Получается, что «слова по установлению», и в этом нет противоречия.

В интересах своей концепции А.Л. Верлинский утверждает, что Эпикур говорит об установлении в особом смысле, подразумевая «какое-то менее существенное совершение слов» (с. 252). Это могло бы стать предметом интересной дискуссии, если бы против конвенциализма Эпикура А.Л. Верлинский выдвинул какие-нибудь аргументы, кроме того, что это «неправдоподобно» (с. 295).

Первая стадия языка описана у Диодора весьма сжато: *τῆς φωνῆς δ' ἀστήμου καὶ συγκεχυμένης οὖστης ἐκ τοῦ κατ' ὄλιγον διαρθροῦν τὰς λέξεις* ‘Язык первых людей не имел ясных значений и был нечленораздельным. Постепенно, однако, они стали артикулировать звуки, образуя слова...’ (перевод автора монографии). А.Л. Верлинский комментирует это место: «На первой стадии люди издают лишь нечленораздельные звуки, которые не обладают значением, т.е. лишь выражают эмоции и не связаны с предметами» (с. 63). Эта интерпретация ставит нас перед очень серьезными трудностями, как сама по себе, так и в связи с Демокритом (предполагаемым источником Диодора). Мы должны признать, что Демокрит уже разделял фонетический знак и значение, но при этом не различал значение и ‘предмет’³. Но вернемся к Эпикуру. В § 75 «Письма к Геродоту» ничего не говорится об отношении фонетических знаков и вещей на первой стадии, и это отношение

может быть установлено только из общей реконструкции семантики Эпикура⁴.

Вопрос о том, наделял ли Эпикур первоначальные звуки значением (сигнификатом), полагал ли он, что эти звуки участвовали в устойчивых референтных отношениях с внешними объектами, является в высшей степени спорным. А.Л. Верлинский утверждает, что «в эпикурейской теории слова изначально связаны с предметами» (с. 61 и сл.), устанавливая тем самым концептуальное различие между Диодором (= Демокритом) и Эпикуром. Более детальное, чем это сделано в монографии, обсуждение полемики по этой проблеме можно было бы только приветствовать.

Неожиданно поспешным оказывается обсуждение другого пассажа из «Письма к Геродоту» (37–38), в высшей степени трудного и спорного: *πρῶτον μὲν οὖν τὰ ὑποτεταγμένα τοῖς φθόγγοις ... δεῖ εἰληφέναι... ἀνάγκη γὰρ τὸ πρῶτον ἐννόημα καθ' ἔκασθον φθόγγον βλέπεσθαι...*

В этом случае читателю просто предлагается *sine ira et studio* принять перевод: «В первую очередь необходимо уяснить то, что положено в основании слова... Ведь необходимо, чтобы у каждого слова усматривалось первое значение» (с. 359). Интерпретирующий перевод *φθόγγος* ‘слово’ (вместо ‘звук’), безусловно, не может быть принят. Что касается труднейшего *ἐννόημα*, то было бы справедливо предложить читателю доказательства в пользу интерпретирующего перевода *значение* (вместо буквального ‘мысль’, ‘представление’).

Это место из Эпикура приводит нас, наконец, к понятию значения. А.Л. Верлинский присоединяется к распространенной (можно сказать, традиционной) точке зрения, согласно которой Эпикур постулировал значения как особый класс объектов, а именно, внутренних, ментальных структур, которые, прежде всего, отождествляются с *пролепсисом*⁵. Нельзя, однако, согласиться с тем,

³ Ср. перевод С.Я. Лурье, в котором сказано «семантическое» понимание *ἀστῆμος*: «Из голоса, первоначально невнятного и нечленораздельного, постепенно стали вылепляться слова». Так же переводит Oldfather: «And though the sounds which they made were at first unintelligible and indistinct...». Аналогичное затруднение возникает и в связи с концепцией *τύχη τὰ ὄνόματα*. Примерно понятно, что означает *τύχη* применительно к акту установления имен, совершенно не понятно, в каком смысле *τύχη* могло бы описывать отношение от знака к значению или от знака к вещи.

⁴ В гл. VII § 4 («Учение о возникновении языка и эпистемология Эпикура») этот вопрос рассматривается, но лаконично (см. далее о §§ 37–38 «Письма к Геродоту»). Неоправданным мне кажется умолчание о важной теории Глиддена, в которой учение о языке Эпикура истолковано в духе «твёрдых десигнаторов» Крипке [Glidden 1983].

⁵ При таком понимании эпикурейская семантика будет очень близка к Аристотелю, а в формальном отношении она совпадает с классической современной семантикой Фреге.

что эта теория несовместима с конвенциализмом. «Если слово является лишь конвенциональным знаком, который может быть по соглашению заменен любым другим, тогда и связанные с этим словом в сознании представления носят лишь условный характер и не содержат ничего обязательного» (с. 361). Такова гносеологическая опасность, которой, по мнению А.Л. Верлинского, хотел избежать Эпикур. В действительности эпикурейский пролепсис не зависит от языка. Если в нас есть пролепсис «бессмертных и блаженных богов», то «очевидность» этого представления никак не может быть затронута сменой языкового знака. Пролепсис «богов», заметим, не зависит не только от языка, но и от ощущений. Очевидно, что забота Эпикура о защите естественного языка от произвольных изменений (с. 366) была мотивирована какими-то иными соображениями.

Иногда нам казалось, что автор в стремлении доказать свои тезисы боролся с текстом, а не интерпретировал его непредвзято.

Витрувий пишет о первобытных людях (II 1.1): *in eo hominum congressu cum profundebantur aliter spiritu voces...* – Непонятное *aliter*, еще менее понятное *spiritu*. А.Л. Верлинский исходит из того, что это место соответствует τῆς φωνῆς... συγκεχυμένης (*profundebantur ?*) Диодора, следовательно, Витрувий описывает нечленораздельные звуки. Почему? «... звук издавался при помощи дыхания, т.е. без участия языка» (с. 63). К сожалению, это толкование выражения *spiritu* принять невозможно. Кроме того, картина жизни древних людей, нарисованная Витрувием, едва ли предполагает пыхтение как единственный доступный звуковой сигнал. «На неартикулированные звуки указывает, помимо *spiritu*, также и *profundo*» (с. 64, прим. 9). Каким образом? Едва ли есть основания переносить в текст Витрувия смысл выражения Цицерона (De Nat. Deorum II 149) *lingua... vocem immoderate profusam fingit* ‘язык лепит (= придает форму) голос, без меры разлившийся’. Впрочем, у Цицерона речь не идет о нечленораздельности, как и в других случаях, когда этот глагол соединяется с идеей речи (Lucret. IV 540, Gell. X 4, 4). С другой стороны, сходство фразы Витрувия с «Письмом к Геродоту» (75) достаточно существенно, и едва ли правильно оставлять это сходство без комментария: ἴδιως τὸν ἀέρα ἐκπέμπειν στελλόμενον. Кажется, что *ἴδιως* ‘специфически, по-разному’ Эпикур-

ра (ср. с. 278 обсуждаемой монографии)⁶ дает хорошее объяснение *aliter* Витрувия и поддерживает конъектуру *atque aliter* против изящного исправления *alitae* (*editio princeps*), принятого в издании Каллеба [Callebat (ed.) 1999].

При самом тщательном рассмотрении аргументов, собранных А.Л. Верлинским, я пришел к выводу, что у Диодора не сказано о языке ничего, что догматически не совместимо с учением Эпикура, хотя, с другой стороны, едва ли можно доказать, что Диодор следует в этом вопросе именно эпикурейской доктрине. Жанровые и содержательные различия между Диодором и доступными нам эпикурейскими текстами затрудняют прямое сопоставление. Вопрос о зависимости Диодора от Демокрита следует, вероятно, признать нерешенным.

Как видим, книга во многих местах приглашает читателя к дискуссии, что только увеличивает ценность труда А.Л. Верлинского. Нетривиальный подход ко многим сложнейшим проблемам поддерживается исключительно высокой филологической техникой, и это позволяет нам говорить о книге «Античные учения о возникновении языка» как о серьезном вкладе в изучение античной философии языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Callebat (ed.) 1999 – L. Callebat (ed.). Vitruve de l'Architecture. L. II. Paris, 1999.
Glidden 1983 – D.K. Glidden. Epicurean semantics // ΣΥΖΗΤΗΣΙΣ. Studi sull' epicureismo greco e romano offerti a M. Gigante. Napoli, 1983.
Reinhardt 1912 – K. Reinhardt. Hekataios von Abdera und Demokrit // Hermes. 1912. 12.
Vlastos 1946 – G. Vlastos. On the prehistory in Diodorus // The American journal of philology. 1946. V. 67.

A.E. Кузнецов

⁶ Эпикур в этом месте подчеркивает то, что первичные звуки были простой физиологической реакцией.

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

XVI конференция по балканистике и югославистике*

С 1 по 4 мая в канадском городе Банффе, под Калгари, проходила XVI конференция по балканистике и югославистике (*16th Balkan and South Slavic Conference*). Эта конференция проводится с 1978 г. каждые два года в одном из научных центров Северной Америки. Принимающей стороной в этот раз стал Университет Калгари, при участии Университета Альберты, Университета Торонто, Университета Реджайны и при поддержке Канадского совета по социальным и гуманитарным наукам. Конференция собрала более сорока ученых из 9 стран мира (Австрия, Болгария, Германия, Канада, Македония, Россия, Сербия, Словения, США), став площадкой для общения между представителями ведущих научных школ Европы и Северной Америки. Здесь я хотел бы остановиться на нескольких основных и наиболее актуальных для современной лингвистики и лингвистической балканистики темах.

Это, прежде всего, тема, касающаяся тех «маленьких/коротких слов» (частиц разного рода, артиклей, местоименных и глагольных клитик, союзов, междометий и под.), за которыми Т.М.Николаева предложила закрепить название «партикулы» [Николаева 2008]. Партикулы, среди прочего, помогают устраниТЬ разнобой в терминах (проявившийся и в докладах на конференции: «auxiliary», «clitic», «particle» и др. часто используются как синонимы). Другой способ избежать этого – составление полного списка рассматриваемой категории на уровне лексем (как это сделано для древнерусских клитик в новой книге А. А. Зализняка [Зализняк 2008]). В кругу балканистических проблем партикулы

входят в сферу дейксиса (в определенном смысле они его формируют), что определяет их отмеченное место в процессе коммуникации в широком смысле. Коммуникация, в свою очередь, напрямую связана с языковыми контактами, взаимовлияниями, в случае балканского языкового союза (БЯС) – с возникновением и формированием балканизмов.

В итоге мы неизбежно приходим к грамматической типологии БЯС и к «классическому» вопросу определения предмета и задач балканистики в настоящем и будущем. В этом смысле показателен доклад Г. Шаллера (Германия) «Болгарский как европейский язык с лингвистической точки зрения», где болгарский язык рассмотрен с точки зрения европлингвистики (направление, связанное с именем и идеями Н. Рейтера): учитывая, что некоторые балканизмы объединяют болгарский с языками Западной Европы, он предлагает говорить о болгарском прежде всего как о европейском языке, который имеет общее наследие и общие тенденции развития с разными (небалканскими) языками Европы. Это, как считает Шаллер, выводит нас из анализа собственно языка к анализу современных политических реалий – хотим мы этого или нет.

В ракурсе общих проблем БЯС весьма важным представляется доклад В. Фридмана (США), который рассмотрел балканские взаимовлияния и их прогнозируемые результаты в глобальном аспекте. В его докладе «Турецкая грамматика в балканском цыганском: иерархии маркированности в балканистике» был представлен опыт описания цыганского языка на Балканах; в основу описания была положена степень грамматической интеграции в цыганском турецких элементов (турецкое влияние на цыганские диалекты варьирует от многочисленных лексических калек и заимствования отдельных грамматических элементов до полного перехода на турецкий язык).

Такое взаимопроникновение языков/диалектов приводит к сложным, в определенном

* Автор хроники участвовал в конференции при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 08-06-08015).

смысле неразрешимым проблемам, вроде этноязыкового статуса каракачан – кто они, гречизированные арумыны или романизованные греки. Эта тема была поднята Т. Калем (Австрия) в докладе «Арумынские элементы в каракачанском греческом»: он утверждает (полемизируя с Т. Папахаджи и Т. Капиданом), что большинство лексем арумынского происхождения в каракачанском, являющихся аргументом в пользу его романской основы, были заимствованы недавно и доказательством служить не могут, а поэтому следует признать греческое происхождение каракачан.

Выявление таких лексических «путешествий» важно для установления направлений дистрибуции лексем «балканского словаря», см. доклад Д. Младеновой (Болгария) «Болгарские лексические изоглоссы: географическая дистрибуция и хронология», где на примере восточно-балканославянских названий помидора (*домат*, *патлиджан* и под.), показана взаимосвязанность внутри- и внеязыковых фактов (в частности, миграций садовников) в контексте макрорегиона восточно-балканославянской территории.

Здесь уместно упомянуть доклад Д. Томаса (Канада) «Сербохорватский как мост между балканским и карпатским языковыми союзами», в котором анализируется близость разных диалектов сербохорватского соответственно к двум разным (но ареально и типологически примыкающим друг к другу) языковым союзам: балканскому и карпатскому, что определяется грамматическим типом этих диалектов.

Возможное «просачивание» балканализмов за пределы Балкан было рассмотрено Т. Пристли (Канада) на материале румынского влияния на украинские говоры восточнославянско-балканороманского пограничья. Показательно, что один из самых явных следов этого влияния приводит нас к теме клитик. Речь идет о некоторых инновациях в употреблении посессивных клитик в украинских диалектах: *в'їн уз'єв іму гроші* при стандартном украинском *він уяв у н'ого гроші* и под. Т. Пристли считает, что, хотя пока еще трудно говорить о балканализмах, следы румынского влияния здесь несомненно усматриваются.

Г. Филдер (США) в докладе «“Заимствуемость” балканских дискурсивных маркеров» рассмотрела такие общебалканские партикулы как *(a)ма* и *(a)ми* ‘но’, в традиционной грамматике имеющие значение союза и междометия. Исходя из оппозиции центр/периферия, Г. Филдер представила диаграмму, в центре которой находятся языки и диалекты, в которых *(a)ма* и *(a)ми* используются и как

дискурсивные маркеры, и как союзы: это болгарский и македонский, румынский и греческий; в переходной зоне находится албанский, боснийский, ладинский, турецкий и цыганский (как дискурсивный маркер и как союз используется только *(a)ма*; на периферии – румынский, сербский и хорватский, где используется только *(a)ма* и только как дискурсивный маркер. Распределение функций этих элементов Филдер объясняет «иерархией заимствованности»: дискурсивные маркеры заимствуются с большей вероятностью, чем союзы, поскольку, в отличие от последних, они принципиально коммуникативны и в большей мере связаны с ситуацией смысла говорящих (*turn-related*) чем с содержанием высказывания (*content-related*). Большая частота заимствования *(a)ма* по сравнению с *(a)ми* объясняется, как она считает, социолингвистическими факторами, в частности, степенью престижа языков-источников.

Ситуация контактов, постоянной «готовности к изменениям» проявляется и во внутриязыковых процессах. Упомяну в связи с этим доклад Дж. Шаллерта (Канада) «Наблюдения над несогласованностью по роду славянского перфекта», который проанализировал такие хорошо известные случаи в болгарских, македонских и торлакских сербских диалектах, когда субъект выражен существительным муж. рода или жен. рода, а в предикате, выраженным перфектом, причастная -л-форма стоит в средн. роде: *Страх* (муж. род) *те было* (средн. род) (сербск.), *Народ* (муж. род) *се збрало* (средн. род) *като на панаире* (Ихтиман – болг.) и др. Дж. Шаллерт ставит эти употребления в зависимость от семантики субъекта (время, погода, растительность, болезнь, вред, эмоции), что позволяет подойти к правилам, которые позволили бы предсказывать случаи несогласования по роду (ср. также типологически сходные конструкции в русском языке *жаль было на него смотреть*).

Дейксис необходимо рассматривать прежде всего в дискурсе/тексте – как это сделала О. Младенова (Канада) в докладе «Современное болгарское *та*». *Та* в современном болгарском языке употребляется как определенный артикль (жен. род, ед. числа и средн. род множ. числа) и как союз ‘и, да’. В средневековом языке дамаскинов XVII века О. Младенова нашла ряд употреблений *та*, нехарактерных для современного языка (ср. *това що дръжиши та е червеи смрадень от моята вонещь пътъ*, «то, что ты держишь – это смрадный червь из моей смердящей плоти», Тихонравов дамаскин, упрощенная транскрипция). Она усматривает в этом употреблении *та* функцию «упаковывания информации

ции»: **това що дръжишъ=та**. Анализируя современное состояние союза та (на общебалканском фоне), О. Младенова предложила детальную классификацию употреблений *та* в зоне паратаксиса и гипотаксиса – известная, но имеющая много «неизвестных» и соответственно весьма перспективная тема в аспекте БЯС.

М. Макарцев (Россия) в докладе «Ускользающая эвиденциальность в переводе: анализ одного фольклорного текста» обратился к другому компоненту балканского дейксиса: категории эвиденциальности, рассмотрев использование пересказывательных форм в болгарском переводе албанской сказки «Kostadin tē vdekur» («Мертвый Костадин») (классический балканский сюжет «Возвращение мертвого брата»), сделанном К. Шапкаревым. В результате небольшого лингвистического эксперимента (текст Шапкарева был переведен на русский и носителям языка было предложено перевести его на болгарский) было получено восемь вариантов текста с несовпадающими употреблениями пересказывательных форм. Сопоставление этих вариантов позволило говорить о нескольких стратегиях использования пересказывательных форм и сделать предварительные выводы об их функции в тексте. Так, оказалось, что эвиденциальность маркирует текст в целом, а не отдельные предложения; переход между пересказывательными/непересказывательными формами привязан к сюжетным стыкам и обозначает своего рода code switching; позицию говорящего и слушающего по отношению к пространству текста (включенность/невключенность) определяет не столько выбор формы как таковой, сколько сам факт перехода от пересказа к не-пересказу и обратно. То есть, парадоксальным образом, носителем дейктической информации оказываются не только (и не столько) глагольные формы, но нечто, не имеющее материального выражения (и это позволяет на другом уровне вернуться к метафоре Фридмана для вспомогательного глагола третьего лица: появляющаяся и исчезающая улыбка Чеширского кота [Friedman 1988]). Е. Петроска (Македония/США) в докладе «Нarrативный пересказ в македонском» показала, что адаптированный для детей фольклорный текст, в котором отсутствуют такие переходы между формами, и который выдержан исключительно в непересказывательных формах, воспринимается носителями языка как неправильно построенный в pragматическом и коммуникативном плане.

Как уже было сказано и показано, общебалканские темы так или иначе «выво-

дили» авторов на партикулы. Примечательный случай взаимовлияния балканских языков П. Асенова и В. Алексова (Болгария) рассмотрели в докладе «Балканский аспект *nota accusativi personalis*» на примере специального маркера, позволяющего «подчеркнуть контраст между субъектом и объектом» в нероманском ареале Южной Македонии. В славянских диалектах этого ареала одушевленный объект действия вводится при помощи предлога *на* (напр., *не удрие и нъ нас*, ‘и нас тоже ударили’). Это можно сопоставить с использованием в подобной функции в балканороманских языках предлога *ре* (< лат. *per*). Однако П. Асенова и В. Алексова осторегаются приписывать развитие «*nota accusativi personalis*» в южномакедонских диалектах непосредственно арумынскому влиянию. В южномакедонских диалектах «*nota accusativi personalis*» восходит к эпохе до арумынского переселения; в самом же арумынском эти конструкции, скорее всего, являются результатом румынского влияния. Что касается южномакедонских диалектов, то там «*nota accusativi personalis*» используется с большей регулярностью, чем в арумынских. Считая это явление балканским, докладчики предлагают искать более общие причины, индуцирующие балканализмы, в частности, обращаясь к балканской модели мира (БММ) и ее системе бинарных оппозиций.

П. Асенова – один из немногих балканистов, рассматривающих балканские процессы в контексте БММ. На этот раз в том же ключе был построен доклад У. Дуковой (Германия) «О сакральном времени в балканских языках: словарь календарных народных праздников», в котором принципы обозначения временных отрезков (в том числе их персонификация) были рассмотрены *sub specie* общебалканских этнокультурных представлений, т. с. БММ.

Что же касается партикул-клитик в узком смысле, то особое внимание было уделено их позиции в предложении, той степени свободы/несвободы, которая имеет выраженный дискурсивный характер.

Р. Александр (США) в докладе «Еще раз о месте клитик в боснийском, сербском и хорватском» предложила дескриптивную модель распределения клитик во фразе в современных боснийской, сербской и хорватской нормах, которая учитывает диалектологический, диахронический и pragmatический аспекты проблемы. До сих пор традиционная формулировка правила постановки грамматических клитик (так сказать, их первого появления) «клитики занимают вторую позицию» оставляла без ответа вопрос: как определить,

где начинается вторая позиция (после первого слова / сразу после первой составляющей / после первого слова второй составляющей?). В основу своей модели Р. Александр положила деление фразы на ритмические составляющие («*rhythmic structure constituents*»). На синхронном уровне модель позволяет выявлять некоторые языковые особенности боснийских, сербских и хорватских текстов (так, например, в боснийских текстах вспомогательный глагол (= клитика) сложных форм *bili* идет после первой сложной составляющей: *Nova godina 2007. je bila pomala vanredna*, а хорватская и сербская нормы допускают большую свободу, например, связка может оказаться внутри второй составляющей: *Nova 2007. godina bila je malo drugačija* (хорв.), *Nova 2007. godina bila je nešto drugačija* (серб.). На основе предложенной модели можно показать диахроническую дивергенцию норм и динамику изменений постановки клитик в каждой из них.

Доклад У. Брауна (США) «Синтаксические этюды градищанского хорватского» был посвящен смежной теме: он сравнивал расстановку клитик (к которым он относит возвратное местоимение *se*, вопросительную частицу, генетивные, дативные, и аккузативные краткие личные местоимения, краткие формы вспомогательных глаголов) в градищанском хорватском (земля Бургенланд, Восточная Австрия) в сопоставлении с нормой хорватского языка Хорватии и показывал основные различия между ними: в градищанском клитики, в отличие от нормативного хорватского, не могут помещаться внутрь первой составляющей; подчиненные предложения в составе сложного могут трактоваться как составляющая и присоединять клитики после себя, что недопустимо в нормативном хорватском; взаимное расположение возвратных и аккузативных клитик варьируется в зависимости от лица местоименной клитики (ср. *Vojim te se* ‘Я тебя боюсь’, *Vojii me se* ‘Они меня боятся’, но *Vojim se ga* ‘Я боюсь его’ и т.д.). Эти различия, как считает автор, не могут быть объяснены контактом с немецким или венгерским.

Проблема расстановки клитик на материале болгарского языка была рассмотрена в докладе С. Фрэнкса (США) «К вопросу о структуре болгарских сложных времен». Он проанализировал порядок местоименных клитик, когда они используются в одной конструкции с болгарскими сложными временами (перфект, плюсквамперфект). На основании ряда примеров было выработано несколько моделей, описывающих распределение клитик в контексте синтаксических составляющих («*sintactic constituents*»). Он счи-

тает, что если вспомогательный глагол предшествует причастию, то синтаксическая составляющая не образуется. Только если причастие предшествует вспомогательному глаголу в конструкции, где оно вынесено вперед при фокусировании, образуется сложная синтаксическая вершина («*complex head*»), внутрь которой свободно могут быть помещены исключительно клитики.

Один из главных выводов доклада В. Хилл (Канада) «Румынское *ia* как показатель императива» – необходимость учета роли дискурса при анализе деривационных процессов в синтаксисе. Используя иерархию функциональных проекций левого края предложения, В. Хилл показывает, что дискурсивный маркер *ia* ведет себя как клитики-показатели других наклонений, но в отношении него не действует запрет на совместное употребление, поэтому он является скорее дополнительным средством («усилителем»), чем показателем наклонения.

Среди других докладов, которые не анализируются мною в данной хронике, были доклады, посвященные диалектологии, словообразованию, этимологии, ареальной лингвистике, социолингвистике и несколько докладов по литературоведению и истории науки. В единое целое их связывала балканистика в широком смысле этого слова.

Если подойти к перечисленным докладам с точки зрения классификации, предложенной Т.М. Николаевой («старое о старом», «старое о новом», «новое о старом» и «новое о новом») [Николаева 1990], то – что отрадно заметить – они подпадают под два последних типа классификации: «новое о старом» и «новое о новом». А это и есть свидетельство движения вперед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зализняк 2008 – А.А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Николаева 1990 – Т.М. Николаева. Опыт классификации ученых: метод – объект // Проблемы кибернетики. К 60-летию В.А. Успенского. 1990. № 3.
- Николаева 2008 – Т.М. Николаева. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих» частиц). М., 2008.
- Friedman 1988 – V.A. Friedman. The category of the evidentiality in the Balkans and the Caucasus // A. Schenker (ed.). American contributions to the Tenth international congress of Slavists. Linguistics. Columbus, 1988.

М.М. Макарцев (Москва)

Шестая международная конференция по языковым ресурсам и их оценке (Language Resources and Evaluation Conference – LREC)

Шестая международная конференция по языковым ресурсам и их оценке прошла с 26 мая по 1 июня 2008 года в г. Марракеше (Марокко). LREC – самая большая и разнообразная по направлениям исследований корпусная конференция в Европе. В этом году было принято 645 докладов и участвовало более 1000 человек из стран Европы и Азии, из Канады, США, Австралии и Южной Африки. На официальном сайте www.lrec-conf.org/lrec2008 будут опубликованы все материалы нынешней конференции – организаторы рассматривают это как шаг к развитию мирового корпусного сообщества.

Подобно подмосковной международной конференции «Диалог», которая проводится ежегодно в июне и собирает лучших лингвистов и программистов, работающих в сфере компьютерной лингвистики, на эту конференцию приезжают и лингвисты, и инженеры корпусов.

Этот год – юбилейный для конференции. Первая состоялась в 1998 году в Гранаде, по инициативе Антонио Замполли, профессора из Института компьютерной лингвистики (Пиза, Италия). Прошло десять лет, и вот уже учреждена премия имени А. Замполли, одна из самых престижных в области компьютерной лингвистики. В этом году она была вручена Й. Уилксу из Университета Шеффилда (Великобритания). Лауреат сделал обзорный доклад о развитии корпусной лингвистики и теории автоматической обработки языковых данных за последние 45 лет. Все начиналось с новостных корпусов незначительного объема, затем была поставлена задача снятия неоднозначности, в настоящем развиваются диалоговые корпуса, а будущее, как считает Й. Уилкс, – за всемирной семантической сетью (Semantic Web) и всеобъемлющими моделями.

По словам председателя Оргкомитета конференции Н. Кальцолари (Институт компьютерной лингвистики, Пиза, Италия), корпусные методы уже не нужно защищать и продвигать: их эффективность говорит сама за себя. Н. Кальцолари подчеркивает, что конференция LREC – один из способов организовать интеграцию разных специалистов по языковым ресурсам и языковым технологиям.

С недавнего времени наличие конференций и ее ресурсов дополняется изданием одноименного журнала («Language resources and evaluation»), под редакцией Н. Иде и Н. Кальцолари.

Специалисты по письменной и устной речи, мультимодальности, исследователи терминологии, онтологии, собственно лингвисты, контент-провайдеры и другие профессиональные работники в этой области действуют независимо друг от друга. Все более разрастающееся поле исследований требует объединения и координации общих усилий.

Конференция состояла из основной части и семинаров; в основной части параллельно проходили доклады и стеновые сессии.

Были представлены несколько сотен лингвистических ресурсов – корпусов и систем автоматической обработки текста. Предлагались доклады, посвященные созданию и функционированию корпусов для исследования самых разных лингвистических задач: 1) корпуса звучащей речи, мультимодальные корпуса, 2) корпуса жестовых языков, 3) коллекции параллельных текстов на нескольких языках, 4) банки синтаксических деревьев, 5) корпуса с семантической разметкой, 6) корпуса кореферентности, 7) корпуса с размеченными именованными сущностями.

Многие ресурсы все еще находятся в стадии разработки и поэтому не могут пока считаться представительными. В то же время, были доклады и по крупным национальным проектам, например, по польскому, американскому и нидерландскому корпусам. Национальный корпус русского языка был представлен одним докладом про нестандартные формы в корпусе (Е. Гришина – Россия) и одним стендом про семантическую разметку в корпусе и снятие неоднозначности у имен существительных и прилагательных при помощи специальных правил – фильтров (О. Ляшевская, О. Шеманова – Россия).

Несколько заседаний были посвящены машинному переводу. Рассматривались задачи составления и предварительной обработки параллельных корпусов (М. Фишель, Х. Каалеп – Эстония), улучшения используемых статистических моделей языка (К. Лавеккиа и др. – Франция; М. Карпуда, Д. Ву – Гонконг; М. Карл – Германия), интеграции существующих языковых ресурсов (М. Итагаки, К. Аикава – Япония; Ю. Чен и др. – Германия; Б. Бабич и др. – Великобритания) и развития методов автоматической оценки качества перевода (Б. Бабич, Э. Хартли – Великобритания).

Было отмечено (С. Хасан, Х. Най – Германия), что современные технологии, находящиеся в открытом доступе, позволяют создать базовую систему машинного перевода

для произвольной пары языков всего за несколько недель. В то же время, дальнейшее улучшение и развитие подобных систем требует сложного лингвистического и математического моделирования.

В ходе дискуссий неоднократно высказывалось мнение, что дальнейший прогресс в области статистического машинного перевода невозможен без анализа сложных лингвистических структур. Это, в свою очередь, поднимает вопрос о применимости стандартных метрик автоматической оценки качества: BLEU, ROUGE и других. Б. Бабич и Э. Хартли представили исследование, демонстрирующее, что существующие метрики неприменимы для оценки машинного перевода нового поколения.

Тема использования Интернета в качестве источника языковых данных уже стала традиционной для LREC. В этом году, однако, она вызвала повышенный интерес в связи с пленарным докладом одного из основоположников теории информационного поиска Р. Баеса-Йейтса (США), который сопоставил различные виды знаний, представленные в Интернете. С одной стороны, пользователи ежедневно выкладывают в сеть мегабайты неструктурированной информации: тексты, картинки, видео и прочее. С другой стороны, появляется все больше успешных проектов по каталогизации и структуризации существующих знаний (например, веб-каталоги и Википедия). Р. Баеса-Йейтс оценил новейшие разработки в области семантической сети (Semantic Web) как уникальную возможность дать пользователям инструмент для самостоятельной структуризации своих данных. Такой подход выводит задачу интерист-поиска на принципиально новый уровень.

Структуризация и верификация представленной в Интернете информации становится все более актуальной и для компьютерной лингвистики. Если на предыдущих конференциях обсуждались, в основном, алгоритмы, основанные на частотах совместной встречаемости слов в Интернете, то сейчас все больше исследователей обращаются, например, к Википедии как к источнику языковых данных. Так, на конференции были представлены основанные на Википедии алгоритмы разрешения кореферентности (К. Мюллер и др. – Германия), составления лексико-семантических баз данных (Т. Цеш и др. – Германия) и онтологий (Г. Ку и др. – Гонконг).

Большинство исследований в области лексической семантики были посвящены онтологии WordNet и аналогичным проектам для других языков. Рассматривались способы автоматического пополнения подобных ресур-

сов с помощью статистического анализа семантической близости (Б. Бродя и др. – Польша) и сопоставления уже существующих онтологий для других языков (Ф. Бонд и др. – Япония).

Ряд докладов был посвящен методам автоматического извлечения устойчивых сочетаний и терминов в различных языках: арабском (С. Булакнадель и др. – Франция), китайском (Ю. Янг и др. – Китай), латышском (Д. Дексле и др. – Латвия), словенском (С. Винтар, Д. Фишер – Словения) и других. Подобные алгоритмы позволяют расширять существующие онтологии за счет специальной лексики.

Для описания валентностных характеристик глаголов большинство исследователей используют теорию фреймов, предложенную Ч. Филлмором в конце 70–80-х годов. Был представлен целый ряд докладов о создании корпусов предложений с размеченной фреймовой структурой (аналоги американского проекта FrameNet) для различных европейских языков. FrameNet-ресурсы создаются на основе уже имеющихся корпусов с помощью дополнительного уровня разметки, что позволяет проследить взаимосвязь между различными слоями лингвистического описания. К сожалению, такая архитектура часто приводит к несоответствиям и противоречиям между разметками, что представляет большую проблему для создателей корпуса. Соответственно, несколько докладов были посвящены интеграции FrameNet-аннотаций в другие ресурсы: CCG корпус синтаксических деревьев (С. Боксвелл, М. Уайт – США) и онтологии (П. Воссен и др. – Нидерланды).

Два заседания и несколько стендовых докладов были посвящены синтаксису: созданию банков синтаксических деревьев и улучшению алгоритмов автоматического разбора предложения. Обсуждались проблемы синтаксической разметки в различных корпусах.

На нескольких заседаниях рассматривались проблемы дискурса, прежде всего, кореферентности. Были представлены корпусные исследования дискурсивных коннекторов (Э. Хинрикс, М. Лау – Германия) и несколько алгоритмов разрешения кореферентности для разных языков (И. Хендрикс и др. – Бельгия–Нидерланды; М. Мюллер и др. – Германия; К. Орасан и др. – Великобритания–Румыния–Португалия). О. Юропина (Россия) проанализировала результаты работы современных систем разрешения кореферентности и отметила ряд подзадач, которые не могут быть успешно решены популярными в настоящее время статистическими методами. Во время последовавшей за до-

кладами дискуссии многие исследователи отмечали, что существующие корпуса кориферентности не могут считаться представительными. Соответственно, было предложено несколько новых проектов по созданию корпусов с дискурсивной разметкой.

Ряд докладов был посвящен созданию и поддержке корпусов устной речи. Рассматривалась взаимосвязь речи и возраста говорящего (С. Мёллер и др. – Германия–Великобритания), а также речевой ситуации (К. Марасек, Р. Губринович – Польша; Н. Моралес и др. – Испания). Кроме этого, были представлены корпуса, отражающие региональные особенности звучащей речи (К. Бринкманн и др. – Германия; Р. Мур – Австрия).

Наконец, одной из самых популярных тем конференции было взаимодействие человека и компьютера. Профессор Дж. Хиршберг (США) делала пленарный доклад о том, как распознавать автоматически, лжет человек или говорит правду. Исследователи этой проблематики обращали внимание на позы, поведение человека (например, трогает ли он волосы и лицо во время разговора), выражение лица, мимику, просодические характеристики, скорость сообщения, впечатление, которое производит рассказ и т.д. В исследовании Дж. Хиршберг параметры связываются с результатами тестирования испытуемых, одновременно со своим высказыванием тайно нажимающих педаль «правда» или «ложь». Их показания фиксируются и сопоставляются после опроса. При помощи этого психолингвистического теста был составлен небольшой корпус, который служит базой исследования речевых характеристик лжи. Проект, который впрочем пока находится в начальной стадии, преследует достаточно амбициозные цели – научить машину автоматически отличать ложь от правды.

На последовавших за докладом заседаниях были рассмотрены следующие практические задачи: 1) разработка диалоговой системы человек–машина, в которой по запросу человека выдается информация о наземном транспорте и его расписании; 2) разработка диалоговой системы человек – машина («умный дом») для пожилых людей; 3) разработка встроенной в автомобиль системы, распознающей голос пьяного человека (в Баварии собирают корпус звучащей речи для исследования особенностей речи людей с высокой дозой алкоголя в крови); 4) проекты по автоматическому извлечению информации и диалоговому общению человека с компьютером в музейной сфере: роботы, сконструиро-

ванные таким образом, уже довольно успешно применяются в работе музеев.

Как мы уже говорили, на конференции было также проведено 25 семинаров и круглых столов по различным направлениям корпусных исследований. Особо отметим следующие темы:

- сбор материала и построение корпуса;
- лингвистическая аннотация корпусов;
- исследование эмоций и метафор в корпусе;
- мультимодальные корпуса;
- использование веб-пространства как корпуса;
- коллокации и устойчивые сочетания в корпусе;
- корпусное исследование диахронических изменений;
- корпуса звучащей речи;
- автоматическая обработка терминологии (особенно медико-биологической);
- корпуса языка глухонемых;
- автоматическая обработка малоисследованных языков.

На круглом столе, посвященном аннотации корпусов, были поставлены следующие задачи: 1) расширять круг корпусов и явлений, которые в них рассматриваются; 2) создавать корпуса разной модальности; 3) корпусные исследования должны предсказывать, какие области в языке наиболее подвержены изменению; 4) как и люди, машинные программы должны научиться автоматически извлекать только релевантную информацию.

В заключение обзора обратим внимание на принципиальные отличия LREC от уже упомянутой российской конференции «Диалог». На LREC почти полностью отсутствуют собственно теоретические доклады, не связанные с устройством корпуса, его статистической оценкой и его практическим применением. Напротив, область, которой было посвящено значительное количество докладов и под которую была даже выделена особая секция, – это проблема финансирования, поиск грантов, планирование проектов, спонсорство, отчетность и защита прав авторов материалов, из которых составляются корпуса. Главной же особенностью конференции LREC является разнообразие представленных проектов. По словам президента Европейской ассоциации языковых ресурсов (ELRA), если вы хотите пообщаться с каким-то конкретным специалистом в области языковых ресурсов и их оценки – приезжайте на эту конференцию, и он обязательно будет на ней выступать.

О.М. Урюпина, О.Ю. Шеманаева (Москва)

С 4 по 8 июня в Бекасово Московской области состоялась 14-я международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог». Одноименный междисциплинарный семинар проводился еще в 1970-е. Последние несколько лет конференция проходит под Москвой ежегодно в самом начале июня под патронажем Российского фонда фундаментальных исследований и при организационной поддержке компании ABBYY.

Основная идея конференции – создать широкое поле для интенсивного научного общения между специалистами по теоретической и прикладной лингвистике и их коллегами, работающими в области компьютерных технологий. По словам организаторов, «практическая цель этого междисциплинарного общения – решение широкого спектра задач автоматической обработки естественного языка, а научная цель заключается в том, чтобы получить теоретические и языковые описания той степени полноты и эксплицитности, которая позволила бы решать вышеуказанные задачи. В этой ориентации инженерной практики на адекватные лингвистические и коммуникативные модели и состоит специфика «Диалога», отличающая его от большинства конференций по компьютерной лингвистике».

В соответствии с этими установками программным комитетом конференции было принято около ста докладов, которые можно разделить на три примерно равные части: (1) исследования по теоретической лингвистике; (2) работы, так или иначе связанные с компьютерной лингвистикой; (3) доклады, посвященные вопросам представления знаний и анализа данных на естественном языке.

Среди проблем теоретической лингвистики, затронутых на конференции, большая часть относится к области семантики. Масштабное исследование концептуальных полей эмоций в русском и английском языках, предпринятое В.Ю. Апресян (Москва) (ее доклад открыл конференцию), показывает, что несовпадения в устройстве лексики разных языков не обязательно говорят о различиях в ментальных особенностях их носителей. Острую дискуссию вызвал доклад А.Н. Баранова (Москва), который предложил новый подход к описанию идиом, учитывающий вклад образной составляющей семантики идиом в их значение. А.В. Козлова, Е.А. Лютикова, О.В. Федорова (Москва) на материале русских глаголов (на

типологическом фоне) и с учетом данных психолингвистических экспериментов предлагают уточненную классификацию каузативных отношений в рамках модели динамики сил, предложенной Л. Талми. Т.В. Крылова (Москва) рассматривает некоторые близкие по значению оценочные прилагательные, описывающие поведение, и делает вывод о том, что в русском языковом сознании сохраняются представления о связи между внутренними качествами и социальным происхождением человека. Б.Х. Парти (Амхерст/Москва) в своем докладе приводит примеры симметричных, несимметричных и асимметричных предикатов естественного языка, обращая внимание на различие между математическими определениями симметрии и понятием симметрии, которое бы наилучшим образом соответствовало лингвистическим обобщениям. О.Ю. Шеманасва (Москва) описывает русские глаголы погружения (движения вниз в разных средах), выделяет для них дифференциальные семантические признаки и обсуждает пути метафоризации. Работа Б.Л. Иомдина (Москва) посвящена русской метаязыковой лексике с нетривиальной сферой действия, описывающей соотношения названий друг с другом и с именуемыми объектами. Предложены толкования и выделено несколько ключевых смыслов.

Много интересных докладов было посвящено анализу дискурса и семантике дискурсивных слов, в особенности частиц. В русле описания контекстов, обуславливающих сдвиг значения, Е.В. Падучева (Москва), продолжая исследования так называемых эгоцентрических элементов, исследует режимы интерпретации (диалогический, нарративный и гипотактический) и языковые единицы, развивающие разные значения при употреблении в разных режимах. Работа Д.О. Добровольского, Е.В. Падучевой (Москва), кратко представленная на конференции А.Н. Барановым, также посвящена анализу дейктических элементов, но на материале немецкого языка. Доклад И.А. Шаронова (Москва) посвящен выявлению дифференциальных признаков для разграничения эмоциональных междометий и частиц различных типов. О.А. Герасименко (Тарту), анализируя корпус диалогов, рассматривает пути к выявлению инварианта частицы *ага*. В работе И.М. Кобозевой, С. В. Орловой (Москва) на материале параллельных текстов проводится контрастивный анализ немецкой частицы *ja* и ее русских эквивалентов *ведь* и *же*, выявляются семантико-синтаксические

различия в функционировании этих частиц, не зафиксированные в словарях и грамматиках. И.Б. Левонтина (Москва) описывает русскую дискурсивную частьцу *уж* и выявляет связи различных наблюдаемых при ее употреблении прагматических эффектов с компонентами ее значения. В докладе Е.В. Урысон (Москва) обсуждаются возможности композиционального анализа союзов и частиц. Синонимия союзов *а то* и *а не то* (в ряде контекстов) объясняется внутренней структурой этих союзов, имевшей анафорическое происхождение. Автор говорит о необходимости согласования синхронного описания языковых единиц с их этимологией и историей.

Синтаксису на «Диалоге» традиционно уделялось меньше внимания, причем и представленные в этой области доклады в основном рассматривают синтаксические проблемы через призму семантики. Так, Л.Л. Иомдин (Москва), продолжая большую серию работ, посвященных синтаксическим фраземам русского языка, рассматривает один класс таких фразем, каждая из которых обладает неповторимым набором синтаксических и семантических свойств. А.В. Десятова, О.Н. Ляшевская, А.А. Махова (Москва) описывают русские конструкции с «творительным формой» типа *хвост кольцом* в терминах топологических классов, разработанных Л. Талми и Е.В. Рахилиной. В.Б. Борщев (Москва) обсуждает разные лексемы глагола *быть* в локативных и бытийных предложениях и их синтаксическое поведение. Доклад А.Л. Леонтьевой и А.Н. Леонтьева (Москва) посвящен конструкциям с рекурсивной группой «у + родительный», свойственным современной разговорной речи. Предлагается объяснение семантических, синтаксических и дискурсивных ограничений на употребление, обнаруживающихся при анализе этих конструкций. О.В. Митренина (С.-Петербург) с учетом данных типологии анализирует коррелятивные предложения русского языка и их коммуникативную структуру. В докладе А.Э. Грачевской (Москва) в рамках генеративной теории выдвигается и обосновывается гипотеза о сложной двухуровневой структуре группы прилагательного в русском языке. В работе Т.Ю. Кобзаревой (Москва), носящей прикладной характер, предложен модуль графа связей сегментов в русском предложении в системе поверхностно-синтаксического анализа.

Большая группа докладов была посвящена просодии. Доклад Т.Е. Янко (Москва) призван решить проблему представления просодической информации в словаре. На материа-

ле обращений в русском языке предложено объяснение нетривиальных коммуникативных возможностей лексем и разработаны пути классификации идиоматических просодий и соответствующих иллокутивных сил. А.В. Циммерлинг (Москва) описывает механизмы выбора носителя фразового акцента и порядка слов в русском языке и предлагает формальную процедуру построения предложений с заданным актуальным членением. А.А. Кибрик (Москва) разработал методологический аппарат создания просодических портретов говорящих, позволяющий более точно записывать устную речь при создании соответствующих корпусов. Н.А. Коротаев, В.И. Подлесская (Москва) представляют опыт использования одного из таких корпусов, снабженных просодической разметкой, для исследования фразовой акцентуации сложных предложений в русском языке. Интонации были посвящены также доклады М.Л. Палько, Е.В. Маркасовой (С.-Петербург).

Были рассмотрены и некоторые более частные проблемы современной теоретической лингвистики. Так, Анна А. Зализяк (Москва) показывает, как языковые аномалии в текстах Платонова могут быть использованы для получения нетривиальной информации о семантических, сочетаемостных и категориальных свойствах слов русского языка. Вторичные номинации, рассмотренные в работе М.А. Кронгауза (Москва), представляют собой широко распространившийся способ словообразования, присущий современной разговорной речи и сленгу. Доклад Г.Е. Крайдлина (Москва), посвященный лекторским дейктическим жестам, и его же совместная работа с С.И. Переверзевой (Москва) о невербальных единицах с телесными компонентами, входящими в их физическую реализацию, продолжает большой цикл работ автора и его коллег по невербальной семиотике. Доклад А.Д. Шмелева (Москва), как уже стало приятной традицией на «Диалоге», посвящен жанру анекдота: анализируются анекдоты, построенные на имитации украинской речи.

Каждый год Программный комитет конференции предлагает уделить особое внимание каким-либо актуальным проблемам. В этом году доминантами конференции стали темы «Современная лексикография и лингвистика» и «Корпусы текстов как объект и инструмент лингвистических исследований». Связь этих тем очевидна: именно появление корпусов радикально изменило методику работы с языковым материалом. Сближение прикладной лексикографии с теоретической

лингвистикой, по словам организаторов, является одной из важнейших целей «Диалога», и на конференции были представлены работы, отражающие новые подходы к языковому материалу, новые лексикографические объекты, новые типы словарей.

Ю.Д. Апресян (Москва) представил проект Активного словаря русского языка. Словарь аккумулирует достижения европейской лексикографии и результаты современных исследований, в первую очередь в области семантики и синтаксиса. Такой словарь должен, по замыслу авторов, выполнять сразу две функции: быть компонентом полного научного описания русского языка, служащего базой для теоретических исследований, и служить лексикографическим справочником активного типа, предназначенным для широкого круга пользователей. В докладе И.С. Кудашева, И.О. Кудашевой (Москва) на примере двух финско-русских словарей был описан опыт составления переводных терминологических словарей. Специфику составления двуязычных словарей обсуждаст также А.И. Кузнецова (Москва). А.Л. Воскресенский, Т.В. Леонова (Москва) предложили сопоставительное лексикографическое описание русского языка и жестов языка глухих России. В.И. Беликов (Москва) привлекает внимание к проблеме составления словарей, адекватно фиксирующих и описывающих наиболее употребительные русские пословицы и поговорки, и предлагает учитывать современное словоупотребление на основе частотного исследования газетной речи и блогов.

Было представлено сразу несколько словарных проектов, разрабатывающихся или предлагаемых к разработке на обширном материале корпусов текстов, в первую очередь Национального корпуса русского языка. Так, Е.В. Муравенко (Москва) предлагает проект словаря изменения управления в русском языке начала XIX – начала XXI вв.; С.О. Савчук, Е.А. Гришина (Москва) – проект нового словаря вариантов в русском языке; Г.И. Кустова (Москва) – прообраз электронного словаря, включающего обстоятельственные обороты и грамматические единицы, не имеющие номинативной начальной формы; О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров (Москва) – новый Частотный словарь русского языка.

Корпусам текстов, кроме того, были посвящены две секции конференции и специальный круглый стол. Были представлены, в частности, синтаксически аннотированный корпус чешского языка (А.Ю. Недолужко, Я. Гаич), диалектологический корпус

(О.Ю. Крючкова, В.Е. Гольдин), корпус параллельных текстов (С.Б. Потемкин, Г.Е. Кедрова), корпус устных переводов (М.Н. Михайлов, Н.Б. Исолахти), звуковой корпус русского языка посредственного общения (С.Б. Степанова и др.), проекты корпуса текстов живой речи (Н.В. Богданова и др.) и звучащей русской речи (Е.А. Гришина, С.О. Савчук), база данных «Интонация русских информационных текстов» (С.В. Кодзасов и др.). Также обсуждались некоторые общие и частные вопросы корпусной лингвистики (доклады С.А. Крылова, С.Ю. Толдовой и Г.И. Кустовой, О.А. Митрофановой и др.).

Наконец, на нескольких секциях конференции рассматривались актуальные проблемы компьютерной лингвистики и смежных областей: машинный перевод, информационный поиск и анализ документов, создание и использование тезаурусов и онтологий, речевые технологии, инструментарии и специализированные базы данных для лингвистических исследований. Отметим такие темы, вызвавшие интерес участников, как синтез устной речи (Б.М. Лобанов, Л.И. Цирульник и др.), автоматическое разбиение текста на предложения (О.М. Урюпина), управление динамикой речевого поведения для виртуальных компьютерных агентов (А.А. Котов). Пленарный обзор, выполненный Е.Б. Козеренко, был посвящен методам глубинной обработки естественного языка и глубинно-семантическим представлениям в современной компьютерной лингвистике.

Программа конференции включала в себя также круглые столы, стендовую сессию, демонстрации программных систем. Всё материалы «Диалога»–2008 (в том числе и те, которые по тем или иным причинам не были представлены на самой конференции) можно найти в сборнике трудов («Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции “Диалог”. Вып. 7 (14), 2008) и на сайте конференции: <http://www.dialog-21.ru/dialog2008/>.

На торжественном закрытии «Диалога» были подведены некоторые итоги конференции. В частности, отмечалось, что организаторам удалось решить конфликт между нехваткой времени, обусловленной особенностями современной жизни, и количеством новой научной информации, обмен которой интенсивно шел на конференции с раннего утра до поздней ночи. Словом, диалог состоялся.

Б.Л. Иомдин (Москва)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

- БЕ – Български език
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВСЯ – Вопросы славянского языкознания
ВФ – Вопросы философии
ВЯ – Вопросы языкознания
ЕИКЯ – Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО РАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАН СЛЯ – Известия АН СССР. Серия литературы и языка
ИКЯ – Иберийско-кавказское языкознание
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук (Росс. АН),
АН СССР
ИЯШ – Иностранные языки в школе
РЯНШ – Русский язык в нац. школе
РЯШ – Русский язык в школе
СбНУ – Сборник за народни умотворения
Сб. ОРЯС – Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
СТ – Советская тюркология
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук (Пушкинского дома)
ФН – Доклады высшей школы. Филологические науки
ADAW – Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
AfslPh – Archiv für slavische Philologie
AGL – Archivio glottologico Italiano
AKGW – Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
AL – Acta linguistica
AmA – American anthropologist
ANF – Arkiv för nordisk filologi
AO – Archív orientální
APAW – Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse
BCLC – Bulletin du Cercle Linguistique de Copenhague
BPTJ – Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego
BSLP – Bulletin de la Société de linguistique de Paris
BSOS – Bulletin of the School of Oriental studies
BzNf – Beiträge zur Namenforschung
CAJ – Central Asiatic journal
CFS – Cahiers F. de Saussure
CJ – The classical journal
FPhon – Folia phoniatrica
FuF – Finnisch-ugrische Forschungen
GL – General linguistics
HR – Hispanic review
IF – Indogermanische Forschungen
IIJ – Indo-Iranian journal
IJAL – International journal of American linguistics
JA – Journal asiatique
JASA – Journal of the Acoustical society of America
JEGPh – Journal of English and Germanic philology
JL – Journal of linguistics
JP – Język polski
JRAS – Journal of the Royal Asiatic society
JSFOu – Journal de la Société finno-ougrienne
ЈФ – Јужнословенски филолог

- KZ – Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
- LaPh – Linguistics and Philosophy
- Lg – Language
- LIn – Linguistic Inquiry
- LM – Les langues modernes
- MM – Maal og minne
- MSFOu – Mémoires de la Société finno-ougrienne
- MSLP – Mémoires de la Société de linguistique de Paris
- MSOS – Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin
- NSS – Nysvenska studier
- NTS – Norsk tidsskrift for sprogvitenskap
- PBB – Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
- PMLA – Publications of the Modern Language Association of America
- RES – The Review of English studies
- RÉG – Revue des études grecques
- RÉSI – Revue des études slaves
- RF – Romanische Forschungen
- RKJL – Rozprawy Komisji językowej Łódz. t-wa naukowego
- RKJW – Rozprawy Komisji językowej Wrocławsk. t-wa naukowego
- RLing – Russian linguistics
- RLR – Revue de linguistique romane
- RO – Rocznik orientalistyczny
- RS – Rocznik slawistyczny
- SaS – Slovo a slovesnost
- SDAW – Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften, Phil-hist., Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
- SL – Studia linguistica
- SMS – Sborník matice slovenskej pre jazykozpyt, národopis a literárnu história
- SPAW – Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften
- StO – Studia orientalia
- SWAW – Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften
- TA – Traduction automatique
- TCLC – Travaux du Cercle linguistique de Copenhague
- TCLP – Travaux du Cercle linguistique de Prague
- TIL – Travaux de l’Institut de linguistique
- TPhS – Transactions of the Philological society
- UAJb – Ungarische Jahrbücher
- VR – Vox Romanica
- WW – Wirkendes Wort
- ZAS – Zentralasiatische Studien
- ZCPh – Zeitschrift für celtische Philologie
- ZDA – Zeitschrift für deutsches Altertum
- ZDMG – Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft
- ZDPh – Zeitschrift für deutsche Philologie
- ZMaF – Zeitschrift für Mundartforschung
- ZNS – Zeitschrift für neuere Sprachen
- ZPhon – Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
- ZRPH – Zeitschrift für romanische Philologie
- ZSL – Zeitschrift für Slavistik
- ZSLPh – Zeitschrift für slavische Philologie